

Вера Чиркова

Разбойник с большой дороги.
Соратницы

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Все проверяется в беде: смелость, честность, благородство и дружба, возникшая благодаря общности судеб, интересов и стремлений.

А ведь поначалу шестеро отвергнутых самыми завидными женихами знатных бесприданниц считали, что хотят только одного – устроить свою судьбу и найти если не любовь, то хотя бы уважение и верность избранника.

Однако, по мере того как своей преданностью и стойкостью добились исполнения самых смелых грез и надежд, начали осознавать, что для подлинного счастья мало неземной красоты, богатства и любви. К ним обязательно должны прилагаться спокойствие и процветание родной страны, и ради этого нужно оказаться на передовой необъявленной, но от этого не менее жестокой войны.

- [Вера Чиркова](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [Глава первая,](#)
  - [Глава вторая,](#)
  - [Глава третья,](#)
  - [Глава четвертая,](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая,](#)
  - [Глава восьмая,](#)
  - [Глава девятая,](#)
  - [Глава десятая,](#)
  - [Глава одиннадцатая,](#)
  - [Глава двенадцатая,](#)
  - [Глава тринадцатая,](#)
  - [Глава четырнадцатая](#)
  - [Глава пятнадцатая,](#)
  - [Глава шестнадцатая](#)
  - [Глава семнадцатая](#)
  - [Глава восемнадцатая,](#)
  - [Глава девятнадцатая](#)

- [Глава двадцатая,](#)
  - [Глава двадцать первая,](#)
  - [Глава двадцать вторая,](#)
  - [Глава двадцать третья,](#)
  - [Глава двадцать четвертая,](#)
  - [Глава двадцать пятая,](#)
  - [Глава двадцать шестая](#)
  - [Глава двадцать седьмая](#)
  - [Глава двадцать восьмая](#)
  - [Глава двадцать девятая](#)
  - [Глава тридцатая,](#)
-

Вера Чиркова
Разбойник с большой дороги. Соратницы

Любителям «Маглора» и «Сестер Тишины»

Пролог

На огромном материке Эркада кипит сложная и подчас жестокая жизнь.

Плетут хитроумные интриги безжалостные ведьмы Ардага, рвется к господству над Дройвией сумасшедший маг, твердой рукой решает судьбы королевских бастардов непреклонная королева Сандинии, а мудрая матушка Тмирна, настоятельница монастыря Святой Тишины, учит обездоленных войной девушек находить себе занятие по душе и достойное место под солнцем.

А где-то далеко на западе, на соединенном с материком лишь узким перешейком Идрийском полуострове, в борьбу за счастье и спокойствие королевы Зантарии, ее верных фрейлин и подданных вступают все новые союзники, и теперь им остается только найти виновников покушений на свободу тальзийцев да остановить их злодейские планы.

Однако легкой эта задача не будет – мошенники и злодеи очень не любят расставаться с нечестно нажитыми сокровищами и невероятными по коварству и жестокости замыслами.

Глава первая, в которой ее величество возвращается в столицу и преданные ей фрейлины устраиваются на новом месте

Дворец встретил неожиданно вернувшуюся королеву непривычной тишиной и небывалой, безукоризненной чистотой, и ее величество печально усмехалась, делая первые шаги по давно пустующим покоем свекрови. Возможно, королевству и ей лично и не будет никакой пользы от крамольных предложений магистров плато, зато необычайно повезло дворцу. Вряд ли слуги добрались бы сюда в ближайшие годы с тряпками и метелками.

Эта, старинная, часть здания не нравилась Зантарии с первого дня замужества. Слишком толстыми казались ей каменные стены с узковатыми окнами и неуютно высокими, гулко ловящими каждое слово потолками. И бывшая хозяйка этого крыла, считавшая сноху жестокой и бессердечной и потому обращавшаяся с ней довольно холодно, тоже не вызывала никакого желания приходить сюда чаще, чем требовали правила этикета.

Поэтому ее величество никогда не согласилась бы поселиться здесь даже на время, однако маги в один голос заявили, что трудно отыскать лучшее убежище. В гранитных и мраморных плитах стен и перекрытий они смогут поставить такие щиты, каких не одолеть никаким зельям и запретным заклятиям. А кроме того, в эту часть дворца крайне трудно проникнуть лазутчикам.

Королева-мать не выносила шума и незваных гостей и когда-то заставила мажордома установить на пути от новой части здания несколько мощных дверей, чтобы никто не заявился незамеченным.

– Позавтракаешь или сначала отдохнешь? – неслышно появилась из гардеробной Фанья, и королева невольно улыбнулась.

Верная подруга, как обычно, рядом и никогда не даст забыть про еду или отдых.

– Нет, лучше сначала расскажи новости. – Затаив дыхание Зантария следила за нахмурившейся тихоней, без видимой цели переставляющей букет с окна на стол.

– Ничего особо важного нет, – наконец доложила та. – Ты и так знаешь

о вчерашнем решении самых влиятельных и знатных господ собраться в тронном зале и обсудить твои последние указы. И никто из них до сих пор не передумал. Маги плато всю ночь ставили там защиту и снимали заранее приготовленные кем-то сюрпризы – их было немного, но все довольно мерзкие, как сказал Год.

– Вот и верь после этого заявлением, что у нас хорошая охрана, – обессиленно опустилась на стул королева.

– Она у нас очень надежная, – чуть побледнев, упорно сжала губы Олифания, – намного сильнее, чем была семь лет назад. Но не рассчитана на преступников, умеющих подчинять людей. Особенно тех из слуг, на ком нет дорогих защитных амулетов.

– А теперь магистры всех проверили? – с надеждой вскинулась королева.

– Да, – еще сильнее помрачнела камеристка. – Поэтому сейчас не стоит расспрашивать преданных горничных о здоровье и родичах. Тех из них, кто был под подчинением, забрали на плато лечить, а вместо них будут прислуживать маги под личиной.

– Ох, боги... – выдохнула Зантария и несколько минут сидела, не в силах справиться с отчаянием. – Только теперь я начинаю понимать, как мы должны быть благодарны Году и его учителю за защитные амулеты. Все в душе холодеет, как подумаю, что могла бы, как эти бедные женщины...

– А мне страшнее было представить, как тебя выдают замуж за такого подчиненного или даже за преступника. Ведь им нужна полная власть в стране, и после этой свадьбы уже никто не заступился бы за наше королевство. Тем более не решился бы просить помощи у плато против воли короля. Даже мечтать никто бы не осмелился. Поэтому послушай моего совета: выпей ромашкового отвара и полежи... а я схожу посмотрю, как устроились девушки. И если хочешь, пришлю сюда Бет или Октябрину.

– Не нужно, пусть спокойно обсудят свои дела. Я пока побуду в одиночестве, мне нужно кое-что обдумать.

Дождавшись, пока подруга, по обыкновению неслышно, выскользнет из комнаты, королева прихватила шкатулку с документами и печатью и направилась в кабинет, ей как раз пришла в голову новая идея.

Олифания постояла немного под дверью королевских покоев, прислушиваясь, огорченно вздохнула и, подавив желание вернуться, побежала к фрейлинам. Комнаты для приближенных королевы в этой стороне дворца были не так просторны и благоустроены, как в его новой части, и разделения на мужскую и женскую половины тут не было. Все

двери выходили в просторный зал-галерею, широким кольцом обнимающую внутренний садик. Фрейлины королевы-матери некогда любили здесь прогуливаться и беседовать, устроившись на диванчиках, расставленных в скрытых тяжелыми занавесями нишах. И даже пить чай, для чего кое-где возле высоких сводчатых арок, забранных ажурным стеклом, стояли столики и кресла.

Окинуть одним взглядом этот необычный зал было просто невозможно, и служанкам приходилось обегать его по кругу, а иногда и не раз, чтобы найти, где гуляет срочно потребовавшаяся королеве фрейлина или воспитанница.

Но теперь Фанье никого искать не приходилось, поисковый браслет, выданный Вирденсом на самый крайний случай, украшали плоские, как чешуйки, разноцветные камушки, и каждый был связан с кем-то из тех, кто мог ей понадобиться. И все шесть камней, расположенных рядом и означавших кадеток, неярко светились с правой стороны. Камеристка свернула туда и вскоре обнаружила компанию названных сестер, уютно расположившихся за чайным столиком у распахнутых настежь створок арки.

Девушки о чем-то оживленно беседовали, наслаждаясь ароматом цветов и свежестью ветерка, шевелившего муслин занавесей, но при ее приближении дружно смолкли.

– Маги разрешали открыть окно? – первым делом строго осведомилась тихоня.

– Год сам открыл, – мягко улыбнулась ей Бетрисса. – Оказывается, магистры плато растянули сверху магический купол. Садись, выпей чаю. Собрание только через час.

– Я знаю, – нахмурилась Фанья. – А вам хочу повторить еще раз: не забываете, вы просто фрейлины, а не воины и не маги. Поэтому постарайтесь не делать слишком серьезных лиц и не оглядывайте знатных господ подозрительными взглядами. Пока неизвестно, кто из них на самом деле желает свергнуть королеву, а кого к этому принудили. Или обманули... но это пока не важно. Хуже, если среди них скрывается враг, вот он по настороженным лицам фрейлин может заподозрить ловушку.

– Но и наивно хлопать глазками нам тоже нельзя, – возразила Октябрина. – Мы ведь не белошвейки, совсем уж ничего не понимать.

– Только поэтому вас туда и берут, – вздохнула Фанья, которой на совещании предстояло изображать оставленную королевой в Беленгоре Саэлену. – Но предупредить лишний раз не помешает. Сами понимаете, наши нынешние враги – вовсе не Донгерский, за шпаги не схватятся. У них

оружие пострашнее, и проверить, какое, заранее нельзя, чтобы не спугнуть тех, кто за всем этим стоит.

Обвела строгим взглядом посерьезневших кадеток и направилась к буфетной, горничных сюда пока не пускали проверяющие прислугу маги.

– А знаете, – задумчиво произнесла сидевшая рядом с воспитанницей Бетрисса, – в последние дни мне часто вспоминается герцог Донгерский, и я все яснее вижу ответы на те вопросы, которых не могла решить все восемь лет, прошедшие с того времени. Его светлость ведь никогда не рвался к власти, и денег у него хватало. Он был весельчак и гуляка, любитель вкусной еды и пышных, ярких женщин. Ему просто незачем было затевать такое трудное дело, подвергать опасности семью и свою собственную жизнь.

– Теперь я тоже жалею, что герцог погиб, – кивнула ей Дора, – а в то время искренне считала его предателем и мечтала увидеть на виселице. Хотя герцогов не положено вешать... самое большое наказание для них – это пожизненное заключение.

– Ты думаешь, – догадалась Тэрлина, – что теперь маги могли бы его проверить и сказать, был ли Донгер подчинен?

– Если это так, то мне тоже его очень жаль, – очнувшись от своих мыслей, тяжело вздохнула Августа. – И всех тех, кто погиб, обманом втянутый в эту битву. Но я очень надеюсь, что теперь маги не допустят новой войны. Карл... он ведь офицер... если с ним...

– Не напророчь, – нарочито строго прикрикнула Бет. – Твой муж не при мечниках офицер, а при баллистах и пушках, да и не отпустит его королева на войну. Не так много у нее верных людей, как оказалось.

– Просто войны больше не будет, – твердо заявила Дора. – Год сказал, раз они напали на Тэри и разбойника, маги плато не остановятся, пока не выловят всех негодяев до последнего.

– А я думаю, – невпопад сообщила вдруг Октябрина, – пора нам дать клятву соратниц. Всегда стоять друг за друга, никогда не слушать сплетен и наветов и не допускать сомнений в верности и честности названных сестер. Ну и всегда поддерживать королеву, как мне кажется, она очень несчастная женщина.

Ее последние слова весьма ошеломили кадеток, и они дружно смолкли, размышляя над неожиданностью сделанного герцогиней Сарнской заявления и пытаясь понять, какие события или действия королевы привели Окти к такому выводу.

– Помогайте, – вернулась Олифания, принеся заставленный едой поднос и горячий чай.

В этой части дворца была собственная, хоть и маленькая, но очень удобная кухонька, и пользоваться надлежало только ею. Годренс первым делом запретил всем даже пробовать блюда, принесенные из центральной кухни.

– Только ничего не говорите главному повару и горничным, – предупредил он Фанью. – Слуги должны думать, будто мы все съедаем сами. Магистрам сейчас некогда следить за каждой принесенной сюда булочкой, и они просто поставили в нашей кухне безразмерную кладовую, полную готовой еды. Ее достаточно лишь разогреть. Охране приказано следить, чтобы горничные оставляли блюда с кушаньями в буфетной, расположенной за предпоследней дверью. Она защищена особым заклинанием, и никому не нужно о том знать. А ты особо накажи фрейлинам, чтобы ничего не ели в тронном зале, ну и присматривай за ними. У Кати есть привычка от досады или разочарования грызть все, до чего она дотянется. Говорю просто на всякий случай, маги тоже будут следить, ну и я, конечно.

Кадетки поспешили помочь камеристке накрыть на стол и некоторое время пили чай с таким сосредоточенным видом, словно делали очень важную и секретную работу.

– У нас что-то произошло? – наконец не выдержала их упорного молчания Фанья. – Может, вы узнали, что у Годренса есть в Дройвии первая жена, а барон Габерд прячет в подвале своего дома гарем из торемских невольниц? Или у герцога Лаверно нашлось с десятков бастардов?

– Олифания! – первой возмутилась Дора. – Откуда ты такое взяла?

– Сочинила, только что, – невозмутимо сообщила тихоня. – А что, скажите, мне было думать, когда вы молчите с самым мрачным и таинственным видом?

– Мы обдумываем слова клятвы, – серьезно глянула на нее Тэрлина. – Как нам кажется, сейчас самое время закрепить нашу дружбу, чтобы не позволить дворцовым сплетникам и сводням отравить то светлое доверие, которое постепенно связало нас крепко, как родственные узы.

– Не в каждой семье они так крепки, как тебе кажется, – невесело усмехнулась Фанья. – Бывает, родные братья и сестры готовы друг другу горло перегрызть из-за сущей безделицы, а уж как дойдет дело до дележа наследства, то и вовсе становятся злее и кровожаднее диких зверей. Но такую клятву, про какую ты говоришь, я знаю и амулет – закрепить сказанные слова – могу достать. Однако есть одна тонкость – клясться нужно от души и не позволять себе никаких оговорок или послаблений.

Тогда обет войдет в полную силу. Но сейчас уже не успею, только после совещания.

– Тогда мы пока просто поклянемся на наших амулетах, сложим их в одну чашу, – решила Бетрисса. – Когда я работала в лечебнице, так принимали клятву у новеньких сиделок и помощников целителя. И хотя магии здесь нет, но она действовала, уж не знаю почему.

– Не может совсем не быть магии в мире, где есть такой мощный источник, как плато, – бледно усмехнулась тихоня. – Просто там, где для сильных магов пусто, – для ведьмы или оборотня вполне достаточно. А кроме того, и у нас есть источники, только мало и в самых недоступных местах.

– Значит, клятва будет закреплена, – освобождая вазу, обрадовалась Октябрина. – А то как представлю этих придворных интриганок, так начинаю тосковать по горному замку. Знаете, никогда не думала, что однажды скажу нечто подобное, но лишь теперь я поняла, как хорошо нам там было. Даже враг был всего один, и тот простой и понятный.

– И даже милый, – вздохнула мечтательно Кати и тут же смутилась, рассмотрев направленные на нее заинтересованные взгляды подруг. – Ну, он ведь всегда был учтив и спокоен? И мы точно знали... в глубине души, что ничего плохого разбойник никогда нам не сделает...

– Убирай, – досадливо морщась, рыкнул Рад, отворачиваясь от развернутого над шаром туманного зеркала. – Давай лучше караулки проверим.

– Как хочешь, – пряча улыбку, согласился Год, он и сам не ожидал от кадеток таких слов. Это надо же додуматься – назвать милым сурового и язвительного наставника!

Тяжелая чаша горного хрусталя показалась Октябрине самой подходящей для их замысла, и теперь, для верности тщательно протертая крахмальными салфетками, она стояла перед Бетриссой, с самым серьезным видом опускавшей в томно сияющую глубину амулеты кадеток.

– Клянемся... – припоминая слова клятвы, произнесла Бет неуверенно и вопросительно глянула на Олифанию, остановившую ее прикосновением к плечу: – Да?

– Сейчас я напишу, – невесть откуда выудив листок бумаги, стремительно черкала та магическим стилем, – а прочтет пусть Тэрлина, вернее будет.

– Правильно, – ничуть не обиделась герцогиня Лаверно, – как я

забыла! Тэри, ты сможешь?

– Если нужно... – спрятала вздох маркиза, готовая ради подруг преодолеть стойкое нежелание пользоваться силой своего голоса, – то даже спую.

– Попробуй говорить, как жрецы в храмах судьбы, – подавая ей листок, осторожно посоветовала заметившая смятение кадетки Фанья. – Торжественно и прочувствованно, от всей души желая, чтобы сказанное тобой влилось в эти браслеты, как мед в сосуд.

– Хорошо. – Несколько минут Тэри молча читала клятву, стараясь запомнить ее как можно точнее, потом взглянула в чашу, рассматривая с виду разные, но чем-то неуловимым схожие украшения, и наконец тихо, проникновенно заговорила: – Мы, тайные кадетки ее величества Зантарии Риталены Селваронской, даем добровольную и нерушимую клятву в вечной дружбе и верности соратницам, королеве Зантарии и ее преданным советникам, обязуемся всегда и во всем поддерживать своих подруг и единомышленников, никогда их не предавать и не допускать недоверия или подозрений. Пусть свяжут нас незримым кольцом, оберегающим от нарушения этой святой клятвы, наши защитные амулеты.

Вибрирующий от напряжения голос сирены постепенно креп и набирал силу и с каждым произнесенным истово и нараспев словом звучал все возвышеннее, значимее, заставляя ее подруг и Фанью замереть ошеломленными изваяниями.

– Клянемся! – ударило набатом завершающее слово, и очнувшиеся девушки дрожащими от волнения голосами нестройно пролепетали:

– Клянемся...

– Клянемся! – настойчивее потребовала сирена, чувствуя незавершенность ритуала, и подруги тверже подхватили:

– Клянемся.

– Клянемся! – прозвучало призывом к оружию, и в этот раз кадетки уверенно и дружно выдохнули в ответ:

– Клянемся!

На краткий, почти неуловимый миг лежащие в чаше драгоценности озарило бледным сиянием, словно скользнул по ним заблудившийся лучик солнца, и тотчас рванул занавески шальной порыв ветра, обдав напряженные лица неожиданным теплом.

– Святая Тишина, – потрясенно выдохнула Олифания, – никогда даже не подумала бы...

– Забирайте амулеты. – Заглянув в потеплевшую чашу, Бетрисса решительно сунула туда руку и вытащила свой кулон. Пристально

рассмотрела, успокоенно кивнула сама себе и надела на шею. – Ничего не изменилось.

Пришедшая в себя тихоня и глазом не моргнула, хотя была абсолютно уверена в неверности этого вывода. Амулеты просто не могли не измениться, если даже она, совершенно лишенная каких-либо особых способностей, почувствовала плеснувшую от чаши волну силы. И теперь жалела лишь о собственной недогадливости – нужно было положить в чашу и собственный амулет.

Глава вторая, полная неожиданных сюрпризов и разоблачений, поразивших не только сторонников королевы, но и самих мятежников

Тронный зал, ярко освещенный лившимся через высокие арочные окна солнцем, сверкал необычайной, хрустальной чистотой и с первого же взгляда ошеломлял праздничной роскошью и витавшей в воздухе торжественностью.

Просторное, высокое до гулкого эха помещение древние зодчие поделили на две неравные части, приподняв на полтора локтя пол с той стороны, где находились украшенные резьбой и позолотой створки величественной двери, ведущей в королевские покои.

Мятежники входили в зал плотной толпой, видимо, ни у кого из них не хватило смелости претендовать на звание вожака. Молча и настороженно рассаживались вокруг круглого стола, примыкавшего к возвышенной части зала, где стояли королевский трон и широкий полукруг строгих кресел для советников.

Никто не знал, откуда они там взялись, и не мог припомнить, стояли ли прежде, два года назад, когда здесь состоялась церемония торжественного награждения героев в честь победы над карритскими мятежниками. Некоторых из явившихся на сегодняшнее совещание знатных господ в тот раз сюда не приглашали, другие были тогда слишком возбуждены долгожданными вестями и распитым по такому случаю вином.

Князь Сарлит Галтено направился было к королевскому трону, однако, сделав несколько шагов, внезапно передумал и с явной неохотой свернул к ближайшему стулу.

Усевшись, князь пристально оглядел заговорщиков, толпу их охранников и телохранителей, выстроившихся вдоль стен, и едко усмехнулся, припомнив предпринятые меры предосторожности. Каждого из присутствующих сопровождали отряды хорошо вымуштрованных егерей и гвардейцев, разместившиеся во дворе и ожидающие только сигнала. Можно было не сомневаться – такое зрелище не останется

незамеченным горожанами и гостями столицы, но вряд ли кто-нибудь из них сейчас подозревает, какое судьбоносное событие выпало ему счастье наблюдать.

Галтено нетерпеливо стукнул кулаком по столешнице, призывая к тишине, и все мгновенно стихли, но произнести намертво заученное сообщение глава бунтарей не успел.

Раздался звон колокола, извещающего о появлении королевского церемониймейстера, и тотчас бесшумно распахнулись ведущие на королевскую половину двери.

Важный старик в белоснежном парике и вышитом серебром форменном камзоле, фасон которого не менялся уже лет триста, размеренным шагом прошел к краю возвышения и, встав на отведенное для него и видное отовсюду место, звучно объявил:

– Ее величество Зантария Риталена Селваронская!

Пораженные предатели онемели от потрясения, и в зале установилась полнейшая тишина, казалось, все даже дышать перестали, глядя, как королева, гордо подняв увенчанную парадной короной голову, торжественно проходит к своему трону и усаживается на нем, небрежно расправляя идеально выглаженные складки торжественного платья королевских цветов – багряного с золотом.

– Королевский советник герцог Дирард Шаграйн! – так же невозмутимо произнес церемониймейстер, и несколько мятежных господ не сумели сдержать гнусных ухмылок.

Тайный советник, по обыкновению с тросточкой в руках, щеголевато-изящный в ладно сидящем на его гибком теле строгом изумрудном костюме, легкой походкой охотника и следопыта приблизился к стоящему по правую руку от королевы креслу.

Получил безмолвный приказ садиться и, учтиво склонив голову со стянутыми в безукоризненный хвост русыми волосами, немедленно опустился в кресло.

– Королевский советник князь Марьено Бейранг! – возвестил старик, и это имя вызвало изумление и недоумение на лицах незваных гостей.

С тех пор как старый князь Зонинг Марьено проиграл на бегах и в игорных домах все богатство рода, сведя семью почти в нищету, никто из знатных и состоятельных господ не считал допустимым поддерживать с ним знакомство. И его зятя, болезненного и застенчивого барона Лорье, женившегося на дочери князя лишь ради быстро растаявшего приданого и пока еще крепкого замка, тоже никто не собирался принимать в свой круг. Как и внучку, нищую, но слишком упрямую наследницу княжеского титула,

временами строя от скуки предположения, кому в конце концов достанется ее герб.

Королевский маг, дроу, хорошо известный всем непонятной верностью ее величеству, неслышно и невероятно стремительно оказался возле Зантании, вежливо ей поклонился и сел в кресло с другой стороны от трона.

– Королевский советник герцог Лаверно! – провозгласил церемониймейстер новое имя, и желчные ухмылки на лицах заговорщиков сменились откровенным пренебрежением.

Назначение советником смертельно больного лорда, даже если он, по слухам, сумел ненадолго встать с постели, далеко не самое умное деяние и как нельзя лучше показывает легкомыслие их королевы и недалёковидность ее советников.

Однако Тайвор Лаверно, которого большинство присутствующих отлично знали, прошагал к трону очень энергично и на вид оказался заметно помолодевшим, загоревшим и бодрым. Окинул заговорщиков насмешливым взглядом, учтиво поклонился королеве и сел рядом с тайным советником, неизвестно когда успевшим стать герцогом.

– Королевский советник герцог Габерд! – тем временем провозгласил старый слуга, и с лиц заговорщиков начали сползать ухмылки, а в глазах некоторых появилось хорошо читаемое отчаяние.

Судя по всему, королева располагала сведениями об их тайных планах, и теперь уже не удастся тихо и бескровно отнять у нее корону. Придется брать в руки оружие, а чего стоят в бою четверо уже объявленных сторонников ее величества, многие из присутствующих знали не понаслышке. И вряд ли спасут приведенные с собой телохранители: раз королева заранее знала о собрании, значит, успела подготовиться. И в таком случае далеко не всем заговорщикам суждено сесть за праздничный стол, блюда для которого готовят искусные повара во дворце Галтено.

Ительниз Габерд шагал, четко стуча подковками, уверенно, как на поединке, с холодной усмешкой рассматривая опасливо поглядывавших на него бывших учеников и заказчиков. Получив одобрителный кивок ее величества и с достоинством поклонившись, свежееиспеченный герцог сел рядом с магом, что-то по-свойски ему шепнув.

– Герцог Ульгер Тионнский! – выкрикнул очередное имя церемониймейстер, заставив призадуматься тех, кто считал, будто сюрпризы ее величества уже закончились.

Карлант, потерявший одно из имен, доставшееся когда-то прадеду маркиза Ульгера в наследство, зато получивший вместе с герцогским

титолом довольно большой городок Тионн и приписанные к нему уголья, достиг трона ее величества таким же твердым шагом, как его новый друг, и, получив разрешение сесть, устроился рядом с Тайвором.

– Почетные гости ее величества Зантарии Риталены Селваронской – магистр Вирденс и магистр Лангорис! – произнес церемониймейстер и скосил взор на появившихся прямо из воздуха мужчин в вызывающе легкомысленной одежде, подобающей разве что рыбакам или торговцам из Торема.

Маги учтиво поклонились королеве и ее советникам, сели поодаль на возникшие из ниоткуда высокие стулья и подняли перед собой похожее на клок тумана полотно, не обращая более внимания ни на королеву, ни на помрачневших заговорщиков.

– Королевские фрейлины, – важно произнес старик, но имен называть не стал – лишь, полуобернувшись, с истинным удовольствием следил за стайкой ярких, словно букет южных цветов, девушек, с очаровательными улыбками занимающих остальные кресла.

Заговорщики потрясенно смотрели на незнакомых, сказочно хороших фрейлин, и их взгляды, первоначально по-мужски заинтересованные, постепенно, по мере понимания, откуда у королевы и ее советников могли появиться такие невероятные возможности, начали темнеть, как отгоревшие головешки.

– Ваше величество, – дождавшись, пока церемониймейстер важно покинет зал, учтиво произнес беловолосый маг в возмутительно фривольном наряде – невозможно яркой и свободной тунике и не доходящих даже до щиколоток светлых штанах, – у меня имеется важное сообщение.

– Наше величество собиралось сначала выслушать требования почтивших нас визитом глав самых знатных домов Тальзии, – еле заметно нахмурилась Зантария.

– Простите, – продолжал настаивать маг, – но лишь третья часть ваших знатных гостей смогут говорить о том, чего желают они сами. Все остальные, начиная с князя Галтено, находятся под заклинанием подчинения и даже сами об этом не знают. Их нужно сначала лечить, только потом они смогут отвечать за свои поступки.

– Как – подчинение? – ошеломленно переспросила Зантария и начала бледнеть. – И они тоже?

– Увы, – сочувственно вздохнул Вирденс, знавший, почему так расстроилась королева.

Все старшие слуги в ее дворце, включая поваров и личных

охранников, сейчас отсыплются после того, как Лангорис напоил их принесенным с плато зельем, возвращающим способность действовать по своему желанию. После памятных всем амнистий мятежников Ардага маги плато очень тщательно изучили приготовленные черными алхимиками зелья и давно нашли простой способ выявлять подчиненных людей. Приготовили и зелья, способные быстро, всего за несколько часов, возвращать несчастным их собственную память и желания.

Однако в этот раз те, кто собирался заполучить в свое владение целый полуостров, действовали осторожнее и хитрее. Не заставляли людей, выбранных ими марионетками, забывать семью и имя, а просто внушали им горячее желание выгнать из дворца законную королеву и отдать власть на полуострове троюродному дядюшке ее погибшего мужа, князю Галтено.

А теперь оказалось, что он и сам ничуть не более виноват, чем главный повар, свято верующий, что хранит в крохотной бутылочке очень ценную приправу, которую можно добавлять только в блюда королевы и принцев.

– Начинать их лечить, а разговаривать будем позже, – твердо заявил, вставая с места, герцог Шаграйн. – Всем, кому не нужно возвращать память, будут предоставлены комнаты для отдыха.

– А как узнать, у кого нет этого подчинения? – недоверчиво прищурился богатый маркиз Огьердский и тут же получил ответ Лангориса:

– Всех пострадавших можно отличить по обручу на правом запястье, через него они сейчас получают исцеляющее зелье. Вы этой участи избежали, поэтому можете пока отдыхать, вашим друзьям нужно поспать два-три часа, чтобы вернуть собственный взгляд на жизнь.

– Не может быть... – с ужасом, как на смертельно опасный амулет, смотрели господа, обнаружившие на своих руках незнакомое украшение, словно сотканное из плотного тумана. – Это неправда!

– К сожалению, правда. – Лангорис был мрачен не менее несчастных тальзийцев, до сих пор он считал, что плато неспособно проглядеть так хорошо подготовленный переворот на огромном, богатом природными дарами полуострове.

– Вы... вы все дураки набитые! – вскочив на ноги, бросился к двери князь Галтено, но неожиданно замер, не пробежав и половины.

Несколько раз дернулся, силясь оторвать от пола как будто приклеившиеся ноги, потом, уверившись в бесполезности этих попыток, выхватил из ножен оружие. И тут же его правую руку словно парализовало, и хотя он ощущал каждый сустав и палец, но поднять ее так и не смог. Злобно взрыкнув, князь стремительно сунул в карман левую руку, но и она

сразу же перестала его слушаться.

Все присутствующие: и советники королевы с ее величеством во главе, и маги плато, непонятно что разглядевшие в своем туманном зеркале, и заговорщики, еще ошарашенно сидевшие за столом, и их телохранители, давно связанные воздушными плетьюми, – молча смотрели на эту безнадежную попытку бегства.

И постепенно все бунтари с растущей четкостью начинали догадываться, как тщетно всякое сопротивление и как наивен был предложенный князем план. Да он на поверку даже яйца выеденного не стоил, несмотря на все загадочные намеки и уверенные обещания Галтено.

– Мне жаль вас, Сарлит, – наконец тихо и печально произнесла ее величество. – Поверьте, я даже не подозревала. Но поговорим мы об этом, когда вас вылечат... сейчас, как я понимаю, любые слова напрасны.

– Напрасны? – вдруг высокомерно и злобно заухмылялся ее родственник. – Ты даже не знаешь насколько! Подлая потаскушка, присушившая моего глупого племянника черными контрабандными зельями! Вы все уже приговорены – и ты, и твой незаконнорожденный щенок, и все эти бесстыжие маги, нагло лезущие в чужие дела!

– Галтено! – сурово рявкнул герцог Лаверно. – Помолчи, не говори слов, за которые тебе потом будет неловко!

– Скоро все мы предстанем голыми перед Святой Тишиной, а там стыдно не бывает! – Глаза Сарлита горели безумным огнем, лицо кривилось от ужаса и небывалой возможности безнаказанно выплеснуть все чужие тайны, которые он столько времени вынужден был носить в себе. – Посмотрите на ее любимчика, на свежесостряпанного герцога! Вы все думаете, он ее любовник? Как бы не так, эту комедию они разыграли, считая всех полными дураками. На самом деле он ее выродок, сын контрабандиста из Дройвии, и не зря она почти десять лет дурачила Иглунда, не давая ему согласия и не отталкивая окончательно! А вы думали, ради чего она столько времени сидела в монастыре и изображала из себя святую невинность?! Ждала, пока вернется ее любовничек!

– Вирденс! – с нажимом процедил разбойник, яростно сжимая в руке выхваченный из трости длинный тонкий кинжал. – Если он не заткнется...

– То чем ты ответишь мне, ублюдок? Прибежишь убивать беззащитного? Так не успеешь, мне достаточно лишь слово сказать, – грязно ухмыльнулся Сарлит и с отчаянием обреченного выкрикнул, словно плюнув: – Дабарр!

Все невольно затаили дыхание, но в ответ на этот призыв не стряслось ничего страшного или хотя бы ощутимого. Не раздался грохот, каким

сопровождается взрыв гномьего порошка, не вспыхнуло призрачное черное пламя проклятий, не озарились зеркала и окна светом неистовых молний.

Из фрейлин лишь Тэри каким-то неведомым чутьем ощутила произошедшую в зале перемену. Словно перед грозой, запахло свежестью и пылью, устало поблекло сияние начищенной позолоты и потускнели краски картин и ковров. Да еще окна разом утратили праздничную прозрачность.

– Год? – встревоженно посмотрела девушка на мага и прикусила язык, разглядев его разведенные в разные стороны руки и нахмурившееся, напряженное лицо, словно дроу тащил из невидимой реки сеть с невероятно тяжелой рыбиной.

Перевела взор на магов плато и покрепче стиснула губы, почетные гости тоже больше не сидели вальяжно на своих стульях. Подняв под потолок плотный клоч тумана, они торопливо растягивали его, как полотно громадного шатра, спеша накрыть им всех присутствующих и одновременно подтягивая к столу обмякшие тела спящих охранников.

И все-таки успели, прежде чем под самым куполом возник соткавшийся, казалось, из пустоты, черный как сажа смерч. Все набирая скорость и постепенно расширяя круги, он понесся над почти прозрачным магическим шатром, пытаясь запустить сквозь него тонкие, как иглы, и как будто разумные щупальца.

– Святая Тишина, – озадаченно выдохнула Дора, – но откуда эта пакость? Они же говорили, будто все вычистили?

– Значит, появилась позже или была на них, – хладнокровно отозвалась юная смуглая девушка, стоявшая над королевой с двумя кинжалами в руках. – Хорошо еще заранее догадались не ставить на столы даже воды, хотя я могу и ошибаться.

Услышав краем уха это объяснение, Год мрачно усмехнулся. Воспитанницы монастыря Святой Тишины всегда получали намного более полное и качественное образование, чем те, с кем занимались наемные учителя. Впрочем, это и немудрено, ведь им предстояло пробиваться в жизни самим, а не с помощью папенькиных кошельков. И сейчас Олифания почти угадала – ловушка действительно появилась вместе с заговорщиками, спрятанная в их потайных карманах. Она состояла из простейших амулетов, как детская пирамидка, и чтобы пробудить и объединить их силу, достаточно было выкрикнуть слово-ключ.

Этот пароль снял простенькие магические щиты, и полтора десятка невзрачных и безвредных на вид пузырьков и амулетов разом выбросили в воздух тучки ядовитого порошка и разрушительный смерч, в свою очередь

собранный из нескольких воздушных и природных заклинаний. Враги подготовились очень хорошо, не подозревали лишь о способности магов плато обчистить карманы незваных гостей не хуже опытного воришки, а затем поднять все собранные амулеты в невидимую корзинку, подвешенную под куполом зала. Если бы переговоры закончились миром, знатым господам вернули бы проверенные и очищенные амулеты, плато вовсе не желало услышать в свой адрес обвинений в грабеже.

Глава третья, в которой выясняются некоторые подробности старых тайн и решается судьба заговорщиков

Дроу только теперь со всей ясностью понял, почему магистры не стали прятать под личинами собственные лица. Надеялись своей откровенной помощью Зантарии убедить мятежников в бесполезности попытки сопротивления.

Жаль, не дано было им знать заранее, что почти половина мятежников уже ходит под подчинением. И теперь никто из них не в их силах не только отказаться от плана, навязанного безжалостным врагом, но и просто промолчать, когда наступит предназначенный момент. Даже если к этому моменту несчастные будут понимать с убийственной ясностью, что облачко разносимого смерчем яда не имеет способности выбора. И вместе с королевой и ее преданными советниками убьет и всех заговорщиков, и их охрану, и тех, кто ожидает в соседних залах и во дворе. А возможно, достанет и до города.

— Год, сворачивай нижний слой в кокон, мы держим верхний, — прозвучал в амулете, висящем на ухе придворного мага, хладнокровный приказ учителя.

Дроу молча кивнул в ответ, начиная плести давно выученное и отработанное заклинание магического яйца, способное закрыть подопечных от любого воздействия. Всего-то и нужно приподнять всех заклинанием левитации и, подсунув под них края растянувшегося щита, соединить их, как кухарка, лепящая пирожок. Только начинка была слишком необычная и почему-то очень тихая.

Привычно стягивая мысленно нижний край плетения под взлетевшими на локоть креслами, Годренс настороженно скосил глаза на мятежников и понимающе хмыкнул — маги не пожелали рисковать и бросили в знатных преступников заклинание крепкого сна.

Так те и уснули, одни с возмущенно раскрытым ртом, другие — встревоженно обернувшись к Галтено. Маг мельком оглядел королеву и ее друзей, и на душе стало легче: все они были бледны, но спокойны и в полном сознании.

– Не волнуйтесь, все в порядке. – Наконец закрыв кокон, дроу незаметно отер воздушной лапой лоб и сел рядом с догадливо подвинувшейся женой. – Мы в магическом яйце, и нас не достанет принесенная мятежниками гадость. А все эти спят, позже придется проводить дознание, кто примкнул ради выгоды, кому пригрозили, а кто был подчинен.

– А магистры где? – покосившись в ту сторону, где еще недавно стояли уверенные в себе мужчины в смешных разноцветных рубахах, поинтересовалась Октябрина, старательно отводя взгляд от смертельно белой королевы.

– Остались снаружи. Соберут всю гадость и выбросят куда подальше, в какой-нибудь из восточных вулканов, – уверенно ответил маг, очень надеясь, что не ошибается в своих предположениях.

– Вы меня... – неожиданно хрипловато произнесла ее величество, глядя мимо подданных, – осуждаете?

Девушки, и без того сидевшие тихо как мышки, опасливо посматривая на свирепые щупальца смерча, темными тенями мелькавшие сквозь туманную защиту, застыли статуями, не решаясь поднять на королеву взоры. Помалкивали и мужчины.

– Нет, – первой подняла голову Бетрисса. – Мы ведь просто не знаем, солгал он или нет. Но в любом случае уверены, что все было не так, как понял его злобный рассудок. Потому и молчим – как можно осуждать то, о чем не имеешь представления? И будем молчать всегда, я первая дам клятву, что ничего не слышала и ничему не поверила. А все его приспешники, если я не ошибаюсь, и так забудут... как тебе кажется, Годренс?

– Ты совершенно права, – твердо подтвердил князь Марьено Бейранг и жестко добавил: – Не этим шакалам судить королеву, отдающую спасению страны все силы и душу.

– Спасибо... – помолчав, выдохнула ее величество и обессиленно откинулась на спинку кресла, прикрыв глаза. – Все и на самом деле было не так. И у меня есть этому подтверждения, но никому ничего доказывать я не собираюсь. А Дирард действительно мне сын, и с его отцом я была связана союзом. Только не по нашему закону. Хотя даже если бы этого не было, все равно никогда ни о чем не пожалею. И поэтому клятву вам придется дать – унижать преданных людей забвением или очищением памяти кажется мне неправильным, а допустить, чтобы кто-то силой или хитростью выведал мои тайны, я не имею права.

– Пусть ее заверит Вирденс или лучше Лангорис, – подсказал Годренс,

украдкой присматривавший за щитами. – Я сам давал такую.

– И я, – снимая амулет личины, тихо подтвердила Фанья. – На всякий случай.

Так ни слова и не произнесший Дирард с окаменевшим лицом смотрел в туман щита. И никто не догадывался о том, какая сумасшедшая ледяная выюга сейчас бушует в его душе, замечая все робкие тропки и едва обозначившиеся пути к теплу спасительного огонька.

Кроме Лангориса, но тому сейчас было не до переживаний ведьмака. Сплетенное черными алхимиками совместно с кем-то из сильных диких колдунов заклятие оказалось неожиданно мощным, и магистры вынуждены были добавить в амулеты ковена по полному накопителю, чтобы не остаться без резерва.

По гнусной привычке всех преступников, не считавшихся ни с затратами, ни с выбором средств, в воздушную магию было намешано несколько стертых в мельчайшую пыль зелий с огненными и ментальными проклятиями, и маг, ломавший голову над тем, зачем знатные господа так дружно принесли зелья в этот зал, склонялся к одному выводу. Скорее всего, заговорщикам выдали коварные капсулы как надежнейшую защиту, и никто не пожелал отказаться от лишней гарантии. Осталось только выяснить, кто именно выдавал и где их взял.

Смерч, понемногу терявший скорость, вдруг взвился с новой силой, и Лангорис, яростно фыркнув, немедленно добавил мощности ловушке, всасывающей кровожадную пыль. И почти в тот же момент заметил, как рядом возникло светлое пятно портала и из него высыпало сразу пятеро старших магистров. Встали рядом, пару секунд присматривались, потом подхватили его ловушку, расширили, добавили скорости, с какой она вбирала в себя насыщенный зельем воздух. А едва побледневший смерч начал рассеиваться, Иридос, вставший рядом с беловолосым магом, с жесткой усмешкой бросил заклинание идеальной чистоты, и в мгновение посветлевшие окна брызнуло яркое солнце.

– Ты здорово наловчился применять воздушные заклинания не по назначению, – устало опуская руки, похвалил его бывший учитель. – Думаю, нужно и бунтарей встряхнуть, время идет, а во дворе и парке почти восемь сотен отборных воинов ожидает приказов своих мятежных господ.

– Дэгерс предлагает забрать их на плато, там очистить и допросить, так будет быстрее, – хмуро сообщил ему дракон. – А Вирду мы привели подмогу, пока нам с тобой придется читать этих господ, он со своей командой начнет понемногу проверять самые ближайшие отряды. Не может быть, чтобы среди них не затесалось шпионов. Поэтому совет плато

решил королеву и ее приближенных временно отправить в безопасное место.

– Тогда быстро забираем спящих и уходим, а с ее величеством пусть договаривается Вирденс, ему Зантария доверяет. И ее сын тоже – как выяснилось, Галтено умудрился раскопать эту тайну, – постановил Лангорис и решительно потянул воздушной плетью висевшее посреди зала плотное туманное облако, заставляя его разделиться на две неравные части.

В одной осталась королева и ее соратники, в другой – спящие заговорщики. Затем магистры набросили на незваных гостей королевы светящуюся петлю портала, и они исчезли, как морок, оставив лишь длинный стол, сияющий безукоризненной чистотой наборной столешницы.

– А нам кто-нибудь объяснит про королеву? – оглянулся на Вирденса один из магистров, едва Лангорис с учеником исчезли в портале.

– Тебя просто не было на совете, – вздохнул Вирденс, – все остальные уже знают. История проста. Зантарию обручили с принцем еще в раннем детстве, сочтя ее лучшей для него партией. Но встретиться они так и не смогли. Сначала из-за разницы в возрасте – жених был на двенадцать лет старше. Когда невесте было всего пять, принц вдруг обнаружил, что дворец просто кишит хорошенькими дамами и фрейлинами, воспитанными вовсе не с монастырской строгостью, и с пылом занялся изучением их прелестей. Позже, когда скончался старый король и Иглунд сел на трон, мать неоднократно напоминала ему о невесте, но его величество вовсе не желал немедленной свадьбы и велел отправить юную маркизу Лерайт в Ганреальский монастырь, поучиться рукоделию. Хотя Зантария всегда была очень независима, но послушаться приказа не осмелилась и отправилась в путь. Ехала более трех месяцев и успела в небольшой деревушке спасти девчонку, воспитанницу Тмирны, а на одном из постоялых дворов познакомиться с оборотнем, искавшим на Идрийсе пристанище для своей стаи. Роман был стремительным и бурным, и в результате возлюбленный маркизы получил небольшое имение, а она – сына. Потом Сенарг отправился в Ардаг за семьей, а Зантария – в монастырь. Разумеется, они собирались встретиться и после того, как король женится на одной из фавориток, тайком завершить брачный союз. Простой, по законам оборотней, они втайне провели в небольшой часовне замка Шаграйн, принадлежавшего до того времени одной из обнищавших дальних родственниц маркиза Лерайта.

– А потом? – заинтересованно смотрели на Вирда сородичи.

– Сенарг к ней так и не вернулся, но и домой тоже не доехал. И никому не известно, куда пропал. А король лет через семь поймал фаворитку на

измене, вспомнил о скромной невесте и отправил Зантарии распоряжение прибыть во дворец. Однако она ответила категоричным отказом. Он послал второе письмо, третье... потом начал отряжать гонцов. Но монастырь стоял намертво, не позволяя никому проникнуть за надежные стены против воли самой знатной и щедрой из своих дочерей. И тогда Иглунд поехал сам, и говорят, по пути в Ганреаль, развлекаясь с сопровождавшими его фрейлинами, изощрялся в изобретении кар, каким подвергнет ослушницу. Королю отказать в свидании настоятельница не смогла и позволила явиться на обед. В одиночку, без придворных. Он отправился туда, провожаемый фривольными шуточками друзей и прелестниц и с мстительной ухмылкой на лице. А под вечер вышел из монастыря совсем другим человеком. Отправил подальше всех дам и разгульных блюдолизов, купил неподалеку большое поместье и взялся за осаду. Но сдалась Зантария только через три года, окончательно потеряв надежду на возвращение первого мужа.

– Король знал про ее сына?

– Думаю, да. Но точнее может ответить только сама королева да Олифания, но они об этом никогда не расскажут. Ее величество оказалась весьма рьяной матерью и более всего боится, как бы кто не узнал ее тайны и не попытался навредить Дирарду. Его и так уже пытались отравить и убить за помощь королеве, когда страна оказалась в опасности. Ведь именно граф вырвал победу у приспешников Донгера с помощью Года и своих оборотней. Но теперь я почти уверен, что за герцогом стояли все те же негодяи, которые пытались сегодня одним ударом уничтожить глав самых сильных и мощных родов Тальзии.

Защитный купол исчез мгновенно, и сидевшие на возвышении люди не сразу это поняли. Лишь Год облегченно выдохнул, потянувшись, захватил руку жены и успокаивающе пожал, посматривая на направляющихся в их сторону магистров плато.

– Ваше величество, вам всем сейчас лучше отсюда уйти, – очень вежливо и так же твердо сообщил Вирденс, – и лучше в ваш замок в Синих скалах. Я открою портал.

– Почему? – и не подумала двинуться с места королева. – Неужели вы не сможете нас защитить?

– Сможем, – хмуро глянул на нее магистр. – Совет плато решил направить сюда столько магов, сколько нужно. Но защищать потребуются не только вас. У тех, кто хотел захватить здесь власть, нет ни чести, ни совести, ни жалости. Они думают только о деньгах, которые могут выкачать с Идрийса, продавая свои зелья и амулеты, поэтому процветание вашего королевства, столицы и всех остальных городов им нисколько не

важно. Наоборот, если у вас начнутся стычки между защитниками королевы и мятежниками, появятся раненые и больные, черные алхимики получат больше выгоды. Поэтому нам придется направить магов в каждый город и поселок, следить за безопасностью жителей и днем и ночью. Это давно известный гнусный способ – заставить простой народ поверить, будто во всех их бедах виновна только королева или король. И теперь у вашего величества больше нет того выхода, который вы берегли на крайний случай, – отдать трон крикунам и уйти с детьми в дальний замок или в Ардаг. Это будет предательством вашего народа, началом всеобщей беспросветной кабалы. Поэтому тут будут жить под личинами маги с плато, а вы подождете в безопасном месте, пока мы найдем и покараем крыс, собравшихся сожрать вашу страну.

– Но откуда они взялись? – с отчаянием выдавила Зантария.

– Бежали из Ардага, – мрачно вздохнул Вирденс, – около десяти лет назад. Там их паутину порвали сестры Тишины, а мы им помогли. И несколько лет ошибочно считали, что уничтожили всех самых сильных и подлых властителей этой шайки, а остальные разбежались. Оказывается, мы ошибались – с помощью контрабандистов и предателей они перебрались сюда и начали понемногу захватывать власть. Но об этом у нас еще будет время поговорить, сейчас некогда. Не упрямитесь, ваше величество, подумайте о детях. Я открываю портал. Если нужны будут какие-то вещи, мы принесем.

– А принцы? – встрепелась Зантария.

– Уже идут сюда. – Ответ магистра совпал с торопливым звуком шагов.

– Ваше величество? – встревоженно смотрел на мать Альред.

– Мы идем в гости к советнику Шаграйну, посмотреть его новый замок, – не моргнув глазом слукавила ее величество. – Порталом. Вы с нами.

И первой шагнула в темный овал портала. Допустить, чтобы все присутствующие рассмотрели кривившее ее губы отчаяние, королева не могла.

– Ура! – обрадовался младший принц и ринулся вслед за матерью.

За ним безропотно прошли Альред, фрейлины и Фанья, но, когда дело дошло до остальных, Вирденс ждал сюрприз. Свежеиспеченные герцоги вместе с герцогом Лаверно и Годренсом смотрели на него с непоколебимым упрямством уверенных в своей правоте мужчин, и не думая двигаться с места.

– Год? – нахмурился магистр, привыкший к дисциплинированности магов плато.

– Я не настолько слаб, чтобы сидеть в башне с женщинами, а вас не так много. И долго здесь находиться вы не сможете, рыба без воды не живет, – уверенно высказал свое мнение дроу.

– А защищать своих женщин вы не собираетесь? – продолжал Вирд.

– Там Фанья и Тэри, да и остальные – не изнеженные барышни, Дирард научил их защищаться, – не сдавался маг. – А если что-то случится, Дора пошлет мне сигнал.

– А тут остаются слуги и солдаты, и не может не появиться кучи дел, в которых трудно разобраться без нашей помощи, – спокойно сообщил магистру герцог Лаверно. – И кроме того, все мы не дети и отлично знаем, куда не нужно вмешиваться.

– Вон Мишеле тоже знал, – съязвил раздосадованный маг и тотчас понял, как зря позволил себе этот намек.

Ительниз Габерд тотчас насторожился и уставился на него испытующим взглядом.

– А при чем тут Мишеле? – немедленно задал вопрос Годренс.

– «Пожалел» его дружок, – мрачно буркнул Вирденс, – угостил вином... Но об этом никому ничего говорить нельзя.

– И что с ним стало... после вина Тимула? – тотчас сложил в уме эти намеки в ясную картину Тайвор.

– Пошел как овечка, куда повели, – проклиная привычку не таиться от своих, вздохнул магистр. – Но вы не переживайте, за ними следят. Бризен может привести нас к главарям мятежников.

Мужчины представили себя на месте графа Хангро и дружно помрачнели – каждому пришлось в жизни столкнуться с похожими случаями. И не важно, большие беды принесла измена или все обошлось, но рана, нанесенная предателем прямо в сердце, обычно заживает очень долго.

Глава четвертая, рассказывающая, куда пропал рыжий шутник и как живет в Элайне королеве и ее кадеткам

А сам Мишеле в этот момент не думал ни об оставшихся в поместье друзьях, ни о королевских проблемах. Даже любимую девушку старался не вспоминать, ясно понимая, как далеко разошлись в ту проклятую ночь их пути. И встреча, казавшаяся ему перекрестком, вовсе им не была – так, шли некоторое время в одну сторону по широкой дороге.

Она и теперь там идет, а он, спотыкаясь и падая, карабкается по узкой и опасной горной тропке, отлично понимая – тех, кто хоть несколько шагов прошел по этой потайной стежке, больше никогда не увидят ни родные, ни друзья. Совершенно не похожи на беспечных глупцов незнакомцы, к которым привез его к полудню Бризен.

И напрасно Мишеле старался запомнить неказистый домишко, возле которого остановилась тележка, им в нем и пяти минут посидеть не пришлось. Двое мужчин в черных капюшонах быстро и уверенно задали с десяток вопросов, на которые и рыжий весельчак, и белобрысый предатель отвечали с одинаковой охотой и честностью, приводившей их обоих в ужас.

– Все это уже известно, – процедил наконец один из допрашивающих. – Ничего ценного он не принес.

– Значит... – буркнул, не отрываясь от бумажек, второй и показал пальцем вниз.

В тот миг Мишеле решил, что это означает конец, да и ставшее синюшно-белым лицо Тимула подтверждало такой вывод. Но потом, когда черный бесцеремонно втолкнул их в портал и теперь уже заклятые враги оказались в загоне для скота, сооруженном из толстых бревен под нависающей сверху скалой, граф Хангро понял, что жизнь приготовила для него более долгое и тяжелое испытание. Прямо на засохшем навозе сидели и лежали мужчины и даже несколько женщин, у которых на безучастных с виду лицах сквозило неизбывное отчаяние несправедливо приговоренных людей.

А позже надсмотрщики в черных капюшонах приказали пленникам встать и идти, и те молча и покорно потянулись к выходу, вливаясь в один

из отрядов самой тихой и дисциплинированной армии Эркады.

В небольшом ущелье, куда они пришли к вечеру, пленников быстро и умело рассортировал один из новых повелителей их судеб. Сильные молодые мужчины с мозолистыми руками и обветренными лицами воинов или пахарей пошли по тропе дальше, к нитке висевшего шагах в ста подвесного мостка, а Мишеле с Тимулом, женщинами, стариками и подростками проводник повел вглубь ущелья, густо заросшего дикой малиной. А потом приподнял густо переплетенные ветви стелющейся березы, и пленники, пригибаясь и проклиная в душе свою судьбу, покорно и молча полезли в темное нутро горы...

Открытый магистром Вирденсом путь вывел королеву и толпу сопровождающих ее фрейлин на середину выложенного плитами дворика горного замка, и Тэри несколько мгновений изумленно оглядывалась, узнавая и не узнавая знакомое строгое строение.

За те дни, пока их тут не было, в Элайне произошли значительные перемены. Появились большие бочки с цветущими лианами, опутавшими серые стены ярким кружевом, и обложенные камнем клумбы, радующие взгляд пышно цветущими розами. А каменные ступени ведущих к башням лестниц стали удобнее и обрели кованые перила.

– Как здесь мило... – изумленно пробормотала Кати, обнаружила, что маркиза Ульгер уже бредет куда-то вглубь двора, и ринулась за ней: – Тэри!

Но та уже завернула за угол, все стремительнее направляясь к небольшому садику, где они когда-то устроили пикник.

Ее величество переглянулась с Фаньей и решительно направилась туда же, фрейлины и принцы последовали за ними. Но, еще не доходя, услышали нежный, поразительно чистый голос, напевающий простенькую песенку, и снова обменялись встревоженными взорами. С некоторых пор обе были убеждены, что от счастья их сирена не поет.

Однако на этот раз верные подруги ошибались, Тэри пела именно от радости, даже сама не понимая, откуда вдруг снизошло на ее уставшую ноющую душу светлое чувство покоя и отрады. Да и разве важно, вызвали их легкие облачка, плывущие в синеве горного неба, или аромат цветов, особенно пронзительный после страшной духоты приемного зала, где их всех чуть не убили прячущиеся где-то нелюди?

Главное – желание петь пробудилось не по необходимости и не от сжигающего душу страха за жизнь оборотня, а от восторга перед чистотой и свободой этого места.

Тэри не запомнила, как открыла калиточку и оказалась в садике,

сидящей на той самой скамье, только утопавшей теперь в пышно разросшихся кустах самых разных цветов. Не осознала и в какой момент не выдержала и запела.

И уж тем более не сразу заметила небольших, полупрозрачных зеленоватых существ с прекрасными большеглазыми личиками, облепивших ее подол и рассеявшихся на соседних кустиках. Прелестные создания слушали пение Тэри с откровенным и неподдельным восторгом, и когда девушка их обнаружила, то просто не смогла прервать песню и разочаровать дивных незнакомцев.

Пела и смотрела в восхищенные глаза, поражаясь светившейся в них мудрости, сочувствию и светлой грусти.

«Вы кто? Откуда взялись? Чего хотите?» – рвались из души девушки вопросы, и она собиралась их задать, как только допоеет последний куплет. Но незнакомцы вдруг насторожились, засуетились, потянули Тэрлину со скамьи под сень буйно цветущих кустов шиповника. И не успела она ни возмутиться, ни удивиться странному качеству растения, не зацепившегося за нее ни одной колючкой, как оказалась стоящей среди ароматных ветвей, опутанная зеленоватой, полупрозрачной и невесомой вуалью.

А дивные создания исчезли, незаметно и бесшумно, словно были видением или плодом ее собственного воображения.

– Тэри? – возникла в проеме калитки герцогиня Кателла Габерд. – Ты где?

«Здесь...» – собиралась отозваться маркиза Дарве Ульгер, но маленькая, бесплотная ручка легла ей на губы.

– Где она? – Вслед за Кати появились королева с Олифанией и принцы.

– Куда-то ушла, – вздохнула брюнетка и побрела по дорожкам, оглядывая дальние уголки небольшого садика. – Даже непонятно куда.

– Может, на стену? Тут есть еще один выход, с другой стороны, – предположила Фанья и печально вздохнула: – В последние дни она старается держаться в сторонке.

– И я ее понимаю, такое потрясение сразу не проходит, – невесело произнесла Августа, входя в сад вместе с остальными кадетками. – Она сидела там так долго, что стала старше... бывают такие события, которые прибавляют возраст в сотни раз быстрее.

– Просто он разбил ей сердце, – почти неслышно вздохнула Октябрина, и, как назло, в этот миг стих ветерок и смолкли птички.

– Не может быть... – вмиг побелела ее величество. – Но она же... такая спокойная?

– Тэри привыкла терпеть, – оглядываясь, нехотя пояснила Бетрисса, –

и ни на что не надеяться. И вместе с тем она сильная, иначе не сумела бы его спасти.

– А нам нельзя пояснить, о ком вы тут говорите? – нахмурился Альред. – У вас сплошные тайны.

– Это не наши тайны, – буркнула Октябрина, и опять как по команде смолкло все вокруг, донося ее слова до слуха каждого присутствующего.

– Да что это за шутки в самом деле! – рассвирепела герцогиня Сарнская. – Кто меня дразнит?

– А мне кажется, не дразнит, а, наоборот, согласен с тобой, и я тоже начинаю склоняться к тому же мнению, – решительно заявила вдруг Фанья. – Потому что люблю всех как родных и больше не хочу ничьей боли. Узнав правду, Рад ушел из дома, а ведь ему не было и семнадцати, потому я и пошла за ним. И знаю не понаслышке, как тяжело он все это переживал. Сами посудите, у мальчишки тогда весь мир перевернулся. Ему еще повезло, случайно спас Года, и за это Вирденс взялся ему помогать. А Альри тоже имеет право все знать, он уже не ребенок. И не должен думать про мать так же, как злобные сплетники. Да и про Рада тоже, он не заслужил такого отношения.

– Фанья! – Отшатнувшись, королева смотрела на подругу неверяще, как на внезапно вылупившееся из куриного яйца чудовище. – Но ты же... мы ведь...

– Я всегда была вам благодарна и предана, ваше величество, – неожиданно опустилась на колени тихоня, – всегда любила вас как сестру, а ваших детей – как собственных. И именно эта любовь к ним теперь заставляет меня просить – скажите мальчикам правду. Не обижайте ни их, ни его, он ведь жизнью не раз ради вас всех рисковал, от счастья готов отказаться, я только сейчас отчетливо поняла. Опасается, что она не поймет его отказа от положенного титула, не согласится уйти к его родичам.

– Ваше величество... – горько всхлипнула вдруг Кателла и тоже опустилась на колени, – мы тоже поклялись молчать, но это ведь так несправедливо!

– Я не буду становиться на колени, – гордо подняла нос Бет, – но я с ними полностью согласна. И за разбойника мне теперь тоже обидно. Вы ведь любите его, так чего боитесь? Вернее, кого? Особенно теперь, когда почти вся знать оказалась предателями, хотя и невольными? Кто из них посмеет поднять на вас голос? Да мы сразу укажем им место, и Годренс с учителем помогут.

– Ваше величество, – подступила к королеве княгиня Марьено Бейранг, заглянула в ее глаза загнанной лани своими синими очами, – они

говорят правильно. Мы вам зла не желаем и плохого не посоветуем. А разбойник и правда может от отчаяния наломать дров... уже наломал. Нас ведь не обманешь, видим, на кого он поглядывает.

– И монетку ей показывал, – непонятно о чем вспомнила Бетрисса, – и спасти ринулся, даже не зная куда... А теперь не замечает, и я боюсь за нее. За них. Вон и запела еще...

– Ну, делайте как хотите. – Ее величество внезапно села на скамейку и зарыдала, пряча лицо в ладони. – И встаньте уже с колен, смотреть не могу.

Фанья и Бет оказались возле нее первыми, принялись утешать, совать под нос душистые флакончики с успокаивающими зельями. Остальные медлили лишь несколько мгновений, всем было жаль увязшую в своих тайнах королеву и хотелось ее хоть как-то ободрить.

– А нам так ничего и не сказали, – разочарованно выдохнул Альред и присел на скамью.

– Я расскажу, – пообещала Олифания и едва заметно подмигнула Бет. – Сначала уложим вашу матушку отдыхать, на нее сегодня свалилось слишком много откровений.

Фрейлины правильно поняли ее намеки и дружно увели несопротивляющуюся королеву в замок, а тихоня уселась напротив притихших принцев и сложила руки на коленях:

– Ну слушайте... Случилось это давно, еще тридцать лет назад. Мой отец был капитаном судна, перевозившего контрабандные товары с материка на Идрийс, и постепенно заработал на домик. И одновременно нашел меня в монастыре Святой Тишины и решил забрать домой, сюда, на полуостров, домик он купил на южном побережье. И послал мне порталный цилиндр, в то время контрабандисты иногда пользовались этим дорогим способом...

Тэри молча слушала уже знакомую ей историю, начиная все отчетливее понимать, почему Фанья начала рассказывать так подробно и издалека. Желает подвести принцев к ошеломительной новости постепенно, не забывая о деталях, которых никто не знает, кроме нее и королевы. И даже не подозревает, что слушателей у нее не два и даже не три, а намного больше. Тэри и сама не может сказать, сколько, сосчитать дивных существ она так и не сумела.

– ...а сегодня князь Галтено при всех обвинил ее величество в обмане народа и покойного короля, но он был под подчинением – это такое заклятие. И, вполне возможно, проснувшись, он не вспомнит, о чем говорил и что делал. Но враги вашей матери ничего не забудут и наверняка, судя по гнусности их поступков, вывалят все тайны королевы на головы ее

подданных. Разумеется, ваш старший брат и его друзья будут бороться с негодяями, жаждущими захватить власть любым путем, и обязательно их победят. Но мне хотелось бы, чтобы в это трудное для страны и всех нас время вы были на стороне матери и брата, а не грязных сплетников, иначе вам обоим будет потом очень стыдно и обидно. Вот поэтому я и настояла сегодня на том, чтобы она открыла вам эту тайну.

– Спасибо, – пробормотал старший принц и бдительно глянул Фанье в глаза: – А почему ты так уверена, что он не захочет стать королем?

– Так ведь я его вырастила и знаю, к чему тянется его душа. Он даже родственников отца, которые выбрали его вожаком, хотел бы доверить кузену. Но у них имеет силу особый пояс, артефакт, который передать не так просто. А Рад кроме способностей оборотня имеет и способности белого ведьмака, и вот это его всегда влекло. Жизнь на воле рядом с морем и лесом, дружба с животными. И целительство, конечно, он даже алхимию в юности специально изучал.

– Мне тоже нравится море и лес, – по-взрослому вздохнул Бэрдэн. – А еще горы.

– Думаю, Дирард с удовольствием пригласит тебя в свое имение или в этот замок. Ее величество подарила его вашему брату за победу над мятежниками Донгера. А теперь пора идти умываться и переодеваться, здесь свои, особые порядки и особая одежда. И отменены все титулы и звания.

Глава пятая

О дальнейшей судьбе злополучного графа Хангро и заботах магистра Иридоса

Вал ледяной воды обрушился сверху, на несколько мгновений лишив Мишеле возможности дышать и даже думать. Он мог только трести гудящей и странно легкой головой и судорожно отплевываться, безуспешно пытаясь выдернуть из зажимов распятые в стороны руки.

– Ну, очнулся, красавчик? – с ядовитой усмешкой спросил некто, пока невидимый, неприятно знакомым голосом. – Припомнил наконец, кто был в гостях у твоей королевы?

– У меня нет королевы, – пробормотал Мишеле, с ужасом осознавая, что и вправду не помнит никаких королей и королев, хотя точно знает, что живет в королевстве.

– А девка есть? – едко хохотнул изувер и сунул Мишеле под нос миску с дымящимся зельем. – Тоже не помнишь?

– Задавай вопросы так, чтобы он понимал, – холодно процедил еще один незнакомец, и вот этого голоса Хангро не помнил совершенно.

– Да все он понимает, – вызверился изверг и плеснул зельем в лицо пленника.

Не первый уже раз, тотчас вспомнил тот, инстинктивно зажмурившись и ощутив острую боль на сожженных щеках. И вопросы эти он уже слышал, но ответов на них почему-то не знал. Вернее, мелькало что-то в памяти, щемяще прекрасное, вызывая ощущение горечи и потери, но в ясную картинку или образ так и не складывалось.

– Идиот! – рявкнул второй незнакомец. – Поливай! Да не зельем, а водой!

Но граф Хангро этих слов уже не услышал, снова провалившись в милосердную тьму.

– Дайте ему пить, но немного, – тихо произнес очередной незнакомец, и Мишеле ухмыльнулся про себя.

Надо же, какая важная он персона, раз заставляет возиться с собой целую толпу негодяев.

К губам прижался какой-то сосуд, и в рот потекла прохладная жидкость. Чуть кисловатая и вязущая, пахнувшая мятой и каким-то

фруктом... или ягодой. Она очень приятно, мягко прокатилась по шершавому языку, освежила воспаленное горло.

«Значит, это не палач», – мелькнула новая мысль. Тот вряд ли дал бы своей жертве такое питье.

И, может быть, стоит больше не притворяться поленом, а попытаться оглядеться – вдруг его спасли? Хотя некому, да и незачем, но при одной мысли о спасении в душе шевельнулась надежда, воспоминания о друзьях...

И тут же угасли. Какие друзья, если он сам всех бросил, поверил проклятому Тимулу? И поплатился за это доверие, до сих пор кровь стынет в жилах, как припомнит ту ночь. Вернее, ее окончание – с того момента, как бывший друг плеснул на него подчиняющим зельем.

Помнит, как шел по темной дороге, оставляя за спиной прошлую жизнь, видевшуюся теперь чем-то светлым и теплым, как летний восход. Как вывалился из портала и сразу свалился от жестокого удара под ребра.

Как оглушительно кричал Тимул, которого нещадно порол коренастый палач в кожаных штанах и безрукавке, и как его самого допрашивал маг, прятавшийся в тени большого абажура.

Этот черный шелковый купол, направивший в лицо яркий свет магического светильника, вспоминался яснее всего, как и острые уколы ножа, из-под которого сыпались ему на колени спутанные рыжие локоны. Еще холодный металл странного на вид шлема, намертво стянутого под подбородком металлической цепочкой и закрывавшего наспех обритое темя. По этому шлему били колотушкой, поливали кипятком и ледяной водой, которая размеренно и невыносимо долго капала из подвешенного над головой дырявого котла.

Однако граф так и не сумел найти в своей памяти ответов на вопросы, интересовавшие магов в черных мантиях с капюшонами, надежно прячущими их лица.

– Очнулся? – тихо произнес присевший рядом человек, мягко подержав Мишеле за запястье. – Значит, будешь жить. Не так, как раньше, этого никому из нас не дано. Но чем сможем – поможем. Меня зови Дедом, а свое имя, если не хочешь, не называй. Можешь придумать любое, никто из нас не осудит.

– Рыжий, – буркнул Мишеле и невольно потянулся рукой туда, где недавно плотно сидел ненавистный шлем.

Но пальцы наткнулись на закрывавшую лицо и темя тряпицу, и на запястье тут же сомкнулась чужая рука.

– Не тронь, мы помазали и завязали. Видать, щит у тебя был мощный,

снять не смогли, вот и лютовали.

– Кто? – приподнял веки граф Хангро, настороженно оглядывая незнакомца и место, где очутился.

Мужчина, глядящий на него умными медово-карими глазами, был того среднего возраста, когда можно дать и сорок и семьдесят. Лицо уже подсохло, но морщин пока не видно, а седина, щедро посеребрившая волосы, свидетельствует скорее о трудной жизни, чем о старости. Но раз он хочет быть Дедом, то пусть будет, Мишеле и сам пока не желал ни с кем откровенничать.

– Чернокнижники, или черные алхимики, – помедлив, усмехнулся Дед. – Но не думай, будто я выдаю тебе страшный секрет. Тут все это знают, только нести тайны некуда. Но это ты и сам скоро увидишь, а меня сейчас другое интересует – тебя какими-нибудь снадобьями поили? Ну, чтобы правду им рассказал.

– Наливали прямо в горло... – невольно закашлялся Мишеле, – но мне не пошло. А потом в лицо плескали чем-то жгучим...

– Кислотой. – В глазах Деда мелькнула ярая ненависть. – Но сильно не переживай, радуйся, что глаза целы. Какие смог, те раны я почистил и зашил, глубоких шрамов не будет. А мелкие у всех есть, это, можно сказать, наши знаки отличия. Вот одежду тебе мы пока не добыли, собрали старенькое, но чистое. Надевать не стали, так раны мазать легче. Есть тебе тоже пока не даем, бесполезно – все равно вывернет после их зелий. А питье буду сам заливать по ложке.

Он сунул в висевшую через плечо тряпичную суму глиняную бутылку и поднялся:

– Вставать тебе пока нельзя, но, если будет невоготу, горшок в углу. И не забудь его прикрыть.

Развернулся и спокойно ушел, оставив графа наедине с сомнениями и обрывками воспоминаний, по которым никак не получалось составить полную и логичную картину произошедшего. Как Мишеле ни пытался, его размышлениям не удалось перейти незримый барьер, лежавший между проведенным в плену временем и всей его остальной жизнью.

– Ты сидишь здесь уже полдня. – В голосе жены Иридос не расслышал ни досады, ни обвинения и привычно порадовался ее понятливости.

Но отвечать не стал и с места не сдвинулся, упорно продолжая добавлять камни в приготовленную формочку.

– Я накрыла на стол, но, если ты не будешь сейчас обедать, поем сама.

– Угу, – хмыкнул он, не отрываясь глядя в заготовку для поискового

амулета.

– Матушка приходила, – уже от порога сообщила Анэри, постояла секунду и добавила: – Боюсь, она заподозрила то же, что и я.

– А что заподозрила ты? – буркнул дракон, укладывая в уголок звезды последний камень.

– Ты где-то ошибся или скорее просчитался... и теперь сам себя ешь.

Развернулась и закрыла за собой дверь.

– Стой! – рыкнул Ир, протянул воздушное щупальце и вернул нахалку назад.

Втиснул в кресло, зыркнул пожелтевшим глазом и отвернулся к тиглю, где в ковшике жарко светилось расплавленное золото. Бросил на заготовку сразу два заклятия и медленно вылил раскаленный металл в форму. Варварский метод, если им начнут изготавливать свои изделия ювелиры. Зато самый надежный, когда за дело берется опытный магистр. Камни защищены от страшного жара тонкой пленкой охлаждающего заклинания, и нет никакой угрозы их целостности или чистоте, зато не соприкасаются с руками мага и не напитываются ненужными, посторонними всплесками силы, неизбежно ведущими к искажениям заданных условий.

– Ну а теперь объясни, как ты сделала такие крамольные заключения. – Сунув зашипевшую форму в бочонок с водой, магистр легко перенес жену к себе на колени и на несколько минут потерялся в ее нежных объятиях.

– Ты всегда сопишь и прячешься от всех, когда недоволен собой, – прямо объявила она. – И матушка это тоже заметила. Вот я и хотела спросить, а не лучше нам уйти домой? Там тебя никто не побеспокоит.

– Не хитри, ведьмочка, – засмеялся Ир, чувствуя, как от одного присутствия жены привычно отступает, тает саднящая душу досада, круто замешенная с чувством вины перед парнем, которого он попытался использовать втемную.

А ведь мог спасти, вернуть обоих и допросить, но хотел одним махом поймать негодяев, внезапно ставших его собственными заклятыми врагами.

– Когда я хитрила? – возмутилась она. – Ты и сам давно знаешь, насколько мне там лучше. Это только в первый год они смотрели на меня искоса, как на чужачку. А потом приняли, поверили, и теперь я им своя.

– Приняли, поверили, – ворчливо буркнул дракон. – Ну прямо наивная принцесса, не повидавшая в жизни ничего, кроме куцега сада в крепости. Да они уже в первый год обо всем догадались, особенно те, кто знал тебя еще в Сандинии. И прищемили языки слишком шустрым волчицам. Но виду не показывают и с каждым годом все больше уважают тебя за

терпение.

– Ну и пусть, – небрежно дернула плечиком Анэри. – Не о них сейчас разговор.

– А если не о них, то придется тебе посидеть тут еще денек-два, – строго заявил дракон. – Я сейчас уйду на Идрийс и могу не возвратиться до завтра. На мне присмотр за ментальными ловушками королевского дворца. А еще очень нужно найти одного парня.

– Рыжего? – понимающе глянула жена.

– Ведьминские методы? – усмехнулся Иридос и нехотя разомкнул руки, время поджимало. – Идем съедим твой обед, чтобы ты была спокойна. И постарайся успокоить матушку, сам уже не успею.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – Голос Деда звучал бодро, словно он был рад видеть своего пациента.

Зато парнишка, прошмыгнувший вслед за ним в каморку, оказавшуюся вырубленной в скале кельей, равнодушно смолчал. Только зыркнул настороженным взглядом, сунул в угол чистый каменный горшок и утащил прежний.

– На него внимания не обращай, это наказанный. Никому не охота делать грязную работу, но не всем хватает ума не нарушать простых правил. Давай смажем еще разок, теперь уже последний.

– Хорошие у тебя зелья, – тихо похвалил Мишеле и совсем неслышно добавил: – А для памяти ничего нет? Иногда я что-то вспоминаю, а иногда все путается. Вроде никто меня не бил и не пытал, сразу отправили сюда... Помню, как шел с толпой пленников по тропе. А как потрогаю шрамы – вспыхивает совсем другая картинка.

– Вот она и есть самая верная, – огорченно глянул Дед и бесцеремонно откинул с Мишеле одеяло. – Пытали тебя, и знатно. А потом навели ложную память, чтобы ты не буянил тут, на надзирателей не бросался и в побег не собирался.

– А кто у вас надзиратели?

– Такие, как твой дружок, – криво ухмыльнулся Дед, прямо пальцем ловко нанося пахнущую костром мазь. – Хотя досталось и ему, но память не меняли, пообещали отпустить, если будет верно служить.

– Он сам так сказал?

– Нет. Никто с ним не разговаривает. Мы и так знаем, чего им всем обещают. И ты молчи, как будто не знаешь. Нам понять нужно, он просто дурак или гад законченный.

– Я думаю, жадный дурак, – вздохнул Мишеле. – А я – дурак

доверчивый. Он мне пообещал помощь, но не помню какую. Как вышли за ворота дворца – сразу забыл все, что там было. Кто там королева, кто король, кто гости, по какому поводу праздник – как отрезало. А теперь еще и все, что было после, оказывается, происходило не так, как помнится мне.

– Им нужно было сорвать с тебя защитные щиты, – задумчиво произнес Дед, – а сильных менталов не осталось. Один был, да недавно сгинул куда-то. Вот и пытались заставить твой разум сбросить защиту самостоятельно, вытеснить болью и новыми переживаниями. Но не волнуйся, все постепенно припомнишь, не через месяц, так через год. И прими мой совет: даже не задумывайся о побеге. Я тут уже очень давно и сделал не один десяток попыток, пока не понял, как напрасно тратил силы.

– Я суп принес. – На пороге стоял проштрафившийся парнишка.

– Помоги ему поесть, – поднялся с края лежанки Дед. – Да не спеши. Нельзя ему все сразу, иначе сам будешь мыть.

– Понял, – буркнул тот и подсел к Мишеле: – Открывай рот, птенчик.

В этот раз дворец ничем не напоминал дракону готовящуюся к осаде крепость: везде деловито сновали слуги, у дверей стояли строгие королевские егеря, а по залам и коридорам слышались оживленные разговоры и даже смех. И это было правильно, вмешательство магов плато не должно остаться в памяти народа Идрийса тяжелым, беспросветным событием сродни донгер-карритской трагедии. Иначе потом ничем уже не выкорчуешь недоверчивость, порожденную трусливыми слухами и страшными сказками.

А им нужно тут прижиться, стать своими, теми, к кому идут в случае беды или несправедливости. Как показал опыт, проще дружить со всеми державами и помогать им по мере возможности, чем потом расхлебывать очередную буйно проросшую черную заразу.

– Ир, ты сегодня не дежуришь. – Лангорис, занявший королевский кабинет в старом крыле, смотрел на бывшего ученика устало и чуть укоризненно.

– Знаю, – невозмутимо кивнул тот, сел напротив и положил на стол массивную плитку золота, в которую было вплавлено не менее сотни камней.

И не просто вставлено, а в совершенно определенном порядке.

– Ну? – поднял вопросительный взгляд магистр.

– Амулет поиска, почти артефакт. Можно поставить на площади в шатре или в каком-нибудь здании и объявить об эпидемии. Пусть все просто пройдут мимо, а мы их рассортируем. Подчиненных – лечить,

свободным – ставить щит или выдать амулет.

– Наши алхимики уже сварили зелье, на некоторое время, декады две – это гарантированно, человек защищен от всяких ментальных атак.

– Значит, одних будем отправлять в лечебницы, а другом давать зелье, – серьезно кивнул глава дома ди Тинерд и не удержался от незаметного вздоха.

– Ир... что произошло? – с участием смотрел магистр, и дракона это неожиданно взбесило:

– Ничего особого, кроме того, что я зазнался, вообразил себя всезнающим, всемогущим и спокойно отправил парня в ловушку, а может, и на смерть. Неплохого, честного парня, что обиднее всего.

– Ну, раз ты так сильно за него переживаешь, значит, пока все не настолько уж запущено, – стараясь говорить без улыбки, задумчиво произнес Лангорис. – А как же твои ментальные шпионы?

– Его увели порталом, я только направление успел заметить. Здесь ведь магии мало, фон очень слаб, и возмущения почти не отслеживаются. А когда, постепенно сужая круг, нашел место, сразу понял, как сглупил. Считал – раз порталы очень редкое явление, то легко прослежу путь, по свежим следам. А там, не поверишь, напутано этих самых следов, как на порталной башне. И уже пусто – что-то почуяли и ушли.

– Где это? – вмиг насторожился магистр. – И почему сразу не сказал?

– Сразу я сам пытался найти, истратил кучу накопителей, обрыскал все вокруг, на последнем камне вернулся домой и начал делать этот поисковик. Пришла такая идея, пока гонял на воздушных санях.

– Так ты и не отдыхал?

– Пока мне артефакторы камни готовили, подремал немного, но спать не хочу. У меня злость в душе кипит, никак не могу представить, как может обычная жадность вырасти в такого отвратительного монстра, заставляющего людей делать страшные вещи.

– Так было всегда, – печально кивнул Лангорис, отправляя куда-то магического вестника. – Как некоторые стравливают петухов, так хитрые торговцы мощными зельями и дорогим зачарованным оружием во все времена умудрялись перессорить целые народы, чтобы потом подороже продавать им свои товары. А тем и невдомек, почему они так яростно лупят соседей, с которыми веками жили душа в душу. Торговали, выбирали невест, ездили в гости. Жаль твоего рыжего, но пока не проверено и не защищено все население, у нас просто нет возможности его искать. Надеюсь, за пару-тройку дней ничего с ним не случится.

– А я в этом не уверен, – мрачно и вызывающе глянул на учителя

дракон. – Как только они поймут, чем мы заняты, начнут отступать в заранее приготовленные норы, как делали уже не раз. А потом снова придется ждать еще несколько лет, гадая, где и когда они вынырнут. И за это время будет разрушено немало судеб, потерян не один пропущенный нами одаренный ребенок, обворована не одна семья. Но страшнее всего другое. Как я начинаю все сильнее подозревать, чернокнижники уже натаскали в свое тайное логово кучу народа, ведь работать они никогда не любили. Боюсь даже считать, сколько там может томиться мужчин, женщин и детей. И не хочу представлять, как с ними поступят уходящие в новые норы хозяева. Ведь ничего хорошего ждать от них не стоит, жадность – это болезнь, при которой у человека первым отмирает сострадание.

– В одиночку тебе в это ввязываться нельзя, а у нас пока ни одного лишнего человека. Мы поделили королевство на участки и составили расписание. В каждый район города и в каждую деревушку отправляем по три человека на четыре часа, больше не выдерживают.

– Никого мне не нужно, – отмахнулся дракон. – Я возьму несколько оборотней и своих магов. Им здесь будет легче, они привыкли экономить силы. А у вас хочу забрать только ведьмака, он хорошо знает страну и может дать дельный совет. Амулет оставляю, сам настроишь, тут три простых заклинания, вот, я все записал.

– Тогда возьми хоть Годренса, они давно дружат и привыкли сражаться рядом, – принял решение Лангорис и кивнул входящим в кабинет сородичам: – Кто-нибудь знает, где советник королевы?

– У целителей, помогает успокаивать проснувшихся слуг.

– Я сам схожу, – поднялся со стула Иридос. – Это на первом этаже? А ты пока отправь за Годренсом, пусть ждет меня возле порталной. Мы будем разговаривать в Зеленодоле.

– Лазарет сейчас на третьем, в правом крыле, в гостевых покоях. Нам удобнее ходить туда порталом, – подсказал один из магов и, присев к столу, устало осведомился у Лангориса: – Зачем звал? Там еще работы по горло.

– Он сделал амулет, – проводив стремительно исчезнувшего ученика взглядом, начал объяснять магистр. – Теперь дело у вас пойдет быстрее.

Глава шестая

О планах дракона, новых заботах разбойника и тонкостях банковского дела

Шаграйна дракон нашел не сразу: советник оказался очень проворным и словно нарочно избегал встречи. Не успел Иридос выяснить, что ведьмак отправился за новыми пациентами, как они обнаружили сидящими в приемной, ошарашенно взирая на непривычно одетых магов. И никакого Шаграйна с ними уже не было. В очередной раз начиная расспросы, Иридос искренне сожалел о собственной непредусмотрительности. Нужно было еще в прошлый раз прицепить к старшему сыну Зантарии маячок и снять рисунок ауры, чтобы отправлять поисковичков.

Наконец поиски завершились успехом, хотя встретились они случайно: ведьмак вышел из одной из превращенных в лазарет гостиных, бережно держа на руках совсем молоденькую горничную.

– Я тебя ищу, – прямо объявил советнику глава дома ди Тинерд и даже опешил, получив в ответ невозмутимый кивок:

– Знаю, но у меня еще есть дела.

– Отдай ее кому-нибудь, – начиная покрываться чешуйками, рыкнул дракон, создал воздушную лапу и отобрал служанку. – Вот хоть ему.

Один из магов плато безмолвно принял ношу и понес дальше, а Шаграйн язвительно уставился на главу оборотней:

– Хотя я и родня тебе по расе, но сам вожак и подчиняться не обязан.

– А с чего ты решил, будто мне нужно твое подчинение? – едко осведомился Иридос. – Я же не черный алхимик. Мне нужна твоя помощь, точнее, консультация. Я сегодня полночи делал артефакт, который поможет освободить кучу магов, чтобы они заняли здесь твое место. И Годренса – как мне объяснили, вас двоих можно считать за четверых.

– Хитрый ты жук, но меня на лесть не возьмешь, – недоверчиво ухмыльнулся ведьмак. – Сначала я желаю услышать детали твоего плана.

– А их пока нет, – почти ласково улыбнулся ему магистр, – только наброски. Думать над деталями будем вместе. Годренса мне уже нашли.

Подхватил ведьмака верной лианой и открыл портал на галерею, куда выходили двери из старой части дворца.

– Это самоуправство, – буркнул Рад, но сопротивляться и не подумал.

– А я гадаю, – встретил их понимающим взглядом дроу, – зачем мне

нужно так срочно бежать в этот будуар? Похоже, у нас намечается тайная вылазка.

– Вы вообще очень сообразительны, оба, – поощрительно оскалил клыки дракон, освобождая Шаграйна, и шлепнулся в кресло, когда-то очень любимое старой королевой, – и потому именно вас я выбрал себе в напарники. От магов плато толку будет меньше. Хотя они и мощнее, но совершенно не разбираются в тонкостях местной жизни.

– Не нравится мне его лесть, – искоса глянул на друга советник и сел так, чтобы видеть лица собеседников.

– Это не лесть, и я вам докажу. Недавно я сделал большую глупость – решил поймать чернокнижников на живца. Вернее, он сам к ним шел, а я не остановил, хотя и мог. Наоборот, защитил мощными щитами, подселил особого ментального шпиона и отпустил, надеясь к утру захлопнуть ловушку...

– Где это было? – Ведьмак резко перебил Иридоса.

– В Беленгоре, на празднике, – сразу помрачнел тот. – Они уходили из поместья вдвоем, и я видел, что он идет под подчинением. И самонадеянно решил, что смогу отследить их путь. Но часа через три они ушли порталом, а потом и вовсе исчезли. Все остальное я расскажу вам в Зеленодоле, мне нужно собрать самых верных своих людей, маги заняты и пока никого выделить не могут. А я боюсь, как бы чернокнижники не начали расправляться с пленниками.

– Идем, – решительно поднялся с места Шаграйн. – Сказал бы сразу, что нужно искать Мишеле. Когда мы бились с княжичем, рыжий молча встал рядом с оружием в руках, а я такого не забываю.

Дракон прижал к себе ведьмака и дроу воздушной лианой и крутнул камни на массивном браслете.

Через минуту друзья ошеломленно рассматривали пейзаж, открывавшийся с порталной площадки, огороженной только резными каменными перилами. Прямо перед ними под почти отвесным скалистым берегом весело блестели на солнце быстрые струи довольно широкой речки, за ней вдоль пологого противоположного берега тянулся рядок солидных бревенчатых домов.

Он уходил вниз по течению реки, сливаясь вдали в сплошное кружево зелени садов, разбавленное яркими пятнами черепичных крыш и окованных медью башенок. А где-то вдалеке, как гигантский алмаз, сверкал под солнцем чудесный купол странного здания, подобного которому Дирард никогда раньше не видел.

– Это арена? – затаив дыхание выдохнул Год.

– Я покажу вам ее позже. Считаю себя приглашенным, а ведьмака я звал еще в прошлый раз. Идемте в дом, пока прибегут мои собраты, успеем выслушать ведьм.

– Откуда женщины могут что-то знать? – еще сомневался Шаграйн, а сам уже видел как наяву внимательные глаза Мильды.

Да и спорить было поздно, поэтому пришлось подниматься по широким ступеням полированного камня в огромный величественный дом и шагать через строгий и торжественный зал к небольшой лесенке, чтобы неожиданно для себя очутиться на пронизанной солнцем широкой галерее. Любопытные лучи проникали сюда сквозь кроны деревьев с западной, застекленной почти до пола стороны, оставляя на скатертях столиков ажурно вырезанные узоры.

– Посидите здесь, если хотите, или можем устроиться в гостиной, – не останавливаясь, скомандовал дракон, направляясь к северной двери.

И вдруг оттуда выскочила золотоволосая девчонка в мальчишечьих штанах и рубаше, радостно взвизгнула и повисла на шее у хозяина.

«Неужели это она?» – не сразу поверил ведьмак, разглядывая хозяйку в попытке найти сходство с танцевавшей в Беленгоре изящной красавицей.

– Здесь уже яблоки спеют, – предупреждая толкнул его Годренс, показывая на раскинувшийся за стеклом сад.

Советник поспешил отвести взор от хозяина, стараясь подавить зависть, остро кольнувшую сердце при виде счастья, светившегося в глазах бежавшей к дракону жены. И тотчас заметил спешившую по дорожке немолодую ведьму, недавно делившуюся с ним своими секретами.

– Ну и где здесь гости? – весело поинтересовалась она, широко распахивая стеклянную дверь. – По делам или как?

– Конечно, по делам, – отозвался уже вернувшийся дракон, принесший ларец темного металла. – Боюсь, гулять ради любопытства у них еще не скоро появится возможность.

– Но мы же поможем? – В дверях появилось трое оборотней, и разбойник, отвлекшийся на миг на ведьму, мог бы поклясться, что еще секунду назад там никого не было.

– Затем вас и собираю, – с притворной строгостью буркнул дракон. – Мне нужно знать про Идрийс такие детали, которых не знают маги плато. Все, что было у них, я уже выучил.

– Тогда тебе нужно к гномам, – почему-то усмехнулся немолодой оборотень и по-хозяйски сел рядом с Мильдой.

– Ках, я думал, ты меня лучше знаешь, – ехидно прищурил пожелтевшие глаза его вожак. – К гномам я ходил в первую очередь, после

того как прочел, что они на Идрийсе занимают почти шестую часть территории. Все горы и недра.

– И что? – живо заинтересовалась ведьма.

– Наступил гильдии банкиров на самую больную мозоль. Оказывается, они уже лет пятьдесят как окончательно порвали с отделением Идрийса все отношения. К слову сказать, они и до этого общих дел почти не имели, поскольку королевство Тальзия давно ни с кем официально не торгует и деньги у нее свои. Поэтому редкие приезжие и контрабандисты ведут расчеты в слитках и камнях. А вот весь полуостров по привычке пользуется гномьим банком и все золото держит там.

– Ничего себе! – присвистнул Кахорис. – Выходит, они все останутся нищими, если гномы в один прекрасный день закроют свое заведение.

– А они его закроют, – уверенно кивнул Иридос, стараясь не смотреть на побледневших гостей, – как только плато снимет подчинение со всех жителей и начнет поиск чернокнижников. Хотя бы для того, чтобы вызвать в королевстве панику и недовольство Зантарией. Вот посмотри на наших гостей: едва они поняли, что все заработанные ими деньги существуют лишь в виде записи в гномьих книгах, сразу собрались срочно бежать и получать наличные.

– Я подумал не о себе, – огорченно признался Годренс. – Мои деньги лежат в королевской казне. А вот все те, кто нам верит и помогает, могут в один прекрасный день оказаться с пустыми карманами.

– Королева тоже часть денег хранит в гномьем банке, – мрачно сообщил разбойник. – Гномы уговорили, когда подписывали соглашение о возмещении ущерба сетями и механизмами.

– Получается, вы купили у них всякие часы и маслобойки за собственное золото? – охнула старшая ведьма. – Ну и хитрецы коротышки!

– На те деньги можно было все их кузницы и банки скупить. – Больше всего Раду сейчас хотелось бежать в банк, трясти коротышек за шиворот и требовать вернуть в казну золото короны, но он уже с предельной ясностью понимал, насколько запоздал его порыв. – Королева тогда как раз одаряла героев Карритской битвы и все премии и награды выдавала через гномий банк. Они завели всем счета, а из казны забрали золотом, хотя у нее в банке хранятся немалые суммы собранных налогов и денег на казенные нужды.

– Не расстраивайтесь. – Жена дракона, вставшая позади мужа, ласково погладила его отдающие краснотой волосы и весело подмигнула гостям: – Вы пришли к главному мастеру по дрессировке гномов.

– Сейчас важнее найти тех, кто умудрился обмануть и заставить подчиняться самих коротышек, – нежно поцеловав ее ладошку, хмуро

произнес Иридос. – Для этого я вас и позвал. Попробуйте вспомнить, ни у кого нет знакомых полукровок? Гномы иногда сажают их писарями и счетоводами. Нам необходимо узнать любые подробности происходящего в их гильдии и в клане. И очень неплохо бы найти точные места входов в подгорные мастерские и хранилища. Я и сам недавно узнал, и уже рассказал Раду про горячие источники, которые гномы нашли под горами. Рядом с ними живет несколько больших семей, занимающихся выращиванием грибов и ведьминоного мха. Но никто не знает, как они связаны с чернокнижниками и где те прячутся.

– А того гнома, который был в плену на островах... – словно забыв имя, осторожно намекнула Мильда, – нельзя попросить?

– Сегрин и так настрадался, до сих пор ненавидит всех ведьм, – не согласился глава дома ди Тинерд. – Да и не был он никогда на Идрийсе. А в гномьем банке коротышки стали смотреть на меня как на шпиона, едва я заговорил про западный клан.

– Нужно искать контрабандистов, – уверенно заявил Ках. – И о них может знать Голон.

– Он сейчас занят в Тореме, – нехотя признался хозяин. – Я получил известие, что один богатый бей тайком скупает полукровок.

– Но ведь хан издал указ, запретил рабство... – еще бормотал Годренс, уже прекрасно понимая, как наивна его надежда на законы торемского правителя.

Во все века и во всех странах правильные указы издаются довольно часто, но никем не исполняются, если не подкреплены веским поощрением или суровым наказанием.

– Я уже отправил за ним Даверлиса, но ждать его некогда. Вы и сами понимаете, как непросто найти оборотня, занятого поиском тайных работорговцев. Ках, я специально позвал тебя сюда, ты остаешься старшим, пока я разберусь с этими чернокнижниками. Не знаю, сколько потребуется времени, но задерживаться не собираюсь. Мы уходим на плато, к артефакторам, потом сразу на Идрийс.

– погоди, – не выдержала Мильда. – Есть у меня одна подруга, живет на берегу океана, почти напротив крепости Салмейт. Это местечко я храню на самый крайний случай. Вот карта, прихватила, как чувствовала. Сейчас записку напишу.

– Найду. – Рассмотрев кусок тряпицы с вышитыми на нем непонятными крестиками, Иридос вернул его старой ведьме, получив взамен скрученный трубочкой и связанный цветной нитью листок.

Поцеловал жену, подхватил невидимой лапой спутников и мгновенно

перенес их в собственную лабораторию, расположенную в башне академии плато.

Глава седьмая, в которой сталкиваются интересы главы оборотней Ардага и беды одинокой ведьмы

К вечеру, защитив и вооружив спутников такими амулетами, о каких они до сих пор и не подозревали, Иридос высадил их шагах в пятидесяти от небольшой покосившейся избушки. Она стояла у горной речушки, скрытая с одной стороны крутым склоном сходящего к морю ущелья, а с другой – соснами и орешником так ловко, что Шаграйн обнаружил ее лишь после того, как Иридос указал на похожую на валун замшелую крышу.

– Был я тут однажды, – буркнул он, перебираясь через речку по невидимому воздушному мостку, – но с ведьмой не знакомился, поэтому помалкивайте.

Ведьмак усмехнулся: о том, как относятся ведьмы к оборотням, он знал не понаслышке, пришлось встречаться в Ардаге. А вот как старая карга встретит его самого – пока даже не пытался представить. Да и вряд ли все ведьмы сразу определяют его второй дар.

Неприметная тропка змеей петляла среди густых зарослей дикой малины, и магов вел по ней крохотный светящийся поисковичок, выпущенный драконом. Сами они никогда бы ее не сумели отыскать. Впереди басовито гавкнул пес и смолк, предостерегая незваных гостей от опрометчивых поступков грозным рыком.

– Кто там к нам идет, Пиратушка? – донесся от избушки спокойный, слегка насмешливый женский голос. – Неужто контрабандисты пожаловали?

– Зря пытаешься схитрить, ведьма, – беззлобно проворчал Иридос. – Не настолько ты стара, чтобы прикидываться слепой. И не настолько глупа, чтобы не отличить магов от контрабандистов. Лучше успокой пса да сними с дорожки свою сеть. Мы не со злом и принесли письмо от Мильды.

– И с чего это она так раздобрилась, – ехидно фыркнула невидимая за кустами ведьма, – даже письма оборотням давать начала?

– А она никогда злой и не была, – так же едко фыркнул дракон. – Только несчастной.

– А теперь стала счастливой? – не поверила ведьма, и тут Рад ее увидел.

К его изумлению, на крылечке стояла не старуха и не пожилая

женщина, а довольно миловидная молодка, одетая в излюбленную ведьмами темную юбку с многочисленными карманами и заплатами. Блуза на ней была серого цвета, в маленький цветочек, с воротничком под горло и какая-то бесформенная. Да и низко надвинутый на глаза невзрачный платок тоже не добавлял смазливости. «Значит, не желает привлекать мужское внимание», – понял ведьмак, и дракон тут же подтвердил эту догадку.

– Как ни странно, стала, – добродушно кивнул он, – как только вышла замуж за моего друга Кахориса. А я женат на ее внучке, потому и говорю так уверенно. Ну, пропускаешь нас или мне самому сеть снять?

– А сможешь? – заинтересовалась хозяйка. – И чтобы потом назад поставить?

– Смогу, – мирно кивнул магистр. – А потом защиту тебе сделаю понадежнее и амулет дам на всякий случай. Или тебе лучше порталный браслет? Мильда с Орисьей будут рады такой гостье.

– Как будто не врешь, – проговорила она и тихонько свистнула псу: – Иди на место, Пиратушка, вроде эти гости не со злом, пусть и незваные. Хотя пока еще и слова не сказали, ради чего в такую даль тащились да сквозь малину лезли.

– В дом позовешь, за чайком с пирогами и расскажем, – небрежно сдвигая в сторону нечто невидимое, предложил Иридос, решительно направляясь к крыльцу.

– А если не позову? – внезапно заартачилась ведьма, и ее глаза недобро блеснули.

– Мы ничего плохого ему не сделаем... твоему другу, – неожиданно вступил в разговор Годренс. – Наоборот. Я целитель и могу ему помочь. Ты со своими зельями будешь поднимать его намного дольше.

– И откуда только вы взяли на мою голову, – вздохнула женщина обреченно, – да еще такой компанией... Ну заходите, только глядите не спугните парнишку, он и так от тени шарахается.

– А мы его усыпим, – тихо пообещал глава дома ди Тинерд, и шедшие за ним друзья украдкой усмехнулись, убежденные, что он уже исполнил свое обещание.

Рад заходил в избушку последним – пригнулся перед низкой перекладной рамы, а когда выпрямился, едва не доставая макушкой потолка, и пригляделся, привыкая к полумраку, маг плато и дроу уже сидели на колченогих скамеечках возле широкой лавки, на которой лежал вверх спиной невысокий подросток с исполосованной плетью спиной.

– Какая гадина, – рычал дракон, осторожно поддевая проросшим когтем остатки пропитанной кровью рубахи и пластая ее на лоскутки,

которые осторожно снимал Годренс, – такое сделала?

– Где ты вообще его взяла? – подошел ближе Дирард и остановился рядом с ведьмой.

– Не боишься испачкаться, белый? – сумрачно дернула она плечом, и советнику вдруг стало смешно.

– Станный вы народ, ведьмы. Я ведь оборотень наполовину... или не видишь? И пока не открылся второй дар, все вы считали меня ниже себя и боялись испачкаться, а теперь снова боитесь – только испачкать. Или вам просто нравится придумывать себе страхи?

– Не язви, тебе по роду не положено, – прикрикнула она и горько усмехнулась. – А для нас магии вообще не подходят. Хоть внутри резерв прячут, хоть снаружи носят – все равно. Вы ведь как дар в себе обнаружите, так сразу такими гордыми и высокомерными становитесь, что ведьмам и стоять рядом не положено. А уж если допустите поближе, сразу командовать начинаете, как хозяин рабыней. Скажешь, ты не так со своей женщиной обращаешься? Или этот, чешуйчатый? Слыхала ведь я, как он влюбленную в него ведьмочку за другого замуж выдал.

– Как тебя зовут? – приторно-ласково осведомился Иридос.

– Кому как хочется, так и зовут, – неуступчиво огрызнулась ведьма. – А я откликаюсь, когда нравится.

– Кто тебя так обидел, что злишься на всех подряд – и виновных и невинных? – косо посмотрел на хозяйку Годренс. – Дай лучше водицы, я ему зелья накапаю.

– Не нужно зелий, – отвел кружку с водой дракон. – У него дела хуже, чем я подумал сразу. Посидите здесь, пока я отнесу его Гайлене.

Обернул парнишку воздушным коконом и исчез, а ведьма тотчас опустилась прямо на пол и тихо, по-звериному завывала.

– Кто он тебе? – участливо спросил дроу, доставая другой фиал и отмеряя в кружку душистые капли. – Выпей.

Она упрямо отодвинула снадобье.

– Ты сейчас не права, – удрученно вздохнул Годренс. – Это не снотворное и не зелье забвения. Просто немного успокоит душу и поддержит сердце. А Гайлена – одна из лучших целительниц плато, просто чудеса творит. И раз Иридос понес мальчишку туда, то за него можно только порадоваться. Теперь он выживет и даже следов никаких не останется, ни на коже, ни внутри, ни в душе. Через сутки или двое будет у тебя. Непонятно только, как он попался, ведь в нем кровь оборотня?

– Полукровки, – мрачно буркнула ведьма. – А ты лжец или не знаешь, что всех мальчишек, в которых есть кровь оборотней, этот чешуйчатый к

себе за Палеру увозит?

– Лгут подлецы и не боятся его гнева, – усмехнулся Рад. – Я сам спокойно по Дройвии ходил с восемнадцати лет, и меня только контрабандисты пытались к себе заманить, а Иридос даже не заметил. Да и незачем ему это – все, кто чего-то опасался, сами к ним сбежали. Поэтому можешь не беспокоиться, вернется к тебе твой брат.

– Он мне не брат, – вздохнула женщина, вытирая глаза, и поднялась с пола.

Взяла кружку с приготовленным Годом питьем, понюхала, сделала глоточек, достала флакончик и перелила зелье туда. Потом поставила фиал на место и присела на край лавки:

– Племянник он... с трех лет воспитываю сама, дороже никого на свете не осталось.

– А мать его где? – осторожно осведомился Годренс.

– Там, – горестно глянула ведьма в сторону Идрийса. – Под горами. Она старше меня на пять лет, и место это ей муж купил, он контрабандистом был. Но вскоре сгинул... шторм в ту ночь разыгрался сумасшедший. А однажды появился молодой гном, полукровка, весь избитый, полуживой, она его выходила, и он остался. Жили они душа в душу, и меня забрали, матери у нас давно нет. Когда Кель родился, Гектор дом строить начал, и уже почти закончил... а потом их поймали и увели. Думаю, контрабандисты выдали. Мы с Келеном чудом уцелели, как раз в ущелье за земляницей ходили, есть там местечко. А вернулись – все перевернуто, мука рассыпана, на полу кровь... и сестры с Геком нет. Первое время я с малышом в пещерке пряталась, а как стало холодать – в старую избушку перебралась... с тех пор тут и живем.

– А почему ты думаешь, будто они под горами? – Дроу бросил Раду предупреждающий взгляд, но того и самого удивила убежденность ведьмы.

– Контрабандисты сказали, – хмуро буркнула она. – Ты же уже понял, что все эти годы я им помогаю? Тем и живем. Ничего плохого, разумеется, не делаю, пускаю в недостроенный дом отдохнуть и переночевать, храню товары, продаю еду. И Келя они никогда не обижали, пока был ребенком. А как стало понятно, что он полукровка, начали смотреть косо. Черные коротышек держат в строгости, на волю не выпускают, боятся за свои тайны. И им все равно, что он своего отца десять лет не видел и ничего не знает.

В углу появилось светлое облачко, и через несколько мгновений из него вышел вожак дома ди Тинерд и с ним трое спутников – Мильда и два оборотня. В тесной комнатухе сразу стало некуда шагнуть, но оборотни в

хижине не задержались, молчаливыми тенями скользнули наружу, неслышно прикрыв за собой дверцу.

– А нам в тот дом перейти нельзя? – поинтересовался Годренс, глядя, как Иридос достает из воздуха стул для Мильды.

– Там спят гости, всего двое, – помрачнела хозяйка и укоризненно глянула на Мильду: – Просила же я тебя...

– Я и не вмешивалась, пока не подошла крайняя нужда, – твердо выдержала ее взгляд старая ведьма. – А теперь и рада, что послала его сюда. На твоём мальчонке заклятие черной гнили висело. И двух дней бы не прожил, нашими снадобьями такое не вылечишь, на его счастье, Иридос тут оказался.

Ведьма побелела как снег, губы стали синими.

– Не может быть... они же сказали... – В глазах женщины мелькнула дикая ненависть, и она ринулась к неприметной маленькой дверце, прячущейся за печью.

– Стой! – тихо рыкнул вожак дома ди Тинерд, ловко хватая ее воздушной лианой. Спеленал, как буйную пьяницу, посадил на лавку и строго глянул на Мильду: – Следи!

А сам распахнул тайную дверцу и бросил в нее что-то невидимое.

– Сейчас посмотрим на этих контрабандистов...

Договорить он не успел, хижину потряс сильный удар, резко запахло дымом и пылью.

Все остальное произошло так стремительно, что ведьмак даже понять ничего не успел. Миг назад он сидел на почерневшем от старости неказистом сиденье в полутемной избушке – а вдруг оказался на мягком диване в уютной и просторной гостиной. Годренс сидит рядом, с другой стороны – Мильда, крепко вцепившаяся в потрясенно вытаращившуюся подругу.

– А где Иридос? – оглянулся Рад, не найдя рядом с собой оборотня, и вдруг встретился взглядом с тревожным взглядом зеленых глаз.

И вот теперь, рассмотрев появившуюся в уголке девичьих губ горькую складку, вдруг отчетливо поверил, что это она и есть, верная подруга вожака оборотней Дройвии. И вовсе не так уж она беззаботна и ветрена – просто умеет от души радоваться счастливым мгновениям встреч.

– Видать, решил, что ему там без нас сподручнее будет, – мельком глянув на хозяйку дома, нарочито беспечно проворчала Мильда и легонько хлопнула ведьму по щеке: – Очнись, Гилли! Все позади, теперь будете жить спокойно. Ведьмам Иридос дом на выбор дает.

– Какой выбор? – резко вскочила та, с ужасом глядя на подружку. –

Мне назад нужно... ты не понимаешь! Они сказали... пока я помогаю и держу язык за зубами, мои родичи будут жить... и Нанни и Гектор.

– Откуда они могут знать? – засомневался Годренс, но Шаггайн уже поверил словам женщины.

Значит, показали ей веские доказательства, иначе недоверчивая ведьма давным-давно ушла бы оттуда и мальчонку увела. Не так просто быть хозяйкой притона контрабандистов, хотя, как начинал подозревать советник, нарушители законов через давно закрытый перевал шли далеко не обыденные.

Наверняка это именно тот путь, по которому доставляют в тайное логово чернокнижников накопители для пирамидок и те редкие минералы, которых нет в Синих скалах. А обратно увозят изделия подгорных мастеров, и это вовсе не сетка и не массивные напольные часы, а тончайшие инструменты и точнейшие приспособления для ювелиров и алхимиков.

– Знают, – подавленно подтвердила Гилли. – Они многое знают и умеют. И им многие служат. Они и меня сначала хотели подчинить, но один сказал, что тогда от ведьмы толку не будет. Лучше мне показать, как нас накажут... и Нанни тоже. И принесли одну вещицу – только Нанни могла ее сделать, и знаки тайные только она знала. А я ведь к тому моменту ее похоронила...

Она опустила лицо в ладони и горько заплакала, лишь теперь сообразив, что никто из присутствующих не сможет прямо сейчас вернуть ее в хижину с видом на крепость Салмейт.

Но еще горше рыдала бы заложница собственной любви и верности к давно пропавшей сестре, если бы знала, что и хижины у нее больше нет. А вместе с ней – тех немногих ценностей, которые ведьме удалось скопить за эти годы.

Огонь, бушевавший над ветхой избушкой и скрытым колючими зарослями шиповника типично гномьим домом, наполовину уходящим под скалу, был очень хорошо знаком Иридосу, точно такой же выжег жилище родичей Годренса. И стал для дракона ясным знаком, что он не ошибся, придя сюда, и находится на верном пути к разгадке тайны чернокнижников.

– Уходим, – прошипел вожак пришедшим с ним оборотням и, не дожидаясь, пока они проберутся к нему через колючки, сгреб сородичей воздушной лапой и открыл портал домой.

Теперь все зависело от рассказа мальчишки-полукровки, оставленного на попечение Гайлены.

Глава восьмая, в которой Тэри находит новых удивительных друзей и очень необычное, но важное дело

Фанья окончила рассказ, любовалась на еще ошарашенные лица принцев и ушла так незаметно, как умела только она.

Помолчав и тяжело посопев, вскоре ушли и юноши. Но отправились не в дом, а на стену, осматривать окрестности.

И лишь тогда сила, бережно спеленавшая Тэри, повлекла девушку прочь, но не к защитным стенам, видневшимся за кронами деревьев, а к западной стороне замка, в глухой уголок, куда с нижнего этажа не выходило ни одной двери или окна. Тэри попыталась вспомнить, какие комнаты расположены в этой части дома, и осознала, что никогда там не была. В первый день после приезда сюда они с Бет жили поблизости, но очень недолго.

Потайная дверца, открывая лесенку, ведущую вниз, в подвалы, удивила девушку ненадолго. Всего лишь до того мига, пока ей не припомнилось, как много тайн хранит замок Элайн. «Возможно, что-либо знает об этом проходе разбойник или Фанья...» – мелькнула отстраненная мысль и исчезла, вытесненная новыми открытиями и впечатлениями.

А позже Тэри и вовсе забыла о таких обыденных в замках вещах, как неприметные двери и потайные ходы. Призрачные существа, ведущие ее к служившему раньше лабиринтом пеньку, а потом все дальше и дальше, в такие глубины, о которых не подозревала ни одна из кадеток, заглядывали девушке в лицо очень заботливо и не менее просительно. И вот об этом их необычном поведении она думала все упорнее, мельком рассматривая странности, несомненно, чудесного хода.

Здесь не было темноты, хотя и не имелось ни привычных свечей, ни магических фонарей, ни стеклянных сосудов с ведьминым мхом. И даже нищенские лучины или дымные факелы не освещали неширокий, заворачивающий вправо крутой спиралью проход. Мягкое, рассеянное зеленоватое свечение исходило от стен и пола, поросших мягкой травкой, усыпанной белыми звездочками мелких цветов.

Не досаждала здесь и духота, неизбежный бич таких вот глубоких,

сыроватых подвалов. Наоборот, дышалось легко, как ранним утром после проливного дождя, до блеска промывшего каждый листик и камушек.

Она давно потеряла счет времени и пройденным поворотам, не следила и за направлением, зная только, что спускается все ниже. Разумом Тэри понимала, как безрассудно поступает, покорно шагая туда, куда увлекали ее дивные существа, но просто не могла отказать просьбе, светившейся в необычайно выразительных, доверчивых глазах.

Просто сердцем чувствовала – не могут эти существа быть ни подлыми, ни злыми. Да и догадывалась уже, кто рискует сильнее: она сама, поверив молчаливым малышам, или они, так доверчиво открывшие чужачке тайну своего существования и путь к секретному убежищу.

Место, где Тэри очутилась, в очередной раз резко свернув направо, напомнило ей старинный подвал замка Ульгер, куда папенька категорически запрещал детям подходить даже близко. И, разумеется, они с Карлом туда залезли. А как иначе, если однажды выяснилось, что чердак, сенник и голубятня больше не таят никаких тайн и остаются просто пыльными хозяйственными помещениями?

Но сходство оказалось поверхностным. Там с потолка свисали лохмы паутины, здесь – плети уже примелькавшегося светящегося растения. В родном подвале валялись остатки полусгнивших ларей и бочек, а в жилище диковинных существ высились пышные волны той же самой травки, только более сочной и яркой. А еще в центре помещения росла гигантская капуста – больше ни на что это огромное растение с мраморными прожилками на бледно-зеленых широких и остrokонечных листьях не походило.

Только вместо вилка посреди колыхался небольшой, свитый из плотного, светящегося тумана шар, из которого выглядывало зеленоватое существо, очень похожее на малышей, приведших сюда Тэрлину.

Оно смотрело на девушку грустно и настороженно, и в огромных прозрачных глазах плескалась мудрость многих веков.

– Подойди, не бойся, – произнес хозяин этого необычного места мелодичным, чуть шелестящим и очень усталым голосом.

– Я и не боюсь, – упрямо поджала губы маркиза Дарве Ульгер. – Трусиха сюда никогда бы не пришла.

– Мы можем привести любого человека, – печально возразило существо, – но никогда этого не сделаем. Нам запрещено с ними разговаривать и помогать. – Оно помолчало и безнадежно выдохнуло: – И просить помощи тоже.

– У вас какая-то беда? – догадалась Тэрлина, не обратив внимания на

непривычно выделенное слово «ними», словно сама она уже не человек. – Чем я могу помочь?

– Спой... – в тихой просьбе звучала такая истовая просьба, какой просто невозможно отказать, если у тебя есть сердце.

– Хорошо, – не раздумывая согласилась кадетка, опустилась на подкатившую поближе зеленую волну туго сплетенных стеблей и листиков, чуть помолчала, собираясь с силами, и запела.

Не так, как пела для морского оборотня, дрожа от страха, или толпы кочевников, у которых желала вызвать сочувствие и сопереживание. В этот раз она пела будто для себя, выплескивая в песне тоску измученного сердца, не видевшего никакой надежды на счастье, боль души, потрясенной величиной трагедии, обрушенной на их некогда тихое королевство злобными пришельцами в черной одежде, и робкую мечту о том времени, когда все эти беды останутся позади.

Ее голос, сначала тихий и печальный, постепенно окреп и становился все увереннее и свободнее, но Тэри ничего не замечала. Ни звездочек расцветающих бутонов, ни десятков восхищенных глаз, ни сияния, все жарче пронизывающего сердцевину чудесного растения. Она видела и ощущала свое: отчаянные глаза морского оборотня, жаркое солнце пустыни, ледящий сквознячок лежавшей за спиной пропасти. И больные, измученные глаза белого зверя, нежно касающегося ее рук шершавым и горячим языком.

– Спасибо, – прошелестело в зеленоватом полумраке, когда песня окончилась. – Мы не ошиблись. Твой голос снимает заклятия и порчу.

– Да, – уверенно подтвердила Тэрлина, – ведьмы и маги плато уже сказали. Теперь мне нужно учиться, пока это получается само собой.

– Нет, – впервые девушка услышала нежный смех странных существ, и он совершенно ее очаровал, – не нужно. Сирены – одни из немногих одаренных, которым ничему не надо учиться. В тебе сильна интуиция – чувство, переданное по наследству от морского владыки. Вода есть везде и во всем, и она открывает тебе тайны всех явлений, творящихся поблизости и очень далеко. Постарайся только чаще прислушиваться к себе и верить этим намекам. Мы почувствовали тебя сразу, как только ты появилась в этом месте, и подавали знаки, выводя из старого убежища. Но ты не хотела верить своим ощущениям, пропускала откровенные намеки. Это оборотень виноват – он собственному дару не дает свободы и тебе не помог понять свои возможности.

– Да? – задумалась Тэри. – Так это были ваши проделки? Когда лабиринт становился простым и не было ловушек?

– Мы открывали тебе прямой путь, – снова засмеялись малыши, и лишь теперь ей пришлось в голову поинтересоваться, с кем довелось встретиться:

– А кто вы?

– Древни.

– Про вас ходят разные слухи, – осторожно намекнула девушка.

– Это только сказки, – маленький собеседник серьезно смотрел ей прямо в глаза, – хотя иногда древнями называют схожих с нами диких существ, возникших в результате магических возмущений и катастроф или неудачных экспериментов безответственных магов. А мы – потомки старинного магического рода, однажды, очень давно, встретившего на дорогах миров эльфов, древнейшую расу. Они тоже умеют кочевать по мирам, и у нас оказалось много общего. Не в способе добывания энергии и накопления мудрости, а в отношении к миру и различным разумным расам. С тех пор мы идем по жизни вместе. Во всем помогая друг другу, но не перенимая чужих привычек и правил. И сменяем миры мы также каждый по-своему: эльфы уходят в новый мир все вместе, забирая даже полукровок, а мы всегда оставляем несколько цветов жизни... на всякий случай.

– Так ты и есть оставленный цветок? – предположила Тэрлина, поглядывая на огромные листья.

– Да, один из трех. Двум остальным не повезло, они погибли во время великого Разлома. – Древень поник, видимо, ему было больно говорить об этом.

– А вы?

– Нам помогли последние остававшиеся здесь эльфы, перенесли к дальнему источнику и возвели с помощью гномов неприступную крепость. Вот с тех пор это наш дом.

– А хозяйка замка ничего о вас не знают?

– Они появились недавно, не одну сотню лет нас охраняла поставленная эльфами иллюзия. Но постепенно они уходили из этого мира, неподалеку есть пустой, хотя и не обжитый, но полный энергии мир. Некоторое время они еще иногда возвращались, а уже лет десять не подают о себе вестей. Иллюзия ослабла, и замок обнаружили королевские егеря. Но давай не будем говорить о них, у тебя в душе живут два чувства, светлое и темное, и будет очень плохо, если темное победит.

– Догадываюсь, на что ты намекаешь, – вымученно улыбнулась Тэри, – но от моих бед нет лекарств. А вот вам мне хотелось бы помочь, если это возможно.

– Ты уже помогла – поделилась энергией. Да-да, именно твоя, слабая, но живая, прошедшая через сердце энергия для нас самая вкусная, поэтому мы всегда стараемся селиться рядом с людьми или другими одаренными расами, а не возле магических родников. Хотя совсем без магии тоже не можем. Вот потому и живем недалеко от источника, выращиваем мох и грибы – они собирают как раз столько магии, чтобы не обжигать нас, а поддерживать.

– И сейчас вам хватило энергии? – недоверчиво смотрела сирена на расцветающее улыбкой личико. – Я не почувствовала себя слабее.

– Так ведь мы берем лишь ту силу, какую ты сама высвобождаешь вместе с чувствами, и ничего не забираем у тебя, – с легкой укоризной пояснил древень. – Мы хотели попросить – побудь с нами хоть денек, потом мы сможем тебе помочь. Найдем самого красивого и нежного принца во всем этом мире и нашепчем ему, какая ты добрая и прекрасная.

– Древень! – Тэрлина, нахмурившись, отступила от призрачного существа. – Надеюсь, ты пошутил! Мне не нужен принц, ни прекрасный, ни нежный. Так уж вышло – в моем сердце живет только один человек, и другого я не желаю.

– Знаем мы его, – древень подпер ладошкой голову и вздохнул печально, как древняя старушка, – он оборотень, а у них свои законы. Хотя они и рождаются людьми и от людей, но особенности магии не обойти.

– А поподробнее можешь объяснить? – затаила дыхание Тэри. – А я вам еще спою, прежде чем уйти. А потом буду приходить каждый день, и вообще могу тут жить остаться, все равно мне во дворце скучно.

– Да все очень просто, – древень продолжал смотреть на гостью с жалостью и печалью, – если оборотень подпустит близко к себе ведьму или оборотницу, то его магия вскоре начинает к ней понемногу привязываться. Подстраивается под особенности ее дара, начинает узнавать и признавать только ее. Поэтому они и выбирают очень придирчиво, чтобы потом не мучиться, если девушка вдруг передумает или разлюбит. А у тебя магии хоть и немного, но способности сильнее, ведь твое пение трогает самые чуткие струны души. Поэтому тебе лучше найти или сильного магамента, или простого, неодаренного человека.

– Нет, – твердо отрезала Тэрлина, – никого больше искать я не стану. Мне и так хорошо – я знаю, что он жив, здоров и любим матерью, родичами и друзьями. И даже мои сестры его простили и полюбили. А скоро у него появятся и братья, сегодня им открыли секрет, вы же слышали? И еще... Ты говоришь – он оборотень, а разбойник, оказывается, больше ведьмак, причем белый. Ведьмы из Дройвии недавно рассмотрели

и теперь собираются научить его своим ведьмовским хитростям. Значит, жить ему станет легче... А о себе я не волнуюсь – жила до сих пор, проживу и дальше.

Кадетка вдруг сообразила, что древни, все время незримо наблюдавшие за ними, знают про нее и разбойника гораздо более остальных и, разумеется, уже сделали свои выводы. Девушка с досадой прикусила губу и смолкла, рассматривая россыпь белых цветочков.

– Про ведьмака, тем более белого, мы не знали, – задумчиво сообщил древень и оглядел своих сородичей, облепивших Тэрлину, как цыплята клушку. – Это многое меняет. И мы тебе поможем, но сначала должны сказать большое спасибо. Твоей сегодняшней песни и этого разговора нам хватило, чтобы подпитать цветок, еще несколько дней – и все мы сможем разговаривать.

– А разве... – ошеломленно оглянулась на прижавшихся к ней малышей кадетка, – они тоже умеют?

– Мы все одинаковые, а молчали, чтобы не тратить сил.

– Светлые боги, – выдохнула она. – И давно вы так?..

– Мы кормим наш цветок по очереди, после того как он начал умирать.

Поэтому никто из нас ничего и не говорил.

– Вам настолько не хватало магии?

– Нет, магии мы бы ему набрали. Но в нижние пещеры, где он раньше рос, пришли плохие маги, начали творить недобрые дела и кастовать злые заклинания. Вот этого цветок не выдержал, и нам пришлось его переносить, а это очень трудно. А теперь поешь с нами, тебе нужно отдохнуть. Потом мы все расскажем, раз ты пообещала помогать.

Откуда-то появились сплетенные из травы туески, наполненные бледно-розовой ягодой, яблоками и мелкими грушами-медовками. Подали Тэри и чашечку с холодной, пахнувшей цветами водой, пояснив, что это роса, собранная в замковом саду.

– Вода у нас тоже есть, и другую еду мы можем брать на кухне, кухарка думает, будто кормит домовых. Но тебе сейчас нужнее это, – пояснял древень, подавая гостье отборные ягоды.

Она с удовольствием принимала их угощение, и в самом деле почувствовав себя уставшей и припомнив, что в замке уже, наверное, сели обедать.

А поев, как на подушку, облокотилась на пышный вал цветущего мха и тихо запела, теперь уже спокойную, светлую колыбельную. Пела и невольно вспоминала родной дом, маменьку, сестренку-хромоножку, мечтая однажды увидеть, как Сюзи летит в танце по вытертому паркету

замка Ульгер...

В какой момент голова сирены склонилась на белые цветочки, чьи маленькие зеленоватые ручки укрыли ее плечи невесомой, но теплой паутиной, Тэрлина так и не узнала.

Глава девятая, принесшая разбойнику, магам, королеве и кадеткам лишь новые огорчения и утраты

– Твой план придется менять, – осторожно сообщил Лангорис, глянув на мрачное лицо ученика. – Нахрапом, без тщательной подготовки проникнуть к ним нельзя. Уж если черные за прошедшие годы успели насовать флаконов с магическим огнем во все места, где лишь предполагали появление магов плато, то подходы к своему логову просто не могли не защитить всеми возможными способами. И это еще не самое главное. Важнее другое: Гилли рассказала, что алхимики натаскали в пещеры и выработки подгорного народца не одну сотню людей и оборотней. Причем твоих братьев брали охотнее, они лучше выживают в вечном полумраке подземелья. Хотя и не любят ни нор, ни пещер.

– Я знаю, – поморщившись, расстроено рыкнул Иридос, даже не пытаясь скрыть за деланой улыбкой истинных эмоций.

Все равно бесполезно – учитель сам ментал, и обмануть его не удастся. Да и незачем, это только у чистокровных людей принято скрывать свои чувства, проверять друзей и не доверять любимым. Маги между собой намного откровеннее, прямолинейнее и никогда не станут обманывать друзей ради неумной жалости.

– Тогда отправляй своих гостей в Идрийс и возвращайся на плато, соберем расширенный совет. Будем думать, как спасти коротышек, пленников и никого при этом не потерять.

– Ты и сам не веришь, что это получится, – горько буркнул бывший маглор.

Он уже взвесил все трудности этой операции и для себя честно признал чернокнижников очень сильными врагами. Не имея особых магических способностей, они умудрились уже во второй раз построить мощное тайное государство под носом у магов плато. И почти прибрали к рукам трон Зантании, оставалось совсем немного. Даже теперь они вполне могут нанести королеве смертельный удар, достаточно объявить банкротами гномьи банки и пустить слух, будто это вина королевы, растратившей казну. Враз потерявший все свои сбережения и не знающий правды народ поверит любому бреду.

А вот у плато нет пока достойного ответа на заготовленные

чернокнижниками гадости. Разумеется, маги могли бы запустить мощное усыпляющее заклинание, но лишь при условии, что в подземных ходах не осталось гномов и рабов.

Никто не станет жалеть, если, уснув, обварится один из черных алхимиков, готовящих жидкий огонь. Но никогда ни один магистр не решится рисковать и без того натерпевшимися горя пленниками. Каждый догадывается, как мало заботит чернокнижников безопасность загнанных ими в шахты рабов. И достаточно молота, неудачно упавшего из рук уснувшего шахтера, и спасателям придется доставать из сорвавшихся клеток и из-под рухнувших перекрытий десятки искалеченных и погибших рудокопов.

Годренса и тайного королевского советника Иридос нашел в собственном саду, на скамейке у пруда. Вместе с ними обнаружили и Мильда с Орисьей, а неподалеку Анэри о чем-то тихо беседовала с Гилли.

– Ир! – сорвалась с места ведьмочка, едва он вышел из портала, как обычно, сразу ощутив мужа каким-то непостижимым чувством. – Все плохо?

Последние слова она шепнула едва слышно, когда руки дракона сомкнулись на ее талии железным захватом.

– Скорее неожиданно, – выкрутился он, не желая признаваться в полном бессилии перед подлостью чернокнижников. – А вы чем тут занимаетесь?

– Бабушка учит Рада самым простым целительным и защитным ведьминским заклинаниям, матушка ждет отца, он собирался посмотреть на белого зверя. А мы с Гилли подсчитывали, сколько народа может быть в гномьих пещерах. Ну, ты понимаешь, о ком я.

– Конечно. – Коснувшись губ жены легким поцелуем, дракон нехотя отстранился и повел ее к гостям.

Попутно пытаясь придумать, как объяснить им резкую смену своих планов. Выручила Мильда, исподтишка следившая за вожаком.

– Неужели у вас на плато не осталось опытных магистров? – дерзко фыркнула она, едва он подошел ближе. – Даже мне понятно, что нельзя вести в лапы к чернокнижникам этого зеленого ведьмака. Он ведь перед ними бессилен, у них разные понятия о честности. А у черных еще и премерзкие ловушки.

– Зато способности к магии очень мало, – огрызнулся Иридос, желая раззадорить старую ведьму.

– Не скажи, – прищурилась Мильда. – Рад нам поведал про

оставшиеся под горами сильные источники. Даже в его горном замке такой есть. Годренс там свободно пополняет свой резерв. Кстати, нас туда пригласили. Оказывается, когда-то, сразу после великого Разлома, этот замок гномы строили для эльвов, те сами нашли место с источником и спрятали в подвалах цветов жизни.

– Это сказки, – еще небрежно бормотал Иридос, однако уже отчетливо припомнил историю про уходящего в долину Эмаельгейл эльва, рассказанную одной из сестер Тишины.

Вполне возможно, именно в этот замок он и шел тогда своими зелеными тропами, которые прокладывал с помощью старинных знаний, почерпнутых у звездного племени древней. Не тех, полудиких, которые живут в его собственном пруду и в речке Горянке, а их старших братьев по разуму, верных спутников дивного народа.

– Не совсем, – вздохнула Мильда и деловито осведомилась: – Ну так мы идем к ним в гости или тебе некогда?

– Идем, если нас и в самом деле приглашали, – неохотно пробурчал дракон, уловившись о насмешливый взгляд ведьмака, и сразу же рассердился.

Легко ему посмеиваться, когда вокруг только лишенные чудесных способностей воины да бывшие бесприданницы, не имеющие привычки учить наставников и магистров, с благоговением относящиеся к любым проявлениям магии. А тут на каждом шагу критики и советчики, и у каждой ведьмы и каждого оборотня свое мнение о том, как должен вести себя настоящий маг.

– Разумеется, приглашали, – поспешил примирить всех дроу. – Тем более там сейчас находится королева, и ей будет очень интересно узнать о ваших намерениях.

– Наши планы еще обсуждают магистры плато, – нехотя пояснил Иридос. – И мне тоже нужно туда, но полчаса, чтобы сходить в Элайн, я найду.

– Только Таилоса подожди, – заволновалась Орисья. – Он обещал быстро вернуться.

– Вас отведет Годренс, – решил магистр, недавно по решению совета плато выдавший королевскому магу браслет переноса, – а я подожду медведя.

– Я с тобой, – кротко сообщила мужу Анэри, и никто не подумал ее уговаривать, точно зная, насколько это бесполезное занятие.

Намерения, высказанные таким ангельским голоском, всегда были у нее непоколебимыми.

Таилос появился в саду через четверть часа, и за это время Иридос успел посвятить жену в самые главные, печальные новости и сообщить ей о решении оставить Годренса и ведьмака в замке.

– Там придется продвигаться под мощными щитами, – мрачно вздыхая, пояснил он, – поэтому пойдут только самые сильные магистры, прихватив на крайний случай побольше накопителей. Но даже я пока не могу представить, как мы спасем всех пленников, ведь их наверняка держат в дальних, неустроенных и ненадежных пещерах или шахтах. Где достаточно толчка или банки жидкого огня, чтобы обрушить своды и превратить спасательную операцию в похоронную.

– Ир... но ты ведь придумаешь, как их увести? – с непоколебимой уверенностью заглядывала ему в глаза ведьмочка, и дракон впервые прятал взгляд.

Не видел он пока ни одного способа, как можно это сделать. Лангорис прав, чернокнижники наверняка закрыли защитными амулетами, ловушками и зельями все входы, даже самые узкие, через которые лишь крыса прошмыгнет. Не стоит и пытаться снимать эту защиту, черные мастера, поднаторевшие в плетении хотя и слабых, зато самых подлых охранок, будут знать о незваных гостях в тот же миг. И первым делом уничтожат следы своих преступлений, а это свободные жители четырех или даже пяти государств, обманом взятые в рабство.

Можно даже не сомневаться, кого после будут обвинять в их гибели безутешные родичи. Да и не в обвинениях дело – как самому-то после жить, когда каждый миг будет грызть душу память о собственной ошибке, стоившей несчастным пленникам жизни?

Нет, спешить сейчас никак нельзя. Хотя времени и мало, нужно искать более безопасные пути спасения, тщательно обдумывать все, даже самые авантюрные и невероятные планы и замыслы в поисках верного и безопасного.

– А где гости? – пробасил появившийся из-за густо разросшихся кустов Таилос.

– И наши ведьмы? – пронизательно уставился на вожака выступивший из-за его широкой спины Кахорис.

– Увели, – мстительно припугнул друзей дракон. – Гости только поманили – и улетели ваши ведьмы с молодыми красавцами.

– А вы? – прищурился старый волк.

– Вас ждем. Вы же захотите ринуться в погоню и страшно отмстить? – кротко поинтересовалась Анэри.

– А ты желала бы на это посмотреть? – ехидно прищурился Ках. – И за кого будешь болеть, за меня или за бабу?

– За нее, конечно, – и не моргнув, уверенно сообщила ведьмочка. – Не стоит беспокоиться за мужчин, которые, заманивая бедных ведьм в ярмо, нежно величают их птичками и рыбками, а надев брачный браслет, начинают обзывать старухами. Или, как ты сейчас, бабками.

– Я не это имел в виду!.. – возмутился Кахорис, но договорить ему Иридос не дал.

Стиснул всех воздушной лианой и утащил в распахнувшийся портал.

Двор серого, строгого и вместе с тем внушающего почтение замка был пуст, но дежуривший у крыльца королевский егерь тотчас заметил пришедших и приветливо махнул рукой, указывая на крыльцо.

Вовсе не по этикету, но дракон понимающе усмехнулся и направился к ступеням. Ее величество взяла с собой в Элайн только капитана Майзена с четверкой самых преданных и молчаливых воинов, и теперь они поочередно выполняли обязанности дворецкого. Как умели и как считали необходимым.

Все общество знатных беглецов нашлось в просторной столовой, но не за центральным столом, а на диванчиках у окна. И первым делом бросалась в глаза странная разномастность их одеяний. Королева и ее камеристка были хотя и в неброских, но традиционно длинных платьях из вышитого льна, а вот фрейлины, как одна, щеголяли серыми костюмами из длинных, по щиколотку, штанов, доходящих до колен туник и серых же косыночек, повязанных по-пиратски. Причем по тому, как спокойно и непринужденно они устроились вокруг королевы, можно было догадаться, что такой наряд юные красавицы надели не впервые. А судя по каменному лицу советника и его угрюмому взгляду, обсуждали они нечто важное и, похоже, весьма неприятное.

– Добрый день, – вежливо склонил голову дракон и без предисловий уставился на Годренса. – Мне кажется или у вас какая-то беда?

– Тэрлина пропала, – виновато глянула на него тихоня. – Или прячется от нас. Несколько раз мы видели, как она перебегает двор или поднимается по лестнице на стену, но догнать никому не удалось.

– Она вчера запела, – глухо произнесла отвернувшись к окну Бетрисса. – Почти сразу, как мы сюда пришли. Ушла в садик и запела... а пока мы туда добрались, исчезла.

– А что именно она пела? – задумчиво осведомилась Анэри, искоса глянув на мужа.

– Да простенькую песенку, деревенские девушки часто ее поют, когда по малину ходят, – снова хмуро поморщилась Фанья, судя по всему, считавшая себя виноватой в пропаже маркизы Ульгер.

– А она не снимала амулет, который я выдал? – прикрыв пожелтевшие глаза, прислушивался к чему-то Иридос. – Я его не нахожу.

– Все амулеты были, когда мы пришли, – подтвердила тихоня, и он кивнул, точно зная – она ошибиться не может.

Воспитанницы Тмирны упорно тренируют наблюдательность, и она у них не слабеет с годами, особенно если жизнь не балует спокойствием и бездельем.

– Ворота у вас заперты? – продолжил допрос дракон.

– Да, – уверенно ответил Годренс. – Там стоит моя защита, мы бы все сразу услышали, если бы ее кто-то попытался снять.

– Потайных ходов нет? – осведомился Иридос просто для порядка.

– Есть, – угрюмо буркнул герцог Шаглайн. – Но там пройти невозможно – замок принадлежал раньше эльфам, они оставили свои запоры.

– Да разве удержат сирену эльфийские замки? – так и ахнула Мильда, даже руками всплеснула. – Они же по духу родня!

– Еще там живут, – мрачней, процедил разбойник, – несколько древней. Слабые и немые, но пройти через проход не дадут никому. Я с ними сумел не подружиться, но сговориться, и они даже пускали нас в свой лабиринт проверить умения.

– Можно на них посмотреть? – поинтересовался дракон, и ведьмак раздраженно дернул плечами:

– Да пожалуйста, если считаешь это необходимым.

В подвал отправились всей компанией, остаться в стороне не желали даже непривычно молчаливые оборотни. А добравшись до странного сооружения, переплетением сухих лиан толщиной с руку молотобойца и множеством отверстий похожего на невероятно огромный трухлявый пенек, гости несколько минут бродили вокруг, пытаясь понять, как могла вырасти на каменных плитах такая махина и где тут вход, о котором говорил Шаглайн.

– Рад, – первой засомневалась Фанья, – ты ничего не замечаешь?

– Трудно не заметить, – сквозь зубы проскрежетал он, сверкнув желтоватым звериным глазом. – Лабиринт мертв.

– Я как раз хотела это сказать, – подтвердила Мильда и оглянулась почему-то на Анэри: – А ты никого здесь не чувствуешь?

– Нет, – хмуро качнула кудрявой головкой хозяйка дома ди Тинерд. – Мое колечко тоже молчит. Древни ушли и даже стража не оставили. Теперь это просто куча сухих палок.

– Но, может, где-то под лабиринтом остался проход? – неуверенно предположила Бетрисса. – Не могли же они уйти сквозь камень?

– Вот именно им это и под силу, – нехотя просветил женщин дракон. – Древни умеют открывать подземные пути там, где есть магия и корни растений. Разумеется, они могут передвигаться и обычным путем, но недалеко, магии у них маловато. А переходя грани миров, сначала долго копят ее в своем цветке. И теперь никто не сможет сказать, были ли у них в цветке запасы энергии и есть ли в скальных породах под Элайном какие-то растения, хотя бы самые простые, мхи и ползуника.

– Я могу, – хмуро буркнул Дирард, не испытывавший никакого желания сидеть здесь и объяснять всем уже ставшую для него ясной истину. – Цветок у них был совсем слабый, я нарочно переходил в кокон, чтобы передать им энергию. Оказывается, магия из источника для них слишком насыщена. А корней маловато, хотя они старательно растили мох. Но цветок почему-то стал болеть, и они все неохотнее появлялись на поверхности. Сидели в нем по очереди, отдавая собственную энергию, и их становилось все меньше.

– Значит, – потрясенно распахнула черные глазищи Кати, – они взяли Тэри в плен? Чтобы ею питаться?

– Нет, – уверенно мотнула кудрявой головой Анэри. – в плен они никого никогда не берут. Они вообще не могут ничем навредить людям, это у них основной закон.

– Но если они ей пожаловались... или попросили... – задумалась Бетрисса.

– Просить и жаловаться они тоже не должны, – твердо отвела подозрение Мильда. – Но вот если бы она сама предложила, то древни ради своего цветка наверняка бы согласились.

– А она могла, – скрипнул зубами разбойник и, резко отвернувшись, стремительно ринулся прочь.

– Я сам! – властно остановил бросившуюся вслед за ним Фанью дракон и мягче добавил, глядя на побледневшую королеву: – Поверьте, ваше величество, так будет лучше.

Бросил быстрый взгляд совершенно спокойной на вид жене и мгновенно исчез.

– Можно отсюда уходить, – негромко предложила Мильда. – Бесполезно звать древней, раз они закрыли проход.

– Но как же Тэри? – Девушки в странных серых одеяниях смотрели на старую ведьму с одинаковым возмущением.

– Возможно, они уже очень далеко, с помощью своей силы ушли по корням трав и мхов, – мягко, как больным, улыбалась старая колдунья. – Даже мы, ведьмы, ничего здесь не ощущаем, а магам и подавно не дано чувствовать такие слабые следы.

– Значит, ты советуешь про нее забыть? – горько кривя губы, спросила гостью Олифания.

– Почему забыть? – снова уверенно вмешалась жена дракона. – Наоборот. Ничего с ней не случится, древни – лучшие целители из всех магических существ, и не только тела, но и души. А Тэри однажды вернется, но когда – точно не скажет вам никто из магов, даже магистры плато.

Назад, в гостиную, разномастная толпа обитателей и гостей замка возвращалась в угрюмом молчании. Несмотря на жизнерадостное обещание Анэри, ни у кого из кадеток пока не получалось радоваться предстоящему возвращению названной сестры, которую нужно ждать несколько дней... а может, и лет.

Встретившиеся им на лестнице принцы мгновенно догадались по печальному лицу ее величества о новом несчастье, но при всех ничего спрашивать не стали. Молча подхватив королеву под руки, сыновья бережно повели ее в сторону королевских покоев, не обращая внимания на гостей, которых Фанья сообразительно передоверила кадеткам.

– А где... этот... – оказавшись в будуаре, негромко осведомился у камеристки наследник, и Зантария мгновенно вскинулась как ужаленная:

– Альред, вы не имеете права говорить о моем советнике таким пренебрежительным тоном!

– Он говорит не про советника, а про нашего брата, – непокорно буркнул упрямый Бэрден. – Разве он не должен быть рядом с тобой, когда тебе плохо?

– Ему сейчас еще хуже, – растерянно пролепетала Зантария, начиная осознавать, что именно сказал ей младший сын.

– А что с ним случилось? – по-взрослому нахмурился наследник.

– Пропала одна из кадеток, – сухо сообщила Фанья, посылая подруге предупреждающий взгляд, – а он считается их наставником.

– Отсюда? – изумленно вытаращился Бэрден. – Но это невозможно!

– Почему же, – мрачней, взгляделся в лицо матери Альред. – Выход найти нетрудно... например, прыгнуть со стены.

– Никуда она не прыгала, – поспешила опровергнуть эту версию тихоня, заметив, как стремительно белеет и без того бледное лицо королевы. – Просто ушла к древням. Как выяснилось, им понадобилась ее помощь.

– Это еще кто? – мигом уцепился за намек на тайну младший принц.

– Жили здесь такие издавна. То ли слуги эльвов, то ли друзья. Но сейчас их убежище пусто, – разом оборвала камеристка все предположения юных высочеств. – И нам остается только ждать. А вашей матери нужно отдохнуть.

Принцы намек поняли, но уходили очень недовольные, хотя и спорить с Фаньей, имевшей над королевой несомненную власть, так и не осмелились.

Глава десятая, в которой Тэрлина делает неожиданные открытия и принимает важные решения

– А-ах, – сладко зевнула Тэри, прикрыла ладошкой рот и приподнялась на мягкой постели. – Ох, светлые силы! Я тут уснула? Сколько времени прошло?

– Не очень много. – Сидевший рядом полупрозрачный зеленоватый человечек смотрел мудрым взором двухсотлетнего доброго дедушки. – Тебе нужно искупаться, здесь есть горячие источники. Мы приготовили чистую одежду и завтрак.

– Купаться? – Маркиза смотрела на древня с изумлением, но в ее голосе слышалась тревога. – Я вам благодарна, конечно, но сейчас мне нужно идти. Сестры волнуются и ее величество тоже.

– Уже не волнуются, – чуть виновато вздохнуло немислимое существо. – Мы подали весточку ведьме, она носит на груди знак наших родичей.

– Какая ведьма, какие родичи? Ты не понимаешь, они же от беспокойства могут придумать всякие страсти!..

– Мы все тебе покажем, но немного позже. Сначала нужно искупаться, вода в озерце напоена силой, – упрямо гнул свое древень. – Потом поешь и споешь, здесь чужие не слышат. Мы ушли поглубже, чтобы защитить цветок от зла.

– Как это «ушли»? – Губы Тэрлины дрогнули от обиды. – А я? Я же вам поверила... помогла...

– Мы тоже тебе поверили... – Шелестящий голосок древня стал шепотом сухих листьев на осеннем ветру. – Ты сказала, что можешь с нами пожить, помочь цветку. А потом мы поможем тебе – когда цветок здоровый, он многое может...

– Но я же объяснила, не нужно никакой помощи! – Девушка едва сдерживалась, чтобы не заплакать. – Мне и так неплохо, у меня теперь сестры, Сюзи, родители...

– Если ты так хочешь вернуться, – древень сник, даже прозрачнее стал, – мы отнесем тебя назад, но сначала спой, иначе не сможем. Все силы истратили – несли сюда цветок.

– Ладно, – сжала губы кадетка, не собираясь поддаваться жалости, –

веди меня к вашему озеру.

«Довольно смело назвать озером неглубокую, чуть выше колена, лужицу», – сердито сопела маркиза Дарве Ульгер, осторожно ступая в темную и теплую воду. Да и не бывает озер размером с гостиную, окруженных гладко вылизанными водой стенами пещерки и низко нависающим сводом.

Чтобы не стукнуться об него, Тэри держала над головой руку и продвигалась вперед очень медленно и очень осторожно, бдительно прощупывая ногой каждый камушек на дне.

Впрочем, камней, вернее, обкатанных гольшей здесь было немного, как и светящегося мха, свисавшего с выступов редкими кустиками. Скучное, неприятное место, куда в другой ситуации Тэри никогда бы не полезла. А сюда шла, бросив на камень костюм кадетки, обильно выпачканный подсохшим соком каких-то растений.

Двигалась до тех пор, пока не поняла, что скоро дойдет до противоположной стены, но глубже местечка так и не найдет. Тогда она осторожно опустилась в теплую воду и невольно выдохнула, ощущение оказалось невероятным. Словно вернулась в раннее детство и мать обнимает ее ласковыми, добрыми руками, поддерживая неназойливо и бережно. Некоторое время девушка просто сидела, наслаждаясь этим теплом, но постепенно, по мере того как успокаивалась, начинала понимать, как непрост поступок древней.

Оттирая с волос и щек подсохшие потеки неизвестно откуда взявшегося сока, Тэри хладнокровно обдумывала слова дивного существа и все яснее осознавала не замеченную ею спросонья тонкость. Древень был рядом с ней один, ни его собратьев, ни цветка она поблизости не заметила. Но зато очень хорошо рассмотрела, хотя и не придала сразу значения, насколько более призрачным и хрупким он стал.

Значит, путь сюда действительно оказался очень трудным для маленьких существ, преданных своему цветку и заветам давно ушедших эльфов. И можно не сомневаться, причины, вынудившие их к такому поступку, были весьма серьезны и обоснованны.

Но тогда получается, что и Тэри показала себя далеко не с лучшей стороны. Не выслушала доводов маленького существа, не взвесила причин, заставивших их пойти на обман. Хотя и этого пока тоже нельзя утверждать с полной уверенностью.

Как говорит Бет, чтобы разобраться, кто из двоих прав, нужно выслушать обоих и еще кого-нибудь незаинтересованного.

Едва осознав все это, кадетка заторопилась. В последний раз промыла волосы и решительно покинула ласковую купель.

На валуне ее ждали льняное полотенце и чистый серый костюм, рядом стояли мягкие бархатные ботиночки.

А едва девушка оделась и замотала волосы тканью, из прохода вынырнул древень и, сделав знак, молча направился прочь. Минут пять они шли по промытым водой тоннелям, уже начинавшим затягиваться робкой паутиной мха, и Тэри напрасно попыталась вызвать древня на разговор. Он упорно молчал, пока они не вышли в просторную пещеру, бледно освещенную жидкими полянками невзрачных белых цветочков.

– Еда, – коротко сообщил древень, на миг остановившись возле камня, и исчез в цветущей шапке растений.

– Я не буду есть, пока вы со мной не поговорите, – коротко произнесла кадетка, старательно пряча накотившую волной обиду.

– Сначала еда, – через несколько нестерпимо долгих мгновений прошелестел древень, высунув из травы голову.

– Хорошо, – согласилась она, садясь в мох, и поспешно пододвинула к себе деревянные мисочки.

Есть хотелось так, словно Тэри не ела по меньшей мере два дня, хотя сказать с уверенностью, сколько проспала, она не смогла бы.

Но через десять минут, буквально проглотив и черствую лепешку, и холодное мясо, и ягоды, девушка вернулась к неоконченному разговору с новыми силами. Но теперь она больше ничего не требовала, внезапно заподозрив, как неверно могут понять ее настойчивость древни.

– Спасибо, – произнесла Тэри с искренней благодарностью. – И выслушайте меня, пожалуйста. Недавно меня украл морской оборотень, огромный и жуткий, и отнес чернокнижникам. Они издевались надо мной и собирались пытать, это было очень страшно.

Маркиза всхлипнула, припомнив тот ужас, и пару минут сидела, стараясь забыть подсунутые памятью жуткие картины и понемногу успокаиваясь.

– Поэтому я очень расстроилась, снова оказавшись далеко от друзей, и даже испугалась, хотя не так сильно, как в тот раз. Вы сразу показались мне добрыми существами, и хотелось бы верить, что у вас не было другого выхода. Поэтому я прошу объяснить мне все, что сможете, не открывая ваших тайн. Жестокой и неблагодарной я никогда не была... и не хочу. Но ведь это справедливо – знать, зачем я вам?

– Цветок зовет тебя... – Появившийся из мха древень выглядел печальным и огорченным.

– Веди.

Идти пришлось недалеко, цветок покоился шагах в десяти в густо заросшей мхом выемке. Только его листья лежали теперь вялыми крыльями больной птицы, а вокруг стайкой нахохлившихся птенцов сидели древни. И было их намного меньше, чем помнилось Тэри.

В центре цветка на этот раз сидело сразу трое дивных существ, и только один смотрел на девушку печальными глазами.

– Ты права... мы должны тебе все рассказать... – медленно, с усилием прошептал он и утомленно прикрыл глаза, собираясь с силами.

– Подожди! – само сорвалось с губ девушки предложение, которого еще десять минут назад она делать не собиралась. – Сначала я тебе спою, мне кажется, сейчас тебе это нужнее, чем мне – твои объяснения.

«В конце концов, – подумалось Тэри, пока она устраивалась на поросшем мхом камне, – теперь несколько минут не имеют уже никакого значения».

Поэтому и песню она выбрала недлинную, одну из праздничных, шуточных, тех, которыми поднимают гостям настроение приглашенные затейники. И она тоже старалась добавить немного света и тепла этим скорбно скукожившимся возле поникшего цветка существам с полузакрытыми, тусклыми глазками.

А допев и осознав сердцем, насколько мал оказался ее дар, не сумевший даже поднять с места отважных малышей, завела новую, тревожную и возвышенную балладу о воинах, пронесших любовь к родине и веру через годы скитаний и тягот. И, как обычно, проникновенно выводя простые, но суровые и искренние строфы, отдалась пению всей душой, срослась сердцем с бедами и болью древних героев, искренне переживала за исход боя и радовалась победе.

Катившиеся по щекам слезы Тэри заметила, только завершив последний куплет, а потом почувствовала, как их бережно стирают мягким, как пух, мхом маленькие лапки древней. Смущенно улыбаясь, девушка огляделась, и на душе вдруг стало светло, словно солнышко выглянуло.

Все зеленые малыши сидели теперь вокруг нее, прильнув к ногам и рукам, поглаживая плечи и стиснувшие край туники пальцы.

– Извини, – прошептал древень, бывший чуть крупнее других, – мы тебя неправильно поняли... но теперь сможем исправить свою ошибку.

«Да куда вам что-то исправлять, – горько хмыкнула про себя сирена. – Сами еле живые, а туда же, стараются сдержать слово».

– Это вы меня простите, – с искренним огорчением выдохнула,

осторожно коснувшись маленькой ручки. – Я тоже еще не во всем разобралась и никуда не уйду, пока вы мне не объясните, зачем мы сбежали от моих друзей.

– Не от них, – шире распахнулись прозрачные зеленые глазки. – Мы давно нашли место, где цветок сможет вернуть силу. Но нам не хватало энергии, легкой, которой владели только эльвы. У тебя тоже такая, и потому, когда ты спела, мы решились перейти. Нельзя было терять время, на старом месте цветку становилось хуже с каждым днем, а нас – все меньше.

– Да вас и вправду стало совсем мало... – задумалась Тэрлина. – Или остальные в другом месте?

– Мы все здесь, – помолчав, выдавил древень, и было видно, что это признание далось ему нелегко.

– Как – все? – не поверилось сирене, да и удрученное личико прятавшего взгляд древня показалось ей подозрительным. – Я же помню, какой кучкой вы сидели в прошлый раз! Так где остальные?

Страшная догадка пронзила острой болью, отозвалась в душе тяжелым ощущением невольной вины.

– Они погибли? Говори честно, они... из-за меня?

– Нет! – отчего-то испугавшись, разом загомонили древни. – Не из-за тебя. Дорога была трудна, они ушли к матери.

– К какой еще... матери? – Тэри совершенно запуталась.

– К нашей. Цветок жизни – наша мать. И когда ей плохо, мы можем вернуться, отдать свои силы.

– А потом? – еще не веря услышанному, охнула кадетка.

– Когда цветок будет здоров, он вырастит новые бутоны.

– А те, которые уже были... они вернутся?

– Ну да, вырастут в бутонах. Не совсем те же, но память у нас общая.

Некоторое время Тэрлина размышляла, плохо это или хорошо, и все яснее понимала, насколько они разные. А потом из соседней шапки мха вылез старший древень и осторожно потянул ее за палец:

– Идем, цветок хочет показать тебе твоих друзей.

– Как «показать»? – недоверчиво нахмурившись, переспросила она. – Вы же не маги?

– Немного маги, – раздался в ушах Тэри утомленный, но чистый голос, совершенно не похожий на шепот древней. – Но не такие, как твой друг Годренс и оборотень с плато магов. Они большими кружками черпают более тяжелую, горячую силу источников, а мы пьем только ту, которую уже впитали в себя вода, растения, магические существа и люди с таким

даром, как у тебя. Или у ведьм, так зовутся в вашем мире травознаи.

– Цветок, а разговаривать тебе не вредно? – забеспокоилась сирена, оглядывая немного приподнявшиеся листья гигантской розетки.

– Я не буду много, – в голосе матери древней явно слышалась улыбка, – только объясню. Мы оставили в том парке одного древня, на всякий случай. Чтобы кто-то мог вернуться, унести тебя и мое сердце, если здесь станет плохо кому-то из нас. Пещеры – опасная вещь, здесь может произойти любая непредвиденная случайность, а разведчики только посадили тут мох и сразу вернулись.

Цветок жизни ненадолго смолк, словно ожидая вопросов, но Тэри пока все было ясно.

– Твои друзья тебя искали, древень передал мне все, замеченное им. Если ты возьмешься за мой лист, то мысленно увидишь картинку и услышишь их разговоры.

– Если я не сделаю тебе больно, – опасливо шагнула ближе Тэрлина.

– Нет, больно мне не будет, в тебе нет жара сырой магии, но есть другая тонкость. После этого я буду знать все, произошедшее с тобой за последние дни. О том, как ты жила раньше, мы знали еще в те дни, когда выпускали тебя из старого дома. Оборотень, или теперь уже ведьмак, не догадывался, как сильно ты боялась темноты, а мы почуяли сразу, потому и вывели тебя из лабиринта. А когда ты касалась свежих мембран, обнаружили твой дар и заглянули в твое прошлое.

– Понятно, – слегка ошеломленно выдавила Тэрлина, не зная, ругаться на цветок за подобную фамильярность или уже поздно?

– Ты на нас за это не обижайся, мы никогда никому о тебе ничего не расскажем, но тогда не могли не проверить, можно ли тебе доверять и нужно ли помогать.

– Спасибо, – обдумав эти слова, увереннее поблагодарила сирена, припомнив, как много сил и телесных и духовных сберегла ей забота древней, – но я теперь припоминаю, сколько раз вам нужно было открыть дверки и оконца, разве на это не уходили ваши силы?

– Нет, открывал Годренс. Мы договорились через оборотня, он вливал в старинный дом свою силу, а мы ею только управляли. Немного горячо, но другого способа получить дополнительную энергию не было. Ну, будешь смотреть?

– Да, – решила девушка и прижала ладошку к листу.

В тот же миг пещера закрутилась и исчезла, а Тэри оказалась в знакомом подвале замка Элайн, причем сидела где-то на стене, выше толпы, изучавшей безжизненный лабиринт. Старинное жилище древней,

как она знала теперь совершенно точно.

Среди бродивших по залу женщин серыми пятнами выделялись косынки ее сестер, посверкивала сделанная в виде узкой диадемы повседневная корона Зантарии. А чуть в стороне виднелась тонкая и гибкая мужская фигура в неизменном темно-зеленом полувоенном костюме, и едва рассмотрев стянутые в хвост русые волосы, Тэри уже больше не могла отвести от него взора.

Хоть и смотрела глазами древня на всех сразу, но невольно замечала каждое движение разбойника, видела стиснутые губы, горечь в мрачном взгляде и нежелание разговаривать с друзьями о ней.

В какой-то миг златокудрая хозяйка Зеленодола вдруг оглянулась и пристально уставилась прямо Тэри в глаза. Девушка испуганно отпрянула, позабыв, что наблюдает уже произошедшие события и Анэри смотрит вовсе не на нее.

– Не бойся, – тотчас успокоил ее прозвучавший в ушах голоса цветка, – ведьма никого не видит. Дикие сородичи дали ей кусочек корня, который греется, если рядом есть кто-то из нашего племени. Смотри, древень сделал ей знак и неслышно для других сказал несколько слов, сейчас она их повторит вслух. Ведьмы никогда не предают малые расы, и мы всегда им помогаем. Как и оборотням и русалкам. И таким, как ты.

– Спасибо, – шепнула Тэрлина, начиная понимать, что это не она снизошла до помощи детям цветка, а он впустил ее в тесный круг доверенных существ и позволил делиться своей силой.

– Ничего с ней не случится, древни – лучшие целители из всех магических существ, и не только тела, но и души. А Тэри однажды вернется... – уверенно обещала златовласая Анэри, но Тэрлина слушала ее вполуха, не испытывая ни интереса, ни благодарности.

Больше всего ей хотелось, чтобы древень покинул свой тайный уголок и побежал вслед за ушедшим разбойником, сердито бросившим напоследок совершенно справедливые, но от этого не менее обидные слова.

Да, она не может не помочь тем, кому эта помощь жизненно необходима, но разве он сам не такой же? Или ей не положено совершать тех поступков, какие дозволены ему? Только потому, что она девушка? Ведь других различий между ними нет.

Он оборотень, и она, как выяснилось, не совсем чистокровный человек, хотя и сама до сих пор не до конца в это верит. Все остальное просто не имеет в этом случае значения. Люди всегда делились на тех, кто не пройдет мимо чужого горя, и тех, кто его даже не заметит, и Тэри относится к первым. Всегда была такой, потому и бросила когда-то

последнюю монетку оборванцу с наглым взглядом, не понаслышке зная, как трудно просить тем, у кого в душе еще живы уважение к себе и несломленная гордость.

И это ее тайна, горькая и неприятная, как лекарство от наивных заблуждений.

Тэрлине тогда было всего шестнадцать, а малышке Сюзи исполнилось восемь, и целитель, к которому возили калеку, мрачно сообщил, что срок, пока еще можно ей помочь, уже истекает. Кости становятся крепче, и остается все меньше надежд, что операция пройдет успешно. Нужно искать опытного хирурга и дорогие контрабандные зелья, сам он рисковать не может.

Отец, подхватив Сюзи, ушел из кабинета первым, ему нечего было ответить на это предложение. Они уже выясняли, сколько будут стоить операция и зелья у самого надежного лекаря, и отступились, не набрав и десятой части суммы.

Тэрлина сидела у стола и ждала, пока хозяин кабинета допишет рецепт, и вдруг заметила, каким странным взглядом он изучает декольте ее летнего платья.

– Если вам жаль сестру, леди... – поглядывая на дверь, произнес лекарь многозначительно, – я мог бы помочь... но это должно остаться в тайне. Я даже от этих слов откажусь, если вы попытаетесь меня выдать... но если сделка состоится, передам вам половину стоимости операции.

– Какая сделка? – не веря в свое счастье, недоуменно пролепетала юная леди, заранее согласная на все.

Ей почему-то казалось, что лекарь попросит почку или кровь для богатого пациента, и Тэри была готова на эту жертву.

– Я буду ждать вас завтра в крытой коляске... на площади, возле чайной. Молча сядете в коляску и тогда узнаете мое условие. Но никому ни слова... иначе договор не в силе. – Он резко смолк и продолжил любезным, усталым тоном лекаря, в сотый раз поясняющего бестолковым пациентам простую инструкцию: – А вот эту мазь нужно втирать три раза в день и оборачивать теплой повязкой, она не дает крови застояться.

– Спасибо. – Вернулся отнесший Сюзи в коляску отец, забрал бумажки и положил на стол тощий конверт с гонораром. – Прощайте, Джессон.

В тот раз Тэри впервые в жизни пришлось обмануть родителей, придумав убедительную, на ее взгляд, причину – подружку, которая обещала принести новый рисунок кружева.

– Почему бы ей не прийти к нам? – волновалась приболевшая

маменька, многозначительно поглядывая на ухаживающую за нею Бетриссу.

Но гувернантка упорно делала вид, будто ничего не понимает, и маменьке пришлось отступить, Бет и так три дня недосыпала, совестно за такую мизерную оплату требовать от нее слишком многого.

Поэтому на второй вечер, надев самое скромное платьице и предусмотрительно спрятав в сумочке вуаль, Тэрлина покинула родной замок и неторопливо пошла в сторону города. Всего-то с пол-лиги, до речушки, являющейся границей их владений. А сразу за ней тянутся торговые ряды, вливающиеся в центральную площадь.

Коляска без гербов, но с наглухо завешанными оконцами встретила опустившей вуаль девушке в первом же проулке, и едва Тэри с ней поравнялась, из еле заметной щели приоткрытой дверцы раздалась команда:

– Залезай, быстро.

Девушка растерянно оглянулась, потом сообразила, что, кроме нее, никого поблизости нет, и бросилась к коляске. Торопливо, оступаясь от волнения, шагнула на ступеньку лесенки и вмиг оказалась внутри, посаженная чьей-то твердой рукой. Она и охнуть не успела, как ее притиснули в самый угол диванчика, и коляска тронулась с места.

И только тогда один из сидящих на противоположном сиденье мужчин в темных полумасках, тот, что был вдвое солиднее соседа, визгливо возмутился:

– А вы кто такой?! И по какому праву врываетесь в мою коляску?!

– Скоро узнаешь, – мрачно пообещал сидящий рядом с Тэри человек. – И за все заплатишь.

Потом обернулся к Тэрлине и мягче добавил:

– Сейчас мы его высадим, и я все вам объясню.

– Да я вообще не знаю и знать не хочу ни вас, ни эту шлюху! – заорал толстяк, явно намереваясь привлечь внимание кучера, но сосед Тэри молниеносно ткнул ему кулаком в бок.

Видимо, довольно ощутимо, толстяк коротко простонал и смолк, с ненавистью рассматривая притаившуюся как мышка маркизу и суровых мужчин, не сводивших с него взгляда.

Больше их недолгая поездка не прерывалась ни одним звуком, и вскоре карета остановилась в каком-то полутемном сеннике или каретном сарае, из распахнутой дверцы духовито пахло сеном и навозом.

Решительные незнакомцы бесцеремонно вытолкали из коляски толстяка, цеплявшегося за все, попадавшееся под руку, и куда-то увели.

– Кучер отвезет вас на то же место, леди, или чуть дальше, – оглянувшись, на прощание пообещал незнакомец. – Учитывая, что вы согласились помочь добровольно, мы не будем составлять никаких документов и не раскроем ваше инкогнито, но впредь будьте осмотрительнее. В Тальзии пока еще встречаются люди, зарабатывающие сводничеством и сутенерством, однако среди них не принято делиться гонорарами с проданными девушками. Даже если бы вас сейчас отвезли в храм Судеб, обещанной суммы вам никто бы не отдал, это всего лишь подлая ловушка для бедных и отчаявшихся дурочек.

Тэрлина была наивной, но не глупой, и прекрасно поняла недосказанное. Джессон продал ее толстяку, и не в жены... а в тайные игрушки, и если бы не внезапная помощь, на головы ее родителей обрушилось бы новое горе. И неизвестно, как пережила бы его и без того хворающая маменька.

В тот момент Тэри всерьез обижалась на гувернантку, впервые спокойно отпустившую ее в город одну, но позже, перейдя мост и заметив сидящую на обочине знакомую фигуру в неизменно темном, почти монашеском платье, вдруг задалась законным вопросом: а откуда незнакомцы могли узнать о назначенной ей встрече? И чем ближе подходила к неспешно жующей сухарик Бетриссе, тем все сильнее подозревала ее в плутовстве.

– Пить хочешь? – беспечно спросила Бет, едва возмущенно сопящая Тэри подошла вплотную. – Я прихватила холодного кваса. Денек сегодня жаркий.

И только тут девушка почувствовала, как сильно пересохло у нее в горле, даже слово сказать не получается. Молча кивнула, схватила протянутую кружку и выпила залпом. А потом плюхнулась на постеленный гувернанткой старенький плед и запоздало разрыдалась.

– Знаешь, – спокойно произнесла Бет, когда воспитанница, утомившись, смолкла и принялась отирать платочком щеки, – сплетни все-таки полезная вещь. Так много неожиданного узнаешь. Говорят, арестовали лекаря Джессона. Он зарабатывал на наивности юных пациенток, предлагал им выгодные сделки и отправлял тому, кто больше заплатит.

– А ты... – Тэри запнулась, недоверчиво глядя в спокойное лицо подруги, – раньше ничего не слышала?

– Ходили слухи, – хмуро вздохнула гувернантка. – Но ведь не пойман – не вор? И попробуй обвини его огульно, он еще и извиняться заставит. Ну, пойдем потихоньку? Вот тебе зеркальце и пудра, приведи себя в порядок.

И лишь много позже, повзрослев и узнав лучше свою компаньонку, Тэри осознала, как права была Бет, не став отговаривать ее от встречи с лекарем. Никому она в тот миг не поверила бы, счастливая сцена, как она приносит деньги на лечение Сюзи, виделась Тэри словно наяву, и любой, посмевавшийся разрушить эту мечту, вмиг стал бы ей худшим врагом...

– Мы знаем, о чем он разговаривал с магом, имеющим дар оборотня, – нежно прозвенел голос цветка, и Тэрлина вынырнула из своих мыслей, недоумевая, с чего это вдруг ей припомнился этот случай?

– Откуда?

– У нас с ним договор о помощи. Мы дали ему старинный амулет, а он приносил вещицы, напоенные силой, и по ночам никого не выпускал во двор. Садик был ночью нашим, древням тяжело все время сидеть в пещере.

– А мне можно послушать, о чем они разговаривали? – робко спросила сирена, ругая себя за это любопытство.

Как ей потом жить, если они заведут разговор о ней?

– Слушай, – помолчав, разрешила мать древней, и где-то рядом тотчас зазвучали мужские голоса.

– Дирард... погоди! – Властный рык дракона, даже смягченный цветком, невозможно было не узнать.

– Жду. Но предупреждаю сразу, не лезь мне в душу, – холодно отозвался разбойник.

– Не буду. Не маленький. Кстати, мы с тобой почти ровесники, я всего на два года старше.

– Очень приятно.

– Не язви, я не собирался тебя поддеть. Просто хотел сказать, что понимаю тебя лучше других, и сам девять лет назад был в таком же положении.

– Иридос! Не начинай! Я ни в каком не положении и все прекрасно осознаю. Лучше возьми с собой, когда пойдешь в шахты.

– С чего ты это выдумал? – возмущенно рыкнул дракон.

– Просчитал. Иного пути у тебя нет... и ни у кого из вас. Нужно попасть туда любым способом. Просочиться по дымоходам или подземным ручьям, прийти с партией рабов или зверей, не важно. Но кто-то из нас обязательно должен быть рядом с пленниками, когда магистры начнут штурмовать главный вход, чтобы помочь, защитить невиновных от гибели.

– Этого я тебе обещать не могу, но, если хочешь, возьму на плато, магистры ждут меня в башне совета. Даю две минуты, предупредить друзей и королеву.

– Достаточно сказать Фанье, – тихо буркнул разбойник, и все стихло.

– Цветок?

– Они ушли, – тихо прошепестел голосок древня. – А тебе нужно поесть и отдохнуть.

– Лучше я сначала еще спою, – оглядела полумрак пещеры Тэрлина. – Вам ведь надо посадить тут много мха?

– Нам не только мох нужен, и тем, кто внизу, – тоже, – едва слышно выдохнул древень, но спорить не стал.

И Тэри пела, потом спала, купалась, ела и снова пела, забывая о времени и обо всех своих прежних желаниях. Отныне у нее осталась только одна цель – помочь цветку вернуть его загадочную силу и поддержать древней, неустанно устраивавших новое безопасное убежище для своей матери.

Глава одиннадцатая, принесшая в замок Элайн необычные новости и перемены

Девушке казалось, что прошел чуть ли не месяц, когда цветок внезапно снова призвал ее к себе.

– Мы ценим твой труд и доверие, – уверенно заявила мать древней, – и настало время открыть еще одну тайну. Древни сказали тебе, почему унесли меня от прямых тоннелей к источнику?

– Да. Тебя отравляла магия чернокнижников, – кивнула девушка.

– Это только одна причина, и не самая главная. Мне нетрудно закрыть себя щитом от любого яда и отклонить любую магию, когда я в полном расцвете. Но все мои усилия уходили на отражение тяжелых эмоций, ты ведь не могла не понять, что я ощущаю горе и радость, боль и гнев все существ вокруг? Поэтому цветы жизни и прячутся в выработках и пещерах, подвалах и катакомбах. Нам нужно быть спокойными и сосредоточенными, чтобы полностью передать все знания новым бутонам. Но на старом месте это было невозможно. Сначала снизу из выработок хлынула, все более нарастая, волна боли и отчаяния, потом оборотень привез шесть девушек с несчастливыми мыслями.

– Мы же не знали...

– Вы не виноваты и он тоже. Он до двенадцати лет считал родителями отца Фаньи и его жену и получил осязаемый удар, узнав правду.

– Но она всегда была рядом!.. – ринулась Тэри на защиту королевы.

– Он ее простил, оправдал и оберегал изо всех сил, не обращая внимания на злые сплетни. Но это было позже, а в восемнадцать ушел на континент, с тайной мыслью найти и убить отца.

– Мать древней, я кое-что знаю, но зачем ты сейчас говоришь о нем? Ты же видела, он не захотел обо мне даже слушать.

– У него было важное дело – проникнуть в гномьи выработки.

– Но Иридос сказал... – Тэри запнулась, сообразив, что если бы у них ничего не получилось, то цветок жизни об этом даже не заикнулся бы. – Ты хочешь сказать, они уже там?

– Да. Им пришлось сдаться в плен. – Серебряный голос цветка звучал поминальным звоном.

– И где они сидят? Цветок? Ты почему смолк? Ты знаешь, как им

помочь? А магистры в курсе, где эти заговорщики? Ох, светлые боги...

Тэри обессиленно опустила на кучу мха и жалобно всхлипнула, чувствуя, как разлетается вдребезги владевшие ею в последние дни спокойствие и безразличие к судьбам подруг и любимого мужчины.

– Прости меня, я временно притупляла твои чувства, чтобы они не отравляли и без того нерадостное существование в этой пещере, – без тени вины заявил цветок. – К тому же это лучшая проверка на подлинность чувств и путь к пониманию своих настоящих желаний. Люди часто путают тягу к душевному теплу или телесное влечение с истинной любовью, а потом обижаются, не найдя в своем избраннике того, о ком мечтали.

– Не нужно о любви... – печально усмехнулась Тэрлина, – она не для меня. Но это сейчас не имеет никакого значения, скажи, чем я могу им помочь?

– Одной тебе не справиться, – тихо сообщил цветок. – Черные алхимики забеспокоились, начали закрывать ловушками и обвалами старые выработки, в которых живут пленники и гномы. Я закончила расчистку ведущих туда тоннелей, но древней мало, а нужно на всем пути расставить приюты, через которые пойдут беглецы. Твои сестры подошли бы, в них нет магии, и они не будут сбивать мои маячки. Но есть одно условие – они сами должны пожелать пойти сюда. Если хранительница приюта будет трястись от страха или сожаления, а хуже того – от ненависти, мне придется тратить больше сил, а их просто нет.

– Давай я тебе спою и пойду к ним, поговорю? – мгновенно приняла решение Тэри. – И не волнуйся, я обязательно вернусь.

– Я в тебе не сомневаюсь. Но подруг проверяй тщательно и не бери ту, в ком не почувствуешь истинного желания. Позже, если удастся привести сюда первых людей, мне станет легче, среди них много оборотней.

– Поняла, – серьезно кивнула Тэри, устраиваясь на привычном месте.

За это время она научилась петь, отрешаясь от всего, и в то же время видеть все происходящее как бы со стороны. Иногда девушке казалось, что это цветок позволяет ей на мгновение взглянуть его глазами, но чаще верилось в собственное возросшее мастерство сирены. Ведь никогда раньше она не пела так много и с подобным самозабвением, вкладывая в голос всю душу и забывая о времени.

Тэри и в этот раз не помнила, сколько баллад перепела, очнулась, лишь когда прохладная лапка древня втиснула ей в руку кружечку с ягодным соком. А едва девушка проглотила густой кисло-сладкий напиток, зеленый мох поднялся волной, спеленал ее, как младенца, и потащил куда-то все быстрее и быстрее.

Но сирена этого уже не чувствовала, она спала сладко, как воин, сдавший свой пост.

А вот Бетриссе в эту ночь не спалось. Вечером приходил Годренс, принес письма от мужчин и новости, растревожившие душу.

Хотя жизнь в королевстве вроде потихоньку налаживалось. В Карстаде маги плато закончили проверку и всех, на ком висело заклятие подчинения, заперли за крепкими стенами замка Галтено. Многие нуждались в лечении, и абсолютно всех нужно было тщательно допросить: чернокнижники держали в домах и подвалах своих тайных рабов оружие и зелья, а кое-где устроили целые лаборатории и мастерские.

Самого Сарлита пока посадили в камеру по соседству с родным сыночком. Как выяснилось, Фангерт действовал не по приказу чернокнижников, а по собственному желанию, наивно поверив всему, что изрекал опутанный чарами отец. И таких, как он, одураченных, но не подчиненных, было еще несколько десятков, а может, и сотен. Эти крикуны постоянно пытались помешать магистрам плато, сеяли смуту и устраивали скандалы, неизбежно переходящие в пьяные дебоши.

Поэтому у Тайвора Лаверно и Ительниза Габерда, поделивших власть в столице, не было ни одной свободной минутки, чтобы провести любимых жен. Не приходил в Элайн и Карлант, взявший под свое командование инженерные войска.

Кадетки все прекрасно понимали и не роптали, терпеливо ожидая своего часа. А пока каждое утро вставали с первыми лучами солнца и под предводительством Фаньи гуськом шли через весь двор. Возле лестницы брали из кучки по несколько камней и, пройдя круг по верхней галерее стен, возвращали на место. А потом отправлялись в подвал и не уходили оттуда, пока не преодолевали все препятствия большого тренажера.

Вот и сегодня, едва развиднелось, Бет втихомолку выбралась из дома, посидеть по возникшей в последнее время привычке в садике, на том месте, где в последний раз видели ее воспитанницу. Погруженная в свои думы, старшина неторопливо прошла через двор, миновала калитку и замерла, обнаружив возле заветной скамейки совершенно невероятное зрелище.

Прямо на траве, раскинув в разные стороны руки, лежала одна из кадеток, только они носили тут свои серые костюмы.

– Кати... – глядя на рассыпанные по траве локоны, неуверенно позвала Бет, точно зная, что волосы герцогини Габерд темнее и вьются намного сильнее.

Остальные все в разной степени светловолосы... кроме Тэри... но ее ведь не может тут быть?

«Или может?» – вскипела в душе безумная надежда, и Бетрисса бросилась к лежавшей со всех ног.

Раз она лежит тут неподвижно, значит, ей плохо, возможно, от голода или болезни.

– Фанья!.. – нашаривая на груди тревожный свисток, охнула герцогиня Лаверно и тут же опустила руку.

Поднимать панику нельзя, королева и так тяжело переносит исчезновение Тэрлины и уход старшего сына, во всем обвинив себя, как водится у истинно любящих матерей.

– Не кричи, – повернув к ней лицо, мелодичным, незнакомым голосом произнесла Тэри, и Бетриссе на миг показалось, что это обманка.

Слишком уж белой, призрачно-матовой стала кожа ее личика и рук, глубже – зелень колдовских глаз, пышнее – блестящие локоны. Хотя она и прежде, после исправлений Годренса, была очень хорошенькой, теперь ее красота стала особенно яркой, расцвела, словно роза у заботливого садовника.

На губах воспитанницы появилась знакомая, чуть застенчивая и счастливая улыбка, и сомнения бывшей компаньонки растаяли, как утренний туман.

– Почему ты тут лежишь? – осторожно осведомилась Бетрисса.

– Смотрю на небо. Там нет неба... ни облаков, ни звезд, ни рассветов... ты не представляешь, как я по всему этому соскучилась.

– Но ты простынешь... и, Тэри, скажи правду, ты здорова?

– Да, не волнуйся, Бет. Просто я не хочу, чтобы меня заметили егеря и подняли шум. Садись на скамейку, расскажи новости.

– Может, позже? Сначала ты искупаешься, переоденешься, позавтракаешь. Устроим праздник, все будут счастливы.

– Бет, я не пойду в дом. Мне есть где купаться. Просто посмотрю на вас и вернусь.

– Они с тебя взяли слово? – догадалась Бетрисса, отлично зная, что больше ничем Тэрлину нельзя принудить.

– Нет, я сама так хочу. – Сирена не стала объяснять, что решила не звать подруг, как предлагал цветок, а дождаться от них добровольной помощи.

– Почему? – внимательно всмотрелась ей в лицо присевшая на край скамьи названная сестра и соратница. – Они... нуждаются в тебе?

– Да, – коротко кивнула в ответ Тэри, радуясь, что Бет так хорошо ее

знает.

Кто-то другой вполне мог бы еще долго перечислять неверные причины.

– Ты им только поешь?

– Не только, – уклончиво призналась сирена. – Еще помогаю переносить небольшие обломки камней и корни. Чтобы они могли жить спокойно, нужно вырастить мощную защиту.

– А там есть от кого защищаться? – Бет угадывала намеки буквально с полуслова.

– Ниже лежат выработки гномов, и оттуда идет зло. Не только ядовитые запахи зелий и магия создаваемых алхимиками ловушек, но и отзвуки боли и горя, подземелья полны рабов.

– Мы знаем, – скорбно сжала губы Бетрисса. – И магистры ищут способы их спасения. Но нам не рассказывают, это секрет.

– Мы тоже, – очень тихо выдохнула Тэрлина, выразительно посмотрела в глаза верной подруги и смолкла.

Теперь пусть постарается догадаться сама и сделает свои предложения. Хотя Тэри в ней и уверена, как в самой себе, но исключения не собиралась делать ни для кого.

– Вы? – на минуту задумалась герцогиня Лаверно, потом кротко осведомилась: – А помочь вам там, случайно, не нужно? Мы тут уже тренажер отполировали ладонями, каждый камушек на стену не по разу погулять отнесли.

– Помощь, конечно, не помешает, – еще осторожничала Тэри, но ее сердце уже пело от радости.

Лучшая подруга не подвела, отозвалась именно так, как сирена и ожидала.

– Нам нужно что-то прихватить с собой? Одежду, еду, лопаты, мешки? – хозяйственно перечисляла Бетрисса, пока не рассмотрела умиленную улыбку на лице воспитанницы.

– Ничего, там все есть. Только искреннее желание, даже малейшие сомнения могут повредить. Поэтому ничего не говори сестрам, каждый должен найти этот путь сам. И чем скорее, тем лучше.

– Даже намекнуть нельзя?

– Лучше я сама.

– Хорошо... кстати, сюда идут Дора с Кати.

– Загороди меня, пока Кателла не выдала нас визгом.

Бет торопливо подвинулась, расправила подол туники, мимоходом пожалев об отвергнутых платьях с широкими длинными юбками. Хотя

лазить на стены в таких нарядах неудобно, но в таких вот случаях они просто незаменимы.

– Бет? – еще не дойдя до старшины, удивилась Дора и не сдержала зевок: – А мы думали, сегодня будем первыми. А почему ты не подождала нас в зале?

– Хотела полюбоваться на звезды, облака и рассвет, – оглядывая небо, таинственно сообщила Бетрисса. – в некоторых местах их нету.

– Ты сегодня говоришь загадками, – задумчиво отметила княгиня и шагнула к скамье, но невольно остановилась, придержанная за подол туники Кателлой.

– Там ноги, – вытаращив выразительные черные глазищи, шепотом сообщила брюнетка.

– Мои? – заинтересованно уставилась на нее старшина.

– Нет... твои стоят тут. А те лежат за скамейкой.

– Мужские? – недоверчиво нахмурилась Дора, в свидание Бет с кем-то из егерей ей не верилось, а других мужчин тут не было.

Да и союз с Тайвором у них на зависть удачный, и Бет очень ценит свое запоздалое счастье.

– Женские, – возмутилась Кати и вдруг тихо охнула: – Это кто-то из нас...

– Нападение? – тотчас схватилась за сигнальный свисток княгиня.

– Не угадала, – с укором усмехнулась Бетрисса. Оглянувшись, посмотрела в смеющиеся глаза воспитанницы и буднично добавила: – Это Тэри любит небо.

– Ка-к-кая Т-тэри? – внезапно начала заикаться брюнетка. – Чт-то за ш-шутки?

– Никто не шутит, – спокойно отозвалась из-за скамейки сирена. – Только визжать не надо, а?

– Когда я последний раз визжала? – Кати опасливо заглянула за спину Бетриссы, пару секунд неверяще разглядывала подругу, потом, оглушительно взвизгнув, ринулась к ней прямо через скамейку.

– Тэри! Живая! Как я боялась! – А наобнимавшись, задумалась: – А почему ты лежишь?

– Прячусь, – вздохнула Тэри, – от егерей. Не хочу, чтобы королеве доложили. Ничего ей рассказать я не могу, а времени мало.

– Как – мало? – нахмурилась присоединившаяся к Кати Дора. – Разве ты не останешься с нами?

– Мне нужно вернуться.

– Они над тобой издеваются? – потрясенно прижала пальчики к губам

герцогиня Габерд.

– Конечно нет! – Тэри смотрела на нее почти виновато, уже жалея, что затеяла эту проверку.

Почему-то забылось там, в безвременье полутемных пещер, как тщательно разбойник и Годренс отбирали кандидаток в королевские фрейлины и сколько проверок после им устроили. Но и признаваться в собственных сомнениях пока не спешила, с интересом ожидая, как скоро сестры по духу догадаются, зачем она к ним приходила. Ну ведь не просто чтобы пообниматься!

– Кати, – укоризненно глянула на подругу Дореня, – как тебе такое в голову пришло? Ты помнишь, что рассказывали про них ведьмы? Они никому не делают зла, ничего не просят и не берут сами. Как бы я тоже хотела пойти вместе с тобой, посмотреть, как живут эти чудесные создания! Спросить у них про эльфов...

– Им некогда разговаривать, – тихо произнесла Тэрлина и села, прислонившись к стволу вишни, – у них много работы. Цветок еще слаб, а нужно устроить новое убежище. И еще снизу, из штолен, доходят скверные веяния.

– Так, может, тебе нужно помочь? – с надеждой спросила Дора и затаила дыхание.

В последние дни единственным важным делом, кроме развлечения королевы, у них были прогулки по стенам и лазанье по тренажерам. Несомненно, очень нужные и полезные занятия, но очень однообразные и ничуть не заглушавшие тоску по где-то воюющим мужчинам. И не приносящие никакого покоя и удовлетворения измученным ожиданием душам.

– Там почти темно, – нехотя попыталась припугнуть подруг Тэри, – нет ни мебели, ни книг. Я сплю во мху, ем ягоды и лепешки, которыми делится с домовыми королевская кухарка.

– Но ты не выглядишь ни изможденной, ни усталой, – внимательно рассматривала ее хозяйственная Дора. – И если древням нужна наша помощь, то я готова есть ягоды и спать на мху. По крайней мере живое дело.

– Я тоже, – уверенно поддакнула Кати. – А ты почему молчишь, Бет?

– И вовсе не молчу, – улыбнулась догадливая старшина. – Я уже записалась.

– И ничего нам не сказала!

– Каждый должен решить сам – думаю, это условие древней, – искоса глянула на воспитанницу Бетрисса. – И, кстати, сюда идут сестры

Сарнские, не вздумайте проговориться!

– Но мы еще не знаем, берут нас или нет! – заволновалась Кати.

– Берут, ваша помощь очень нужна, – успокоила подруг Тэри и слегка отклонила, чтобы сестры заметили ее не сразу.

– С добрым утром, – приветствовала подруг Окти. – Мы сегодня опоздавшие. Хотя я была уверена, что придем первыми.

– Просто у нас хорошая новость, – беспечно сообщила Бетрисса, – вот и собрались.

– Про что? – заинтересованно подалась вперед Августа. – Ну не томи!

– Про кого. Тэри вышла из тайных ходов.

– Слава светлым богам, – с облегчением выдохнула Октябрина, поднимая взгляд к небу. – А она здорова? И где она сейчас? Отдыхает?

– Отдыхает, – лукаво улыбнулась Кати. – Сидит под вишней и любитесь на вас.

– Под какой вишней? – недоумевая, оглядела подруг старшая герцогиня и потрясенно замерла, рассмотрев светлую улыбку сирены: – Тэри? Глазам не верю... думала, Кати по обыкновению шутит. А почему сидишь там?

– От егерей прячется, – пояснила Бет в спину ринувшимся к подруге сестрам.

– Почему?

– Не хочет, чтобы они доложили королеве о ее приходе, – сообразительно подхватила княгиня Марьено Бейранг. – Ей нужно возвращаться. А Зантария обязательно расстроится.

– Как – возвращаться? – опешила Августа, шлепнувшись рядом с сиреной. – Куда?

– Туда, где я была, – улыбнулась подруге Тэри. – Им трудно без меня.

– Как я завидую, – огорчилась Окти. – Все сейчас делают что-то серьезное. Только мы целой толпой ходим по стенам на радость егерям. Мне кажется, они каждый раз умышленно находят себе дело во дворе, чтоб полюбоваться нашей тренировкой.

– Тэри, – присмотревшись к загадочной улыбке сирены, опасливо подступила к ней Августа, – а ты не могла бы спросить у своих друзей, не найдется ли там и для нас занятие? Я, к примеру, всегда весной возилась на грядках, мы ведь многое сами для себя выращивали, а слуг держали очень мало.

– Найдется, – внезапно заторопилась Тэрлина, услышав доступный только ей голосок. – Только оставьте кого-нибудь до вечера, объяснить все Фанье. Если не раздумаете, нужно прийти сюда на закате, древни сами

заберут.

– Лучше пусть Бет, – не медля ни секунды, выпалила Кателла. – Она умеет уговаривать королеву.

– А ты умеешь развлекать, – фыркнула Бетрисса, – но я же не предлагаю оставить тебя? И я, между прочим, первая вызвалась туда идти. А уговаривать и Дора и Окти могут не хуже меня, да вы и сами знаете!

– Куда мне, – хмыкнула Октябрина. – Я вон даже с единственным поклонником общего языка найти не смогла. Может, Августа?

– Поздно, – прошептала Тэри, – сюда идет Фанья. Я забираю Бет и Дору, а вас вечером. Кати, не обижайся, древням всех разом все равно не унести. Заслоните нас.

Хмурые девушки выстроились рядом, поглядывая на неторопливо приближавшуюся Олифанию, а когда Кати, не выдержав, скосила взгляд назад, с ее губ сорвался огорченный вздох. Скамейка была пуста. Под вишней тоже никого не оказалось, и даже трава не была примята.

Глава двенадцатая, открывающая старинную тайну тихони и принесшая серьезные испытания ее дружбе с кадетками

– Добрый день, – дружелюбно поздоровалась Фанья, привычно окидывая испытующим взглядом стоящих перед ней кадеток, и невольно внутренне напряглась.

Прошли те дни, когда при ее приближении девушки замирали настороженной стайкой, как зеленые новобранцы перед матерым старшиной. С тех пор они многое перенесли вместе и стали не просто подругами, а единомышленницами и соратницами, сестрами по духу.

Но сегодня явно произошло нечто необычное, испугавшее или взволновавшее кадеток, раз они прячут глаза, как провинившиеся.

– У нас что-то случилось? – мягко поинтересовалась тихоня, бдительно следя за реакцией подруг. – Окти? Вы же знаете, что я всегда на вашей стороне?

– Ничего, – старшая из сестер Сарнских мельком глянула на Олифанию и снова отвела взгляд, – просто тренировки не будет. Мы идем сейчас к себе, а тебе придется придумать, как все объяснить королеве.

– А зачем ей это объяснять? – Фанья еще небрежно усмехалась, но уже ощущала, как от нехорошего предчувствия холодеет сердце. – Она не заставляла вас ходить на тренировки. Вы ведь сами... – Она резко смолкла, ожидая пояснений, но девушки не спешили открывать свои секреты. – Да и не все вы здесь. Или... они уже отказались?

– Они ушли, – виновато вздохнула Кателла и оглянулась на Августу. – И мы уйдем.

– Куда? Вас Годренс забирает?

– Нет. Ты не поняла... – решительно тряхнула короткими волосами Октябрина, – мы сами уходим. Нас Тэри позвала. Ей нужна помощь.

– Куда?

– Туда, к древням, – пояснила Кателла и нерешительно добавила: – Она сказала, ничего брать не нужно, там все есть, но, я думаю, хуже не будет, если мы соберем вещи?

– А откуда взялась Тэри? – с замирающим сердцем выдавила Фанья. –

И где она сейчас?

– Уже ушла, – хмуро глянула Августа. – И Дору с Бет забрала. А мы должны королеве объяснить... но тебе же проще? Ты ей подруга.

– А вы точно уверены, что к вам приходила Тэри? Древни считаются мастерами иллюзий, им ничего не стоит изобразить кого угодно. И голос подделают, и походку, – все тише говорила Фанья, пытаясь сообразить, к кому ей обратиться за помощью.

Годренсу пока ничего сообщать не стоит: если он узнает, что Дора снова в опасности, то сойдет с ума. А Рад в последний раз прислал весточку из Ардага – они с драконом готовили какую-то вылазку. И ему тоже лучше о Тэри не напоминать, хотя он упрямо не признаётся в своем особом к ней отношении. Остается только один выход: златовласая подруга дракона, оставившая Фанье почтовый цилиндрик.

Пальцы сами скользнули в потайной карман, где она носила те вещички, которые могут понадобиться лишь в самых невероятных случаях.

«Просто напиши на листке, чем нужно помочь...» – звучали в памяти слова, пока тихоня торопливо доставала записную книжечку и магическое стило.

Резкий удар по руке выбил из пальцев тайной королевской советницы пенальчик, и только многолетние тренировки помогли женщине устоять на ногах.

– Прости, Фанья, – побледневшая Октябрина прямо смотрела на наставницу, как от боли, кусая губы, – но ты сейчас собиралась нас предать. Мы не давали тебе права кому-нибудь рассказывать наш секрет. Я раньше обижалась на Тэри за то, что ушла втихомолку. Думала, ну почему она нам ничего не объяснила, разве стали бы мы ее удерживать? А сейчас поняла очень ясно – это был единственно возможный способ поступить так, как хочешь.

– Окти права, – поддержала сестру Августа. – Мы тебе сказали по дружбе, а ты... Учти, если до вечера хоть кто-то узнает или попробует нас задержать – я больше никогда не стану с тобой разговаривать. И Карлу запрещаю.

– Вы не правы... – Украдкой потеряв ушибленное место, Фанья уверенно протянула руку к Кати, поднявшей пенал: – Давай.

– Нет, – отступила на шаг герцогиня Габерд, – я тоже тебе сейчас не верю. Ты привыкла все делать по-своему, когда считаешь, что это на пользу королеве, я давно заметила. Но сейчас особый случай, мы пообещали названной сестре и не можем ее предать.

– Поэтому дай нам слово, поклянись Святой Тишиной молчать до

темноты, – предложила Октябрина, сурово глядя на наставницу. – А потом можешь хоть все плато сюда вызвать.

– За что вы так? – Губы Олифании внезапно задрожали, лицо жалко искривилось. – Я же вам добра желаю!

– Кати, не вздумай ей верить! – жестко предупредила Августа. – А лучше беги на стену и брось этот пенальчик в пропасть. Итель рассказывал, в том монастыре девушек учат не только драться, но и хитрить.

Кателла не стала переспрашивать и ждать ответа наставницы, развернувшись и, как ветерок, помчалась к ступенькам лестницы. Бегала она быстрее всех подруг.

– Вы не правы, – с сожалением глянув ей вслед, тяжело пробормотала Фанья, – и напрасно подозреваете меня в самых подлых намерениях. Я вам не враг и хотела позвать Анэри ди Тинерд, она умеет разговаривать с древними.

– Наша Тэри не хуже ее умеет, – сухо усмехнулась Августа, – и это была именно она. После того ритуала наши амулеты чуточку теплеют, когда близко кто-то из сестер, а я стояла рядом с ней.

– Ну, допустим. – Тихоня прошла к ближайшей скамье, села и сложила руки на коленях, показывая свое смирение. – Допустим, это была Тэри. Она вас позвала, и значит, вы можете уйти куда заблагорассудится, позабыв о том, что подписали контракт, где обязались защищать королеву и действовать только по ее приказу? Кроме того, в Беленгоре вы пообещали не оставлять ее величество в трудный момент.

– Вот поэтому мы тебя и предупредили, – хмуро глянула на наставницу Октябрина, – чтобы никто не считал нас сбежавшими. Тут на сотни лиг вокруг ни души, а у королевы пятеро преданных егерей и ты. К тому же мы не развлекаться идем, а работать. Ты можешь сказать, что эта работа не нужна ее величеству и нам заплатили не за это. Но в таком случае ты очень плохо знаешь Тэри. Она никогда не позвала бы нас с собой, если бы не считала, что делает нужное и важное для королевства дело. Поэтому я иду без сомнений и тоже клянусь тебя не замечать, если ты попытаешься нас остановить.

– И я! – выпалила запыхавшаяся Кателла, небрежно сдувая растрепавшиеся кудряшки. Потом отерла бисеринки пота с покрасневшегося лица, дернула за рукав Августу и тихонько осведомилась: – Мы ей бойкот объявили?

– Пока нет, – буркнула Августа.

– Можете объявлять, – вставая, устало сообщила Олифания, – но

никакого слова я вам давать не буду и немедленно сообщу обо всем Майзену и королеве. Потому что это мой долг и исполняю я его так, как понимаю. И не советую пытаться меня остановить, вы верно сказали – нас учили драться не только честными способами. Сестры Тишины – не воины и не рыцари, выходить на турниры не должны. Мы сражаемся только в том случае, когда иначе не справимся с противником, угрожающим жизни, свободе или чести. А в этом случае хороши любые средства.

– Какая же ты сволочь, Фанья, – процедила сквозь зубы Октябрина и пошла к той вишне, рядом с которой недавно сидела Тэри. – Можешь бежать доносить. А я сейчас привяжусь к дереву и до вечера с этого места не сойду. И если кто-нибудь попытается меня отсюда утащить, то сразу может записаться мне в заклятые враги.

– И это не каприз и не женское глупое упрямство, – с нажимом добавила Августа, – а вера в свою правоту.

– Как хотите, – пожала плечами Фанья и, не оглядываясь, направилась к дому.

Нападения кадеток она не опасалась, девушки вовсе не глупые и отлично знают, насколько она проворнее и сильнее их. Даже трех. Но никак не могла понять, почему ей не удалось их уговорить, ведь профессию болтушки она тоже немного изучала, хотя это было давненько и в жизни требовалось очень редко. Даже не припомнить сразу, когда она в полной мере применяла эти приемы в последний раз. Может быть, разучилась или дело в чем-то другом?

Но как бы то ни было, давненько ее так не обижали, вернее, не оскорбляли те, в кого Фанья вложила столько души и труда.

– Фай? – Онгерт вынырнул из-за угла внезапно, заставив обычно чуткую тихоню вздрогнуть и схватиться за оружие. – Что с тобой, милая? Да ты плакала! В чем дело?

– Все хорошо. – Вопреки заявлению, ничего ему говорить тихоня не собиралась, пока не успокоится и не посоветуется с Зантарией.

– Фай! – укоризненно произнес офицер, бережно, но уверенно заставив камеристку взглянуть ему в глаза. – Кого ты пытаешься обмануть? Я знаю тебя наизусть. И почему ты бежишь к дому? Разве у вас не тренировка? Мне доложили, что твои подопечные уже в сборе.

– Они мне не подопечные, – сорвалась Фанья и тотчас поправилась: – Просто присматриваю.

– Поругалась? – пронизательно предположил Майзен и удрученно вздохнул: – Я давно этого ждал.

– Но почему, Онгерт? – потрясенно вытаращила глаза Олифания. –

Ведь все было так хорошо...

– Не было, – безнадежно вздохнул воин. – Извини за правду, но, кроме меня, тебе ее никто не скажет.

– Пойдем! – Решительно схватив друга за руку, тихоня потащила его к пустующей караульной будке. – Сейчас мы сядем, и ты мне все подробно объяснишь. Сама я, наверное, стала чересчур старой.

– Ничего ты не старая, – всерьез возмутился Майзен и лукаво намекнул, притянув женщину к себе: – Как для меня – так в самый раз.

– Прекрати! Сейчас не до этого! – вспыхнула Фанья, но он не сдался, как обычно.

– А нам всегда не до этого. Уже пятнадцать лет одно и то же. То Раду нужна помощь, то заговор, то чернокнижники... А ты хоть задумывалась, что наш сын сейчас был бы ровесником младшего принца? Я смотрю на него и представляю, что это наш Гарви размахивает клинком... или скачет на лошади... – В голосе офицера прорвалась застарелая тоска, он скрипнул зубами, отвернулся и смолк, безнадежно глядя куда-то в сторону.

– Святая Тишина! – вырвалось у Фаньи. – Да вы что сегодня, сговорились, что ли?

Она крутнула руку, вырываясь из хватки друга, отскочила, глядя рассерженно, как дикая кошка, и почти бегом помчалась назад, в сторону дома.

– Поговорили, – яростно рыкнул Майзен и со всей силы врезал кулаком по стене караулки. – Ну кто меня за язык тянул!

– Гарви... – всхлипывала Фанья, почти бегом преодолевая ступени лестницы. – Придумает тоже...

А может, у них была бы Лиз или вообще двойня? И, вполне вероятно, не сразу, а через полгода или даже через год. Не у всех дети рождаются через девять месяцев после свадьбы... Да и родиться в один год с Бэрденем их сынок тоже не мог, они заключили тайную помолвку, когда принцу было уже три месяца. И вовсе не она виновна, что эта помолвка длится уже четырнадцать лет, а свадьба так и не состоялась. С причудами судьбы не поспоришь.

Тихоня добралась до королевских покоев, постояла у двери, умело уничтожая следы непрошенных слез, и дернула ручку – она одна имела право входить к королеве без стука и доклада.

– Фанья? – Зантария, еще одетая по-домашнему, с полураспущенной косой, сидела у распахнутого окна, полускрытая полупрозрачным кружевом занавесок, и с тревогой смотрела на подругу. – Что случилось?

Почему ты не с ними?

– Пока ничего, – уклончиво отозвалась камеристка, умело сервируя стол к завтраку, расторопная кухарка уже принесла чайник и накрытый салфетками поднос.

– Очень многообещающе... – Зантария оставила свой наблюдательный пост и перебралась к столу. – А теперь садись и расскажи подробнее. Да не волнуйся так, я же вижу, ты не в себе, даже руки дрожат.

– День такой... неудачный, – попыталась отделаться старой шуткой Фанья и тут же сдалась: – Похоже, сегодня я наделала глупостей.

– Ну, раз ты так говоришь, – внимательно всмотрелась в ее лицо королева, – значит, он и в самом деле необычный. А вот удачный или нет, посмотрим потом. Я много раз в жизни считала, что судьба меня предала, а потом оказывалось, это было испытание, и за ним следовала награда. А бывало и наоборот: радуешься удачно сложившимся обстоятельствам, а они позже оказываются ловушкой и приносят жестокое разочарование. Ты и сама все это знаешь, а теперь я хочу услышать подробный рассказ. С чего все началось?

– С тренировки, – обреченно вздохнув, сообщила Фанья. – Их было всего три, Сарнские и Кати... И они сразу заявили, что тренировки не будет.

– Тебя это возмутило?

– Насторожило. Я спросила напрямик, и в ответ они сказали невероятную вещь – приходила Тэри.

– Святая Тишина, – побледнела королева. – И где же она? Погоди... сначала скажи, с ней все в порядке?

– Я ее не видела, – честно доложила тайная советница. – к тому моменту она уже снова ушла и забрала с собой Бет и Дору. Оказывается, ей потребовалась помощь.

– Какая? Что там происходит? Она что-нибудь объяснила? – разволновалась ее величество.

– Они мне ничего не сказали, – помрачнела Фанья. – Боюсь, я не так начала разговор. Мне припомнились способности древней, и я выразила сомнение, что это была истинная Тэри, а не иллюзия. Теперь у меня три непримиримых врага.

– Ох, светлые боги! – вскочила с кресла Зантария. – И где они? Я хочу сама с ними поговорить.

– Там и сидят, в садике... но это еще не все, – убито доложила тихоня. – Она пообещала забрать и их на закате. А я... прости... напонила про обязанности фрейлин.

– Но почему? Разве ты не хочешь помочь Тэри? – изумленно нахмурилась королева, потом вернулась на свое место, села и тихо призналась: – А я бы тоже пошла, но у меня дети и королевство. Магам в любую секунду может понадобится печать или еще что-нибудь.

– Я хотела помочь Тэри, – упрямо поджала губы Фанья. – Собиралась послать записку Анэрлине, жене магистра Иридоса. Но они были против.

– И сумели тебя переубедить? – не поверила королева.

– Застали врасплох, – мрачно вздохнула тихоня. – Выбили пенальчик из рук и выбросили за стену.

– Ну, тогда ты должна радоваться, – невесело пошутила ее величество, – ваши уроки не прошли даром.

– Особенно хорошо нам удалась задумка сдружить девушек с одинаковыми судьбами.

– Ого! – встревожилась Зантария. – Ты начинаешь язвить, значит, им удалось задеть тебя всерьез. Мне все же следует туда сходить, если они не придут сами.

– Октябрина пообещала привязать себя к дереву... – Как ни хотелось Олифании скрыть от королевы правду, врать она не желала еще больше.

Нет ничего хуже для дружбы и любых добрых отношений, чем ложь, даже безобидная с виду.

Ответить королеве помешал деликатный стук, и она по привычке кивком указала подруге на дверь, взглядом приказывая выяснить, какая причина вынудила кого-то из немногочисленных обитателей замка побеспокоить ее величество в такую рань.

– Это Майзен, – через минуту бесстрастно доложила камеристка, – я уже ответила.

Королева кивнула, и едва открыла рот, намереваясь продолжить разговор, как стук раздался снова. На этот раз более уверенный и настойчивый.

– Фанья? – недоуменно глянула на подругу королева.

– Чего-то не понял, – двинулась к двери та, но Зантария не пожелала оставаться в неведении:

– Впусти его, не так много у меня по-настоящему преданных людей.

Майзен вошел в гостиную твердым шагом, не глядя на сердито прищурившуюся невесту, прошагал к креслу ее величества и встал на одно колено:

– Ваше величество, я хочу покаяться в обмане.

Королева побледнела и стиснула губы.

Обман...

Это слово – как страшный сон, как предупреждение прорицателя, как суровое напоминание о судьбах былых властителей и их приближенных. Сколько жизней унесли лживые наветы, сколько судеб изломано лукавыми интриганами! Наверное, ни один король или шейх ничего не боится так, как обнаружить в один не прекрасный день, что и он не избежал участи быть обманутым самыми надежными людьми.

– Занта! – забыв об этикете, бросилась к королеве камеристка. – Он не так выразился! Мы просто смолчали... момент был не совсем уместный.

– Он неподходящий уже почти пятнадцать лет, – тихо и горько пробормотал Майзен, не поднимая взгляда. – У меня уже не осталось никакой надежды, эта последняя.

– Олифания, – с облегчением переведя дух, ее величество с укоризной уставилась на подругу, – сколько раз я намекала, даже сама хотела поговорить с Онгертом о свадьбе? Ты меня отговорила!

– Тогда я должна была помочь Раду, он мне как сын, ты же знаешь... – несчастно кривя губы, пыталась сопротивляться тихоня. – Потом заговор...

– Потом будет ураган или засуха, или неурожай яблок, – в тон ей горько усмехнулся капитан егерей. – Но все люди женятся и рожают детей, строят дома и сажают сады. Только я...

– Я могу вернуть слово! – вспыхнула камеристка, но внимательно слушавшая их королева решительно хлопнула ладонью по столу:

– Не позволяю. Нельзя так долго играть с судьбой в прятки, она может сурово наказать. Поэтому по праву, которое ты сама дала мне тридцать лет назад и которым я ни разу не воспользовалась, повелеваю готовиться к свадьбе. Я сейчас напишу Годренсу, попрошу прийти на полчаса и принести все необходимое. И не смотри на меня так возмущенно, я не забыла ни про кадеток, ни про древней. Но сначала желаю исправить собственную ошибку. Это была моя обязанность – помочь тебе с твоими личными делами, как ты помогала мне с моими.

– Ваше величество пять минут назад верно сказала, что нужно идти с ними, – тихо, но упрямо произнесла Фанья. – А кроме меня, никому. Можно ведь отложить ритуал на несколько дней... в последний раз.

– Нет, – категорично отрезала королева. – Я и так чувствую себя неблагодарной эгоисткой, ты столько лет тащишь на себе тяжкий груз моих бед и ради этого отказалась от всего. От семьи, мужа и детей. Это давно пора исправить, поэтому менять решение я не стану. Иди готовься, об остальном я подумаю сама. И не зови меня вашим величеством, если не хочешь, чтобы мы поссорились.

– А куда нужно идти? – осторожно поинтересовался Майзен,

поднимаясь с ковра.

– К Тэрлине, – нехотя объяснила королева. – Ей нужна помощь. Бетриссу и Дору она уже забрала.

– Ну и как ты объяснишь Годренсу исчезновение его жены? – осведомилась задержавшаяся у двери тихоня. – Онгерт, давай отложим еще разок... я клянусь, он будет самый последний.

– Нет! – в унисон отказались королева и капитан.

– Но насчет Годренса ты права, – помолчав, признала Зантария. – Писать ему не стоит. Я сама проведу для тебя ритуал, имею право. Иди надевай лучшее платье, если хочешь – выбери любое в моем гардеробе или в тех вещах, которые приготовили маги для фрейлин. Но поспеши, потом я пойду разговаривать с девушками. Майзен, задержись на минуту, я дам тебе несколько указаний.

– У меня остался один вопрос... – закусив губу, выдавила тихоня. – Кто будет исполнять мои обязанности? Кому передавать дела, секретные документы, печати и все прочее?

– Зачем передавать? – нахмурилась королева. – Ты ведь никуда не уходишь и не уезжаешь... объяснись, пожалуйста.

– Когда мы заключили помолвку, – слова давались Фанье с трудом, и Онгерт шагнул было к ней, но женщина выставила руку в предупреждающем жесте, – то собирались завершить союз через три месяца. В тот день Майзен очень серьезно пообещал после ритуала увезти меня в свой дом в Дортене и сделать все, чтобы у меня не было других забот, кроме варки варенья и воспитания детей.

– Фай... – пораженно вытаращил глаза капитан, – мало ли как я представлял нашу жизнь пятнадцать лет назад! С тех пор я изучил тебя очень хорошо и прекрасно понимаю, как сильно ты отличаешься от моих кузин и тетушек!

– Дело не во мне, – проглотила вставший в горле комок тихоня, – а в тебе. Ты говорил это с такой убежденностью, а в глазах светилось предвкушение... нетрудно было догадаться, что это твоя сокровенная мечта. А я никогда не решусь разрушить такую мечту – на мой взгляд, это самая большая подлость, какую можно сделать любимому человеку. Поэтому ритуала все же не будет, но я останусь с тобой, пока ты не найдешь ту, которая будет рада варить твое варенье.

– Да не нужно мне никакое варенье! – не сдержавшись, вспылил Онгерт. – Я его не ем, ты же знаешь! То-то мне казалась странной твоя привычка пичкать меня всякими повидлами! И никакая это была не мечта, а воспоминание о матери... Летний день, кипит варенье в медном тазу, и

мы сидим неподалеку с тарелочками, ожидаем пенок. А тебя я около такого таза давно представить не могу, да и не хочу. Я люблю тебя такой, какая ты есть, – честной, преданной, смелой, ловкой, и никакую другую искать не собираюсь.

– Фанья... – Королева порывисто подошла к подруге, крепко обняла ее, прислонилась виском к виску. – Я скажу одну хитрость, которую ты и сама отлично знаешь. И больше того, это ты меня когда-то научила этому способу, который довольно часто успешно используешь, он называется «откровенный разговор». Но почему-то не захотела даже попытаться начистоту объясниться с родным человеком, а ведь это так просто.

– Это так только кажется... – всхлипнула вдруг камеристка, – а на самом деле очень страшно. Ну как я ему скажу, что ненавижу варить варенье и вязать носки? Я их за пять лет в монастыре кучу связала... приучала себя к усидчивости.

– Предложишь самому сделать выбор, что для него важнее, носки и варенье или ты, такая, как есть.

– Я пыталась, правда! Несколько раз уже рот открывала... но не сумела. А вдруг он выберет носки?

– Ваше величество... – Майзен деликатно, но настойчиво оттеснял королеву от невесты, – можно мы пойдем поговорим? Это недолго, теперь я все понял...

– Говорите здесь, – мгновенно постановила королева, – а я пойду в кабинет. Жду вас через четверть часа, и никаких отговорок больше слышать не желаю.

Нежно поцеловала подругу в щеку и уверенно покинула гостиную, по-королевски высоко держа красивую голову.

А дойдя до дверей кабинета, вдруг поняла, кого ей сейчас напомнила Фанья. Ее саму – такую, какой она стала за последние восемнадцать лет, с тех пор как дала согласие Иглунду. Вернее, ее сделала такой необходимостью соответствовать титулу и положению. Стали невозможными внезапные поступки и решения, которые диктовались сиюминутным порывом, а не государственной необходимостью и правилами этикета, пришлось отказывать себе в любимых невинных развлечениях вроде прогулки босиком или катания на качелях так отчаянно, чтобы небо на миг оказывалось под ногами.

И сейчас она снова делает то, что сочла необходимым, а не бежит туда, куда зовет ее сердце.

Зантария минуту постояла у двери, с сомнением посматривая на застывшего возле лестницы егеря, потом опасливо покосилась в ту сторону,

откуда пришла, и вдруг, решительно тряхнув так и не собранными в прическу волосами, торопливо, почти бегом направилась к лестнице.

Глава тринадцатая, в которой перед выбором окажется не только капитан Майзен

– Зря мы с ней так, – прервала тяжелое молчание Августа, – она же не со зла.

– Сама жалею, – буркнула Окти. – Но по-другому в тот момент не вышло бы. Ты же знаешь, как она к нам относится. Как гувернантка – к несмышленным детям. Кстати, и разбойника точно так же тайком опекает, даже смешно смотреть. Он давно уже сам может кого угодно одним взглядом прижечь... помню, как сначала играл с нами, словно с мышатами.

– Но Фанью никогда не обижал, – расстроено вздохнула Кати. – И зачем я пенальчик взаправду бросила? Могла бы спрятать...

– Не переживай, у магов эти пенальчики – как у нас гусиные перья, на медяк три штуки, – успокоила ее Августа. – Меня сейчас другое заботит – просидеть тут до вечера без еды и воды не так-то просто, а идти в дом совестно.

– Пошлем Кати, пусть принесет немного. Не думаю, что кто-то пожалеет или осудит, – хмуро отозвалась Октябрина. – А когда вернемся от древней, я сама у нее первая прощения попрошу. Должна же она понимать – мы давно не юные девицы и не изнеженные богатые барышни, привыкли сами принимать решения и отвечать за них. Да мной так маменька с папенькой не командуют, уже лет с шестнадцати!

– Вон Бетрисса давно в доме Тэрлины живет, была гувернанткой, потом компаньонкой, – согласно кивала Кати, – а пока не попросишь, первая никогда не лезет с советами и командами.

– Это такая привычка всех старых дев, которые мечтают воспитывать своих детей, но не имеют, – вывела правило Кателла и вдруг покраснела как рак. – Окти, прости... сегодня, похоже, день глупца.

– Не извиняйся, я не обиделась, – отмахнулась старшая герцогиня Сарнская. – Ко мне прозвище «старая дева» больше не относится. Теперь я завидная, но переборчивая невеста. Лучше сходи на разведку – когда думаешь про еду, есть почему-то хочется так, будто три дня крошки во рту не держала.

– Не пойду, – прошептала Кати, прячась за подруг. – Сюда королева бежит, волосы так и развеваются...

– Точно! – охнула Августа. – Не знаю, как вам, а мне больше всего хочется, чтобы древни забрали меня прямо сейчас. До сих пор никто не видел Зантарию в таком виде.

– Может, мне и вправду пора уже привязываться к вишне? – мрачно пошутила Окти и смолкла: королева, как выяснилось, бегала довольно быстро.

– Доброе утро! – По пути Зантария успела придумать целую речь, но, едва увидев побледневшие лица знатных фрейлин и упрямо сжатые губы, сказала совсем другое: – Сидите, не вставайте, я к вам с личной просьбой... тайной. Сейчас посижу, отдышусь и поясню. Но не волнуйтесь, это не о древнях. Кстати, вы видели Тэри? Как она? Похудела? Осунулась?

– Нет, – тихо ответила Октябрина и опустила взгляд. – Не худая и не больная, только кожа блее стала, там нет солнца. А о чем просьба?

– У Олифании сегодня свадьба, я сама проведу ритуал. Они давно помолвлены, уже почти пятнадцать лет, но пожениться все время что-то мешало: то дела, то заговор, то нападения чернокнижников. А Майзен начал обижаться... ну, в общем, сейчас она одевается, а мне некому помочь с прической.

– Я сделаю, – поднялась со скамьи Августа.

– Но я не взяла ни гребня, ни короны... ритуал положено проводить в торжественной обстановке. Вот об этом я и хотела попросить: забудьте на время о ваших обидах, подарите ей праздник, а я даю честное королевское слово не задерживать вас и помочь всем, чем потребуется. Я верю, что Тэри делает важное дело, и сама с удовольствием пошла бы с вами, но магам в любой момент может что-нибудь понадобится...

– Ваше величество, – поднялась со скамьи Октябрина и склонилась перед королевой, – простите нас. Особенно я виновата... ударила ее по руке. Не буду оправдываться, хотя теперь жалею, что мы не смогли договориться. И на свадьбу мы, конечно, пойдём, даже платья по такому случаю наденем. Позвольте сколоть вам косу, временно.

– Я рада, что все так быстро разрешилось, – облегченно перевела дух Зантария. – Поверьте мне, Фани и сама уже казнится больше всех, и ей будет очень приятно увидеть вас на церемонии. Пора... я дала им всего четверть часа.

Осознав, как много нужно успеть за оставшиеся несколько минут, девушки почти бежали, прикидывая по пути, что нужно сделать обязательно, а чем можно и пренебречь.

Однако все у них получилось. Августа удачно догадалась привлечь

егерей к подготовке женитьбы их капитана, а Онгерт с Олифанией очень кстати подзадержались.

Войдя в королевский кабинет, нарядные жених с невестой на несколько мгновений растерялись, обнаружив неожиданное зрелище.

За время, пока они разбирались с накопившимися обидами и недомолвками, строго обставленное помещение превратилось в празднично украшенный зал для свадебного ритуала. На всех окнах, стеллажах и прямо на полу вдоль стен стояли наспех собранные из всех комнат горшки с цветущими растениями, на рабочем столе ее величества красовался массивный талмуд свода королевских законов в инкрустированном золотом и камнями переплете. А в нише между шкафами появился столик с водруженной на него статуэткой святой Элторны, и вокруг нее выстроились веселой стайкой зажженные свечи. Даже не считая, любой мог сказать, что их не менее тридцати трех, счастливое число для новобрачных.

Но сильнее всего, до глубины души, потрясло невесту присутствие трех хорошеньких девушек в светлых платьях и с живыми цветами, в парадных париках, приготовленных когда-то из их собственных волос. Все украшения, которые кадетки захватили, уходя в Элайн, тоже были на них, а в руках они держали свежесобранные букеты и покрывало из тончайшего торемского кружева.

– Ты позволишь? – чуть смущенно глянула Октябрина и тотчас виновато опустила ресницы, и этот едва заметный жест оказался для тихони важнее многословных извинений с поклонами и расшаркиваниями.

– Конечно, – засиял в ответ полный облегчения и такой же вины взор. – Спасибо.

Кадетки ловко накинули на наставницу кружево, закрепили шпильками с жемчугом и почтительно отступили. Майзен, успевший заметить кроме этого, почти безмолвного, примирения пару своих подчиненных, скромно стоящих у стенки, и остальных, заглядывающих в распахнутые двери, решительно подхватил любимую под локоток и повел к столу, за которым стояла королева, тоже переодевшаяся в строгий фиолетовый наряд и парадную корону.

– Сегодня мне выпало счастье связать священным союзом двух замечательных людей, глубоко порядочных, честных, преданных и скромных. И это не просто слова – никто до сих пор не знает, что указ о присвоении звания полковника Онгерту Майзену подписан еще пять лет назад, когда он самоотверженно взял на свои плечи командование охраной дворца и всеми отрядами обороны Карстада. В те дни, принимая во внимание веские причины, мне пришлось согласиться с его просьбой не

предавать этот указ оглашению. Майзен продолжал числиться капитаном, но все положенные полковнику премии и привилегии в виде поместья, титула барона и особняка в столице мой секретарь записал на его имя. Вот эти документы, на них стоит дата пятилетней давности. Его невеста Олифания Станвел верно служит мне помощницей и тайной советницей еще дольше и тоже отказалась от обнародования указа о пожалованном ей титуле. А сейчас я хочу вслух объявить самый последний указ, подписанный мной сегодня в честь священного ритуала, объединяющего любящие сердца. Барон Онгерт Майзен, вступая в завещанный святой Элторной нерушимый союз с графиней Олифанией Станвел, за верность Тальзии и короне при свидетелях получает герцогский титул и город Каррит с предместьями, с правом наследования и смены всех названий, какие покажутся новому герцогу Карритскому неблагозвучными.

Она строго оглядела онемевших свидетелей, открыла книгу и торжественно прочла новобрачным краткое напутствие.

– А теперь принесите свои клятвы Святой Элторне и наденьте ожидающие вас браслеты.

Октябрина могла бы поклясться, что ее величество нарочно сократила ритуал, насколько только возможно, и сейчас намеренно разговаривает с верными подданными, давно ставшими ей близкими друзьями, строго, как с молоденькими горничными, но догадывалась, что Зантария поступает так далеко не случайно.

Иначе чем объяснить необычную бледность начинающей все сильнее дрожать далеко не юной невесты и мрачнейший взор Майзена, цепко прижимающего к себе ее локоть.

– Святая Тишина... – сорвался с губ тихони отчаянный шепот, едва она оказалась перед статуей в белом мраморном кружеве, – помощи...

– Ты услышана, – студеным сквозняком пронесся по комнате бесстрастный, чуждый всему живому, шелестящий голос, – и прощена. Твоя клятва исполнена, и отныне ты свободна. Будь счастлива.

Ветерок промчался снова, гася все свечи разом, а на блюде, где лежали ритуальные украшения, серебряной вязью выступили морозные узоры.

– Фани... – выдохнул Онгерт, беря меньший браслет, и подышал на него, согревая, – прости, я только теперь все понял.

Бережно надел на дрожащую руку любимой знак свершившегося союза, и тот сам закрылся с тихим щелчком.

– Это ты меня прости, – откинула кружево невеста, и свежее испеченный муж рассмотрел на ее залитом слезами лице счастливую улыбку. – Я давала обет молчания.

– Забудем об этом, – явно о чем-то догадавшись, властно произнесла Зантария и тут же улыбнулась широко, без намека на этикет: – А теперь пора в столовую. Кухарка обещала нам на завтрак нечто необыкновенное.

Добродушная, неунывающая Солирна и в самом деле постаралась, но удивляла сидящих за праздничным столом гостей не собственными разносолами – не было у нее времени готовить. Она поступила хитрее: взяла из зачарованной кладовой кушанья, принесенные про запас магами плато, и вот среди них оказались не только мясные и рыбные блюда. Девушек порадовали воздушные пирожные в виде цветов и плодов, а также маленькие шарики мороженого с хрустящей начинкой, пахнущей каждый раз по-новому: то незнакомыми фруктами, то ореховыми вафлями, то южными торемскими сладостями.

После праздничной трапезы пришел черед развлечений. Сначала все танцевали под заводную гномью музыкальную шкатулку, потом один из егерей задушевно спел несколько песен мягким баритоном. Кателла неустанно смешила всех шуточками и веселыми притчами.

Но незримо витала над всеми тень предстоящей разлуки, и все чаще искоса поглядывала на высокие часы королева.

– Когда закончится эта подлая война, – вздохнула она наконец, – я устрою празднование для всего города, но вы должны знать, что будет оно в первую очередь в вашу честь. И всех тех, кто не отступил перед наглостью, коварством и жестокостью черных алхимиков. А сейчас девушкам пора отдохнуть.

Последние слова королева произнесла вполголоса, быстро глянув в сторону дверей, но в парадной гостиной давно не было ни егерей, ни кухарки, они деликатно исчезли, не желая стеснять в кои-то веки повеселевшую королеву.

– Может, и мне с ними... – заикнулась было новобрачная, посмотрела на смолкших кадеток и прикусила губу.

– Не обижайся, Фанья, – огорченно вздохнула Августа, – про тебя она ничего не сказала. А мы своевольничать не будем, думаю, она не сама выбирала, кому идти. Возможно, позже у нее будет для тебя другое дело – по способностям. Но я обещаю спросить о тебе и напишу... если нам разрешат передавать записки.

– Вы так рассуждаете, словно в тюрьму идете, – недовольно буркнул Майзен, неимоверно огорченный рассказом Фаньи.

Ведь это его недосмотр, нужно было приказать егерям не просто присматривать за девушками, а докладывать о каждом, самом мельчайшем нарушении обычного распорядка тренировок.

– Раз они решили – пусть идут, – твердо объявила Зантария. – Я на их месте тоже никогда бы не отказалась. Но сейчас у нас другая задача: пока они отдыхают, нужно собрать и упаковать все необходимое для жизни в пещере. И главное – побольше продуктов и теплых вещей, камни всегда холодные.

Едва солнце склонилось к западным вершинам Синих скал, кадетки, одетые в новенькие серые костюмы и удобные ботиночки, устроились на скамейке садика и, стараясь не хихикать, поглядывали на внушительную кучу дорожных мешков и корзин, упакованных с искусством бывалого путешественника. Молодожены выполнили распоряжение ее величества со скрупулезной точностью, не забыв ни одной ситуации и случайности, поджидавшей в пещерах неопытных фрейлин, и не принимая никаких возражений.

– Если будет лишнее – не страшно, – твердо заявила Фанья. – Королевство от потери пары солдатских одеял не обеднеет. Зато потом не придется жалеть о собственной непредусмотрительности. Даже я не могу представить всех сюрпризов, какие могут встретиться вам внизу.

Они только кивали, не веря, что Тэри станет брать всю эту кучу вещей и провизии, которой хватило бы им на несколько декад. И, посматривая под вишню, где видели подругу сегодня утром, пытались придумать, как будут объяснять ей появление такого обилия багажа.

Однако говорить ничего не понадобилось, Тэрлина появилась из возникшего у ближайшего куста зеленоватого свечения и протянула им руки:

– Пора.

– А вещи? – ринулась к калитке дежурившая за оградой Фанья.

– Заберем позже, – скупно отозвалась Тэри и вдруг улыбнулась наставнице светло и доверчиво, мгновенно развеяв все сомнения тихони в своей подлинности: – Поздравляю вас обоих.

А потом зеленый туман вмиг облепил кадеток, оторвав друг от дружки, и понес куда-то, как в санях с горки. Тихо охнула Августа, крепко сжала зубы Октябрина, и невольно пронзительно взвизгнула Кати.

Этот визг услышали все добровольцы, и, как ни странно, он принес сестрам Сарнским не тревогу, а облегчение. Раз Кати визжит, значит, она жива и где-то рядом, следовательно, никто из них никуда не потерялся.

Внезапно движение прекратилось и стало тихо, но в первые мгновения кадетки не шевелились, жадно и встревоженно изучая место, где оказались. Все вокруг – и стены и потолок – было скрыто под волнами пышного мха,

усеянного белыми звездочками крохотных цветочков. Он был очень мягким и неярко светился, создавая в пещере или выработке зеленоватые сумерки.

– Такой мох древни вырастили везде, где можно ходить, ничего не опасаясь, – спокойно сообщила сидевшая рядом с ними Тэрлина. – Поэтому первое правило: если случайно окажетесь возле тоннеля, где нет мха, вернитесь назад. Если не знаете, куда идти, – позовите древней и ждите. Вас найдут быстро, мох – это создание древней, и они слышат все происходящее с ним. Теперь о работе, которую нам предстоит делать. Бет и Дора уже ушли, поэтому объясняю только вам. Мать древней, которую мы зовем цветком жизни, чувствует эмоции. И все недобрые: боль, страх, горе – действуют на нее угнетающе. Из-за этого древни унесли мать в сторону от проходов, ведущих в глубь горы, туда, где томятся захваченные черными алхимиками узники. Они работают в шахтах, лабораториях и мастерских, а следят за ними надсмотрщики. Сами господа живут где-то в поместьях и дворцах под видом честных людей, а все свои дела ведут через преданных помощников.

– Но Тэри... это же надо было рассказать магистрам плато, Годренсу или хотя бы твоему брату, – с недоумением нахмурилась Августа.

– Нельзя, – печально и устало взглянула ей в лицо сирена. – Я же говорю, им служат преданные люди. Не подчиненные, тех чернокнижники считают рабочей скотиной, а верные псы, среди которых есть оборотни. И они все время следят за магами, подслушивают и заставляют шпионить своих родных и друзей. Древни недавно подвели корни к их спальням, и теперь мы многое знаем. Если чернокнижники поймут, что их тайное убежище, запасы зелий и лаборатории найдены, они первым делом разбудят все ловушки и обрушат своды, чтобы спрятать следы. Поэтому цветок решил сначала тайком вывести пленников, начиная с детей и женщин. Вот это наша работа. Всех узников цветок не сможет перенести так, как нас, им придется идти самим. Но древни устроили на пути места для отдыха и отнесли туда воду, еду и зелья. Вот в этих приютах вы и будете дежурить. Бет выбрала самый дальний, второй взяла Дора.

– Значит, следующий мой, – серьезно кивнула Октябрина. – Но меня волнует один вопрос. Куда они денутся потом?

– Цветок намерен скрывать спасенных узников ото всех как можно дольше, – терпеливо объясняла Тэри, отлично понимая, как непросто за несколько минут осознать и принять все то, к чему она привыкала почти десять дней. – Им придется немного пожить здесь. Поэтому мы взяли весь ваш багаж. Пригодятся и одеяла и одежда. Тут можно спать и во мху, он теплый и мягкий, а неподалеку есть горячий источник, я хожу туда

купаться. Соседние пещеры тоже постепенно зарастают мхом, и чем больше здесь будет людей, тем быстрее он будет расти. Среди пленных большинство оборотней, смесок и гномов, чистокровные люди, к сожалению, в нижних пещерах долго не выдерживают. Как только первые одаренные доберутся сюда, их магия начнет подкармливать мхи, а через них и цветок, и он с каждым днем будет все мощнее. Начнет ярче светиться ведьмин мох, быстрее вызревать – грибы и ягоды.

– Я иду следом за Окти, – дослушав, решительно кивнула Августа. – Скажи точнее, что с ними делать.

– Показать, где умыться, выдать еды, но понемногу, они голодали. Потом устроить отдохнуть и отправить дальше. Рядом с каждой из вас будет древень, а позже привлечем на помощь самых здоровых и сообразительных женщин. Но запомните накрепко: им нельзя рассказывать о происходящем наверху, на все вопросы нужно отвечать, что живете под землей уже много лет и ничего не знаете. Это нетрудно, цветок через мох и древней будет следить и помогать. Жаль, я сама не могу туда пойти, мои песни – пока почти единственное, что поддерживает силы цветка. Потому и мох тут светится так тускло, магии у меня почти нет. Очарование голосом вообще относится не к магическим, а к духовным влияниям и считается самым слабым среди наваждений. Даже дешевый ведьмин амулет легко снимает его воздействие.

– Как ты начала выражаться!.. – с изумлением и восхищением смотрела на подругу Кати.

– Это мне цветок объяснил, – слегка смутилась сирена. – Он хранит мудрость всех прошлых поколений и помнит все события. И может рассказать обо всем, если сочтет нужным. Ну, готовы? Тогда отправляйтесь.

Глава четырнадцатая

О заботах и печалях старшины кадеток и рабов, проделавших навстречу свободе нелегкий и страшный путь

Бетрисса удобно полулежала в куче мягкого мха и задумчиво оглядывала свое новое хозяйство. Она была полностью согласна с Тэри, что кормить пленников досыта – это самое глупое и вредное из благодеяний, которые может совершить спасатель. Потому и предложила подругам не мучиться, пытаясь поровну разделить между спасенными нехитрые продукты, а сделать в больших котелках, прихваченных из замка предприимчивыми древнями, тюрю. Простое и дешевое блюдо бедняков, куда можно класть все или почти ничего. Среди запасов имелись сухие лепешки, сизые, кисленькие ягоды и сухой солоноватый сыр, каким, старшина точно помнила, был набит один из ларей в подвале Элайна. Покрошить все в котелок и залить водой было несложно, труднее оказалось найти ложки.

– Да зачем им ложки? – наконец заявила Бет. – У нас в госпитале во время мятежа посуды тоже не хватало, так все пили из кружек. И суп, и жидкую кашу.

На том и остановились. Дора отправилась в свои владения, а Бетриссу древни вместе с припасами принесли в первый приют. Поставили котел с тюрей и половник на камне у стены и исчезли, давая старшине возможность оглядеться.

В дальнем углу пещеры кадетка нашла удобную умывальню, вход в которую древни скрыли свисающими с потолка плетями мха. В небольшом гроте, по одной стене которого струилась теплая вода, скапливаясь в неглубокой выемке, можно было умыться и искупать детей, а при необходимости переодеться в чистые вещи, лежавшие стопочкой на камне. Осматривая грот, Бет с удовольствием признала, что и сама не устроила бы всего с большей предусмотрительностью и заботой.

И это говорило ей о многом. Никогда ни одно существо, спасающее ради получения вожденной энергии детей чужой расы, не станет заботиться об их удобстве с такой дотошностью, ведь ему и так должны быть благодарны до конца жизни. Только тот, кому боль и горе

обездоленных малышей действительно близки, постарается сделать все возможное, чтобы успокоить беглецов и дать им почувствовать безопасность и доброту места, куда они попали.

– Они уже близко, – вынырнула из соседней кучки мха зеленоватая голова древня и, секунду посомневавшись, добавила: – Не все поверили нам, хотят устроить тебе проверку. Не бойся, если будут слишком придираться – я их усыплю.

– Только не торопись, – забеспокоилась Бет. – Сначала я попытаюсь с ними договориться. Действуй лишь в самом крайнем случае, если я крикну: «Сон!»

– Ладно, – помолчав, неохотно буркнул древень и исчез, и кадетке осталось лишь гадать, успел он посоветоваться с цветком или принял это решение сам.

О том, как она будет договариваться с недоверчивыми пленниками, Бетрисса пока не думала, это станет ясно лишь после того, как она на них посмотрит и определит, кто мутит воду. Хотя понять их тоже можно: если вокруг только враги, то и святой станет подозрительным и недоверчивым...

Они вышли из темного зева узкого тоннеля почти бесшумно, не выдав себя ни звуком шагов, ни разговорами. И если бы Бет не знала, куда смотреть, то обязательно пропустила бы появление двух худющих фигурок, настороженно замерших на самой границе тьмы и бледного сияния мха.

Помолчала немного, давая им рассмотреть себя, и мягко, устало поинтересовалась:

– Ну и долго вы будете там стоять? У меня готова тюрьма, а в умывальне есть теплая вода. На отдых вам дано четыре часа, потом пойдете дальше. Я буду встречать следующих.

– А ты так уверена, что они придут? – дерзко оскалился в ответ парнишка лет двенадцати со взрослой недоверчивостью в волчьих глазах. – Может, мы сейчас заберем твою тюрьму и вернемся? Что делать будешь? Силой удержишь?

– Держать не стану, – равнодушно бросила Бет, сделала паузу и с сожалением добавила: – Но, надеюсь, у вас хватит ума использовать единственный белый камень, подаренный судьбой. Всем известно, как она скупа на такие дары: за все годы, пока ваши родители сидят в выработках, это первый раз. И второго уже не будет.

Резковато, но иначе с ними нельзя. Эти мальчишки, не знавшие детства и не видевшие от чужих ничего, кроме жестокости и обмана, верят лишь своему опыту.

– Не врет она, – хмуро буркнула немолодая женщина, появившаяся из

мрака позади подростков, и решительно потеснила волчонка: – Пропусти, Галь. Руки уже трясутся, и Саночка мокрая. Может, тут найдется сухая тряпица?

– Все, что смогли, приготовили, – прохладно огрызнулась кадетка, расслышав в последних словах старухи ехидство. – Умывальня в том углу, там есть мыло и немного чистой одежды, для самых нуждающихся.

– Ну так мы тут все такие, – фыркнула старуха, решительно устремляясь в сторону купальни, и недоверчивый Галь побежал за ней, обогнал и первым нырнул под густые плети.

Второй подросток, лет десяти, на минуту скрылся в тоннеле и вскоре вернулся, ведя за собой вереницу малышей, привязанных замурзанными поясками к длинной веревке.

При виде этих детей сердце Бет больно сжалось: никогда ей еще не приходилось видеть такой неприкрытой нищеты. Даже во времена Донгер-Карритской кампании, когда в Карстад хлынули беженцы с южного побережья, смуглые заплаканные дети, которых держали на руках измученные матери и бабушки, были одеты хоть и в ношенные и грязные, но целые вещи, любовно вышитые когда-то яркими узорами.

А эти малыши, молчаливо переступавшие замотанными в обмотки ножками, были обряжены в такое дырявое тряпье, которое никогда даже не было детской одеждой. В штанишках, державшихся на малыше с помощью переброшенной через плечо веревочки, явно угадывался лоскут домотканой полосатой юбки, какие носят рыбаки с западного побережья, а в криво, наспех сшитых рубашонках – остатки истертых мужских рубаш.

Но про одежду забывалось сразу, стоило перевести взгляд на худенькие, полупрозрачные личики детей с большими, не по-детски печальными глазами.

– Святая Тишина... – почему-то припомнилось Бет любимое восклицание Олифании, – как же они шли-то?

– Потихоньку, – вдруг дружелюбно улыбнулась вмиг преобразившаяся старуха. – Извини, сестра, сразу не признала. Зови меня Хельгой.

– А ты меня – Бетриссой. Но я только ученица, – нехотя обронила герцогиня Лаверно полуправду и, желая облегчить труд Доре и остальным подругам, если они решатся сюда прийти, добавила для вескости: – Мы все тут такие.

Присела перед малышами, которые чутко, как дикие котята, следили за каждым ее движением, и озадаченно вздохнула:

– Как вы их отвязываете? Я помогу умыть. А вот с одеждой хуже, все вещи на взрослых, но мальчики могут выбрать вещи поменьше. Если

длинно, отрежем рукава.

– Еще чего, портить такую хорошую вещь! – Шустрый Галь выбрался из умывальни в сером костюме, сшитом явно на Кателлу, и деловито подвернул рукава. – Давай твою тюрю, нам еще назад идти. А их отвязывать не надо, веревку выдернуть, и все дела.

– Мы и сами справимся, – поддержала его Хельга.

Все оказалось действительно просто, пояски малышей были связаны на концах петель, в которую продевалась бечева. За второй конец ее держала девочка лет десяти с изуродованными страшными ожогами руками и личиком.

Она очень ловко освободила малышей и повела в купальню вслед за старухой, а Бет щедро налила мальчишкам по полной миске тюри и виновато развела руками:

– Придется пить через край, ложек мы не запасли.

– У каждого своя есть, – отмахнулся Галь, приняхиваясь к поставленной на колени миске. – А что это за кусочки белые плавают?

– Лепешка. У меня их маловато, вот и покрошила в тюрю, чтобы сытнее было. – Кадетка посомневалась и осторожно спросила: – А зачем вам назад? Старухе без вас трудно будет дальше детей вести.

– Там дорога хуже? – нахмурился младший мальчишка, тоже выбравшийся из умывальни в новом костюме и опасливо поглядывающий на Бет черными, раскосыми, как у торемцев, глазами.

– Нет, чем дальше, тем ровнее тропа, – пояснила Бет. – Но малыши ведь уже утомились и с каждым переходом будут уставать все сильнее. До следующего приюта идти часа три, не меньше.

– А что такое «следующий приют»? – испытующе глянул Галь.

– Точно такая же пещера, как вот эта. Там вас встретит моя сестра.

– А тюрю там тоже будет? – тихо поинтересовался второй мальчишка, успевший дочиста вылизать миску.

– Конечно, – уверенно подтвердила Бет и вся сжалась от осуждающе уколовшего ее взгляда черных глаз. – А разве тебе не понравилась?

– Вкусно, – буркнул он и покосился на Галя. – Но это неправильно... бесплатно много не кормят, нам Дед рассказывал. На площади бедным один раз в день наливали суп и давали хлеб. А у тебя, получается, пять раз в день!

– Так вот ты о чем, – облегченно выдохнула Бетрисса, вспомнив о бесплатных обедах, которыми постоянные дворы и харчевни Карстада по очереди кормили на городском рынке стариков, нищих и бродяг.

Да и вообще любой, временно попавший в тяжелое положение, мог

некоторое время перебиться. При этом хозяева и купцы присматривались к обедающим, и зачастую многие из них к вечеру находили работу и жилье. А вот Бет, когда вынуждена была искать средства на пропитание, обходила стоящие под навесом столы стороной, хотя оттуда доносился весьма аппетитный запах. Но для девушки ее круга обед вместе с нищими означал движение вниз.

– У нас ситуация особая, – веско пояснила она примолкшим мальчишкам. – Нужно помочь вам поскорее стать здоровыми. А для этого вы должны есть почаще, но понемногу, иначе желудки сорвете.

– Сама говоришь – понемногу, а налила полную миску! – не желал сдаваться юный торемец.

– Уймись, Лис! – беззлобно прикрикнула Хельга. – Она нам не враг! А налила так, как принято у свободных людей... но это я виновата, нужно было ее предупредить. Покажи-ка поварешку, Бетрисса. Малышам черпай по одной, нам с Линкой – по две. Мы Саночку по очереди несем.

– А чья она? – осведомилась Бет, наполняя миски послушно вставшим в очередь малышам и стараясь не смотреть в горящие ожиданием глазенки.

– Теперь наша, – хмуро усмехнулась Хельга, ловко выцеживая ложкой жижу и вливая в ротик крошечному младенцу. – Как пахнет-то... сыром, что ли?

– Ну да, – кивнула Бетрисса, усаживаясь напротив. – Сухим, пастушьим. Мы решили его развести... или зря?

– А лепешки белые, – даже прикрыла глаза старуха и разочарованно вздохнула. – Нет, не зря. Но если у тебя есть, дай по кусочку Галю и Лису, им обеда сегодня не достанется.

– Конечно, – поднялась со своего места Бет и взяла с полочки две большие лепешки и два шарика сыра, оставленных на всякий случай. – Вот, больше пока нету. Для следующих позже принесут. Поделите как хотите, только не ешьте все сразу.

– Это все нам? – Ошарашенные взгляды мальчишек ясно показали Бетриссе, как сильно она снова промахнулась.

– Сами решайте, вы не маленькие, сколько съесть самим, сколько оставить тем, кто послабее, – веско объявила кадетка и устало добавила: – Я ведь не могу за вами проследить? Значит, должна доверять.

И тут же с досадой сообразила, как легко приняла на веру все объяснения Хельги. Совсем упустив из виду, что цветок не просто так запретил кадеткам рассказывать беглецам о себе. Выходит, опасается крыс... а может, и точно о них знает. Следовательно, нужно попытаться ему помочь, а о том, что древни слышат ложь, старшина уже догадалась.

– Понятно, – сразу успокоился Галь, – Дед тоже так говорил. Ну мы пошли, вниз побыстрее добежим.

– Вы только поосторожнее там! – в голосе Бетриссы прозвучала неподдельная тревога, и мальчишки как-то определили эту искренность и на миг стали такими, какими должны быть в этом возрасте, – беспечными и самоуверенными.

– Не в первый раз!

Две худенькие фигурки в неимоверно широких для них серых костюмах бесследно исчезли в темном зеве тоннеля, а Бет все смотрела им вслед, пытаясь представить, каково это – брести по мрачным проходам и уступам в недружелюбной мгле, разбавленной лишь светом небольшого клочка ведьминога мха.

– Оборотни они... оба, – укладывая заснувшего младенца в мох, пояснила Хельга, и в ее голосе почему-то проскользнула виноватая нотка.

– Так ведь совсем еще дети, – растерялась старшина, припомнив все, что узнала за последнее время о магах, умеющих скрываться под такими странными щитами.

– Там взрослеют быстро. – Старуха прилегла рядом с младенцем, неслышно зевнула. – Посплю чуток, все два дня, как пришел знак, спали вполглаза. Боялись, вдруг не удастся уйти или донесет кто.

– Так ведь вы там так давно все вместе, разве еще не изучили, кто на что способен?

– Как не изучить... Но надзиратели время от времени льют в бурду зелье подчинения. И хоть мы все давно умеем его различать и снимать чары, но на некоторых действует сильнее. – Хельга помолчала, как будто уснула, и вдруг заявила: – А ведь ты в монастыре никогда не была.

– Я же сказала – только учусь, – не собиралась сдаваться Бетрисса и ударила в ответ: – А сама-то ты как умудрилась попасть в выработки, если знаешь тайные ремесла?

– Как последняя дура. – Хельга резко отвернулась и смолкла, давая понять, что не желает разговаривать на эту тему.

Но через четыре часа, когда мох под сводами пещеры засветился ярче, давая понять спасенным, что им пора идти дальше, старуха тихо буркнула:

– Я и правда у сестер никогда не жила. Но одну знала хорошо, она учила меня ремеслу травницы. Дар имею, хоть и слабый, но дело свое подняла и даже домик купила. И однажды попалась... Пришел важный господин и заказал сбор из семи свежесобранных трав. За срочность дал пару золотых. Вот это и была моя цена. Прямо в поле налетели... следили, не иначе.

Она говорила внешне спокойно, ловко заворачивая ребенка в найденные в умывальне косынки и шаль, и даже усмехнулась напоследок. А в голосе прорывались старинная обида и боль, сжимая кадетке сердце сочувствием к женщине, вынесшей за порядочность и доверчивость немерено боли, горя и унижений.

– Сколько ж тебе было? – не нашла Бет другого вопроса и захлебнулась внезапным прозрением, рассмотрев, как горько кривит губы ее собеседница.

– Двадцать три. – Хельга помолчала и привычно ухмыльнулась: – А сейчас тридцать два. А ты бы сколько дала?

«Все сто пятьдесят или двести, учитывая дар», – хотелось признаться кадетке, но она смогла лишь выдать:

– Прости.

– Да за что? – отмахнулась та, подхватила ребенка и скомандовала девочке со шрамами: – Линка, собирай их на веревку да ставь слабых впереди. Я буду помогать.

– Погоди... – не выдержала Бетрисса, доставая из потайного кармана крохотный пузырек, выданный ей Годренсом на самый крайний случай. – Есть у меня зелье, сил добавляет. Я капну в кружку, разведем и дадим малышам по глотку. А как дойдете до Доры, скажешь, чтобы оставила вас ночевать. После этого зелья сон нужен.

– Лучше разведи и налей мне сюда, – мгновенно решила по-своему Хельга, доставая выдавшую виды оловянную фляжку. – Я буду давать понемногу самым слабым.

Однако Бетрисса вмиг спрятала флакончик за спину.

– Это неправильное решение, – твердо объявила она. – Нельзя давать такие снадобья тем, кто совсем выбился из сил. Тем более таким худым детям.

Слово «изможденным» само просилось на язык, но Бетрисса вовремя спохватилась.

– Они не чистокровные люди, а оборотни, – нехотя отступила ведьма. – Почти все.

– Так подсказывай, кому больше дать, а кому меньше.

– Ладно. Линка, подводи сюда своих щенят, – сдалась Хельга, оглянулась на сосредоточенно мешавшую зелье кадетку и примирительно вздохнула: – Я все понимаю, вы еще боитесь нам доверять. Мы тоже не сразу решились, спорили чуть не до драки. Но Дед сказал так, как ты, – это единственный белый камень из тысячи.

– Хоть один умный человек нашелся, – буркнула Бет и достала из

кармана собственную ложку: – Ну, командуй.

А через четверть часа, провожая взглядом вереницу бодро топавших в сторону второго приюта оборванцев, внезапно почувствовала такую усталость и опустошенность, словно двое суток подряд ухаживала за тяжелоранеными.

– Тэри передала письмо, – вынырнул из мха древень, – корзину с продуктами и мешок с вещами. А цветок велел хорошо поесть и поспать два часа, новая группа доберется сюда не раньше.

– Спасибо. Из первых никого не возьму, так и передай, – отказалась кадетка, прочитав записку воспитанницы, которая уже знала обо всем, произошедшем здесь, и тоже советовала отдохнуть и подыскать в помощницы женщину помоложе. – Как я понимаю, оборотни сначала отправляют самых слабых, а им лучше побыстрее добраться до цветка. Будут там лечиться друг от друга. Давай корзину, Тэри пишет, что передала другие продукты и одеяла. Интересно, где вы их взяли?

– Королева приказала собрать для вас багаж. – В тихом, шелестящем голоске древня чувствовалось уважение.

– Она всегда рассуждает очень правильно, – кивнула Бет, рассматривая большие куски вяленого и копченого мяса, головки дорогого сыра и маленькие круглые плоски, слегка похожие на горшочки.

Их принесли маги с плато, и на каждой посудине была надпись: «суп» или «каша». Готовилась магическая еда очень просто, всего лишь доливалась холодная вода. А через миг горшочек был горячим и источал аромат мяса, зелени и овощей.

– Это придется давать по одному на двоих, а если будут дети, то и на троих, – вздыхала Бет, заливая водой один горшочек для себя. – И то как бы им не было потом плохо.

– Они несут с собой все зелья, какие сумели сделать тайком от надзирателей и накопить, – виновато пояснил древень, – но пить договорились втихомолку. Поэтому Хельга и хотела взять твоё снадобье. Ты на нее не сердишься?

– Не могу. Я вообще удивляюсь, как они умудрились столько вынести и остаться людьми, а не превратиться в зверей. – Кадетка задумчиво помешала варево и горько усмехнулась: – Я встречала людей, которые от меньших бед впадали в отчаяние и опускали руки. А эти и сами выжили, и детей не оставили...

Бет облизнула ложку, устало зевнула и прилегла прямо у камня, служившего ей столом.

И уже через минуту спала, не замечая ни одеяла, которым заботливо

укрыл ее маленький помощник, ни померкшего сияния белых цветочков, дававших ей выспаться перед приходом новых гостей.

Глава пятнадцатая, где Дора учится договариваться с ведьмами, а Бет оказывается перед нелегким выбором

– Записки? – Дора внимательно осмотрела скрученные трубочками листки, склеенные зеленоватыми печатями, и опасливо развернула.

Годренс настрого запретил жене брать в руки незнакомые предметы, но ведь это было там, наверху? Где есть солнце, небо, ветер и тысячи прочих вещей, которые, как внезапно оказалось, княгиня Марьено Бейранг очень любила, но совершенно не умела ценить. А вот здесь, в тишине, полутьме и прохладе просторной пещеры, вдруг поняла, как прекрасны восходы и закаты, звезды и облака, шепот листьев и чириканье назойливых воробышек. Даже дождь, который она не жаловала за приносимую им в дом сырость и тоску, теперь неожиданно вспомнился вовсе не седой тоскливой полосой, скрывшей весь мир непроницаемым пологом, а веселыми, бурными струйками летнего ливня, поднимающего в лужах россыпь пузырей и играющего драгоценными камнями в пробившихся сквозь тучки лучах солнца.

Сообщение Бетриссы было коротким и деловым: детей ведет ведьма по имени Хельга, ей тридцать два года, хотя и выглядит намного старше, и она знакома с сестрами Тишины. Беглецы очень недоверчивы, поэтому Бет представила всех кадеток ученицами воспитанницы монастыря. Еще она предупредила, что дети малы и худы, неплохо бы дать им поспать побольше.

– Понятно, – кивнула золотой головой княгиня и взялась за письмо Тэрлины.

Тэри писала, что все подруги уже пришли, и в соседнем с Дорой приюте теперь будет хозяйничать Октябрина. Следующая – Августа и последняя – Кати. Кроме того, они собрали большой багаж, и скоро Доре доставят мясо, сыр и хлеб, а также одеяла, посуду и прочие вещи. Но детям сначала лучше все же дать тюри, Бет написала, что они сильно измождены. В дорогу малышам тоже нужно дать немного хлеба, ведьма кормит их на коротких привалах.

– Бедняжки, – огорчилась княгиня, но тут же обнаружила возникшую в

ее хозяйственном уголке кучку мешков и корзин и взялась за их распаковку.

Древень помогал как умел, но вскоре выяснилась одна тонкость. Недостаточно получить от цветка подробные знания обо всех предметах, необходимо еще иметь навык обращения с ними.

За работой время пролетело незаметно, и Дора даже удивилась, когда древень, шепнув, что беглецы уже пришли, нырнул в мох.

– Бетрисса сказала, нас тут накормят. – Старая женщина в неимоверно потертом и сотни раз штопанном платье устало опустилась в мох прямо у входа.

– Так и есть, – приветливо кивнула кадетка, шагнув навстречу долгожданным гостям. – Я – Дора. Умывальня вон там, я могу помочь детям.

– Линка и сама справится. – Хельга оглянулась и кивнула на худую девочку, прячущую за неровными сосульками волос изуродованное личико.

Дора невольно зацепилась взглядом за страшные шрамы и стиснула зубы, едва представив, какую нестерпимую боль испытала эта девочка с диковатым взглядом зеленоватых глаз. И лишь уколотившись об этот недетский взор, глянула ниже.

«А дети-то где?» – едва не сорвалось с губ, но вбитые разбойником правила и упорные тренировки помогли не вскрикнуть от изумления.

Потому что сидевшие у ног девочки тощие, облезлые щенки волков и лис и были беглыми детьми.

– Тогда идите все сюда, – рассмотрев напряженное ожидание в устремленных на нее взорах, приветливо позвала кадетка, стараясь, чтобы ее улыбка не имела ничего общего с любезно-пренебрежительными гримасками высокомерных знатных дам. – У меня в умывальне есть купель. А к тюре выдам по ломтику копченого мяса... думаю, оно малышам не повредит.

– Если они будут обедать без щитов, – буркнула ведьма, и это замечание снова было проверкой.

– Я думаю, им и купаться нужно без щитов, – легко откликнулась Дора, разливая тюрю по мискам и расставляя их по плоской каменной плите. – Вода тут теплая и целебная. А потом разложат вещички сушить и залезут под одеяла, в этом приюте у вас отдых шесть часов.

– А почему так? – прицепилась к этим словам Хельга. – Бетрисса нас отправила через четыре.

– Подходящее для приюта место найти было непросто, поэтому переходы разной длины, – кратко сообщила ей Дора, припомнив

объяснения Тэрлины. – Поторапливайтесь, обед уже ждет.

Пока дети спали, сопровождающие простирнули их убогую одежду, развесили на самых высоких камнях и прилегли неподалеку от Доры, поглядывая на нее с интересом и недоверием.

– Когда уходить будем, едой поделишься? – наконец словно невзначай осведомилась ведьма.

– Конечно, вы же останавливаетесь передохнуть? Дать на привале малышам по куску лепешки – святое дело.

Дора отлично помнила, каким вкусным становился простой хлеб, прихваченный на прогулку в лес или на луга. Рядом с запущенным замком Марьено не было ухоженных парков и клумб. Да возле него и изгороди почти не осталось, хозяйственные селяне потихоньку растащили выпадающие от времени и бесхозности камни на постройку погребов и колодцев.

– И где ж вы столько еды возьмете? – вроде бы сочувственно вздохнула Хельга, но Дора расслышала в ее вопросе и сомнение, и недоверие, и затаенный интерес.

– Об этом мне ничего не известно, – мягко улыбнулась кадетка, сразу припомнив предостережение Тэри. – Но знаю, что в следующем приюте, у Октябрины, вам дадут горячее.

– А после Октябрины кто будет?

– Она вам и скажет, кто из сестер ушел на следующий приют.

– Вот как... – задумалась старуха, иначе ее назвать Дора не могла. – Ну, значит, там и узнаем. Нам, если на самом деле, все равно, лишь бы вы всех забрали. Самые смелые и дерзкие рабы в наказание работают в глубинных горячих выработках, добывают редкие минералы. Газы там ядовиты, долго никто не выдерживает.

– Я думаю... – заикнулась кадетка, помолчала и уверенно добавила: – Мы спасем всех. Не знаю, как, мое дело – как можно лучше выполнить свою работу: встретить вас, накормить и устроить на отдых. Но ты же видишь, как много предусмотрено и сделано? Значит, наши знают и про тех... в горячих шахтах.

Больше беглецы вопросов не задавали, но перед уходом, покормив детей и повесив за спину небольшой мешочек с мясом и лепешками, Хельга со вздохом обронила:

– Не пойму я, кто вы, и разгадать не могу, почему вдруг вспомнили о нас... Но лжи и зла не вижу, поэтому верю, что желаете добра... и хочу отдать тебе вот этот знак. – Она сняла с шеи неказистый медный амулет, грубовато выкованный в виде трех колец, продетых одно в другое,

и вложила в руку насторожившейся кадетки: – Передашь Бетриссе... у вас наверняка есть способ. Пусть покажет тем, кто придет, это знак.

– Если ты хотела оставить этот амулет Бет, то почему сама не отдала? – нахмурилась княгиня. – Разве она показалась тебе подозрительной или солгала?

– В том-то и дело, что не лгала, – тяжело вздохнула ведьма и виновато заглянула Доре в глаза: – Ну пойми ты, никак не могла я сразу ей полностью доверять! Ведь это как волшебная сказка: вдруг приходит послание, открывается потайной ход, и там встречаются прекрасные девушки, добрые и приветливые. А сказок не бывает, я за эти годы точно поняла! И все наши так думают, наслушалась я за почти десять лет... хотя они всей сотней показались. Все вокруг жадные и злые, тащат все себе в норы, топят и давят всех остальных.

– И только ты одна хорошая, берешь на руки младенца и ведешь спасать самых слабых малышей, – начала сердиться княгиня. – А у нас за них душа болеть не может! Мы же все жестокие и жадные!

– Не сердись... – горько скривив губы, еле слышно выдавила Хельга, – но ты все неверно поняла. Этим детям в шахтах все равно не выжить, бороться они не могут, быстро бегать – тоже. А надзиратели все сильнее звереют, за любую провинность на детях отыгрываются... Взрослых оборотней они опасаются, даже в ошейниках. Потому Дед и сказал: «Уведи их, если повезет – спасутся, а нет – то хоть руки связывать не будут».

– В каких... ошейниках? – растерянно потеряла лоб кадетка, пропуская пока все остальное. – Но на вас с девочкой же ничего нет?

– У меня всего лишь слабые способности травницы, – вздохнув, пояснила Хельга, – а Линка – только на четверть оборотень, ей без опытного наставника первый раз обернуться не удастся, а наши помочь не смогли, сами все в ошейниках. А малыши оборачиваются только потому, что еще беззубые щенки, потом и на них наденут ярмо... если выживут. Так не забудь, передай амулет, силком его отобрать нельзя, отводом особым прикрыт, а наши все видят.

Развернулась и ушла вслед за малышами, которых в этот раз вела Линка.

– Не знаю, в чем загвоздка, но там все же нечисто, – в который раз буркнул Синк, подтягивая повыше повешенную на шею сетку, поддерживающую на весу его раздавленную лапу.

Хотя он и плелся потихоньку, уйдя в кокон настолько, насколько позволял проклятый ошейник, но сил оставалось все меньше, и позади

теперь брели только две беременные женщины, которым не разрешалось лезть вперед остальных.

Само собой, глупо думать, будто им удастся уйти в случае засады, но лучше такая надежда, чем вообще никакой. Их ведь лишь это и спасает уже столько лет – вера в чудо, в прозрение мощных магов, в их желание помочь своим слабым и доверчивым собратям.

Задумавшись, Синк почти наткнулся в полумраке на двух старух, поддерживающих избитого парня, брошенного в выработки полторы декады назад. Как ведьмы ни старались, вылечить его полностью не удалось, а прятать с каждым днем становилось все труднее. Надзиратели совсем озверели, и хотя и раньше не разрешали работавшим в мастерских и шахтах оборотням делиться своими пайками с женщинами, детьми и калеками, но хотя бы смотрели на подобные нарушения сквозь пальцы.

Не задаром, разумеется, но и не за услуги. Тряслись за собственную безопасность. Несколько несчастных случаев, когда особенно лютые надсмотрщики внезапно падали с мостков в глубокие трещины или в стволы горячих шахт, очень наглядно показали слугам чернокнижников, на что способны оборотни, даже если на них надеты ошейники повиновения, не дающие ни убрать кокон, ни накопить магии на полный облик.

И даже обвинить рабов ни в чем нельзя – не было никого рядом с погибшими или изувеченными надзирателями в момент падения. Но каждый тюремщик знал точно, за какую именно жестокую выходку покарали очередного изверга неуловимые мстители.

– Чего встали? – шепнул Синк хрипло, ему было тяжело не только говорить, но и дышать.

Он и передвигался с трудом после удара внезапно обрушившейся в шахте глыбы, краем задевшей спину. Уйти бы в кокон – у оборотней магия регенерации самая сильная, ну кроме разве что обаяния и поиска, – да проклятый ошейник высосал всю силу.

– Пришли, – тихо пояснила женщина, помолчала и с истовой надеждой выдохнула: – Неужели все?

– Лепешки бы, – мечтательно пробормотала ее подруга и по-детски облизнулась: – Вкусная была лепешечка.

– Дура, – с жалостью фыркнул оборотень и веско добавил: – Бесплатные лепешки бывают только на поминках.

– Мне уже все равно, – обреченно призналась она. – Устала, сил нет даже жить. Только кусочек лепешки...

Синк смолчал. Хлеб и сыр, принесенные подростками, поделили на всех, по махонькому кусочку. И крошку сыра все сосали неспешно,

стараясь подольше сохранить во рту давно забытый вкус. Хотя совсем уж без приварка не жили: гномы, наглухо закрывшие проходы в свои владения, иногда тайком приносили рыбу и грибы в обмен на редкие металлы. Сами они в горячие шахты ходить не имели права, потеряв его в каверзной сделке, превратившей коротышек в рабов собственного жилья.

Оборотень потихоньку двинулся вперед, огибая обессиленно привалившихся к стене калек и женщин с младенцами. На этот раз, скрепя сердце поверив рассказам вернувшихся в шахты подростков, стая рабов отправила во внезапно открывшийся сказочный проход почти полсотни людей и оборотней. Всех, кто до этого времени был им хотя и обузой, но одновременно и семьей и убежищем. Горькой болью и единственным лучиком света в непроглядном мраке проклятой рабской жизни.

– Ну и долго вы будете сидеть у порога, как трусливые зайцы? – В женском голосе, бросившем в толпу беженцев едкие слова, Синк почему-то не расслышал ни насмешки, ни издевки.

Наоборот, в нем прозвучала ласковая, почти материнская укоризна, совершенно не подходящая, на взгляд оборотня, ни этому моменту, ни этим людям.

– Мы сами решим, когда нам заходить и куда, – дерзко огрызнулся он и тут рассмотрел хозяйку первого приюта.

Не соврали парнишки, хотя могли и обмануться с непривычки, ведь женщины в выработки попадали в самом плачевном виде. Строптивых ведьм и травниц надзиратели умирляли с особым рвением, а покорных среди них отродясь не бывало.

Вот и могли подростки принять за красоту обычную чистоту и ухоженность. Хотя женщины рабской стаи грязнулями вовсе не были, и воды в теплом озерце хватало, но ни одна не забывала мазать сажей лицо и шею, не желая случайно снова попасть в лапы стражников.

Встречавшая их девушка в полотняном сером то ли мужском, то ли торемском костюме оказалась не просто хорошенькой или миленькой, она была по-настоящему красива. Но сначала неотвязно притягивали внимание не черты лица и не стройная фигура, а строгие серые глаза, понимающе рассматривавшие Синка.

– Никогда не груби тем, кто желает тебе добра, оборотень, – мягко посоветовала девушка. – Чтобы потом не ел душу стыд и не пришлось просить прощения. Вот, взгляни.

Бет вытащила из-за ворота дешевый медный амулет и оставила висеть на груди. Хотя и немного обидно оказалось получить условный знак от Доры и сообразить, что самой ей осторожная ведьма так до конца и не

поверила, но не воспользоваться его силой было бы просто глупо.

– Это он, – закивала присевшая у стены женщина с двумя малышами, которых ей помогали нести всей толпой. – Значит, все правда. Идем уже, у меня от голода живот смерзся.

– Идем, – сдался Синк, разом растеряв свой воинственный пыл, и поковылял в сторону прохода.

В пещере все оказалось еще лучше, чем они представляли себе по рассказам словоохотливого Галя. Нежное сияние тысяч крохотных цветов, пышные, по колено, волны мха, рядок небольших круглых чашек на каменной полке у самой стены.

– Умывальня здесь. – Подхватив на руки одного из малышей, Бетрисса торопливо пошла впереди беглецов, отметив про себя, как много среди них женщин и калек. Детей было меньше, чем в прошлой группе, зато все почти младенцы, ни одного старше трех-пяти лет.

Но ничего спрашивать кадетка пока не собиралась, вот поедят, отдохнут – глядишь, и сами разговоятся.

Вернувшись к продуктам, старшина принялась ловко разливать тюрю, прикинув, что детям и женщинам еще хватит, а мужчинам можно будет выдать горшочки, доставленные с плато магов. Но заглянула в полные ожидания глазенки детей и вдруг поняла, как неправильно рассудила. Лучше дать всем поровну одно и то же, чтобы малыши не заглядывали в рот взрослым, учуяв вкусный запах незнакомой еды.

– На первое понемногу тюри, – тотчас изменив свое первоначальное решение, объявила она уверенно, – на второе горячее мясо с овощами. Но детям давайте его понемногу.

Толпа согласно промолчала, однако, получив первые миски, женщины дружно отнесли их устроенным во мху больным и калекам, которые с трудом передвигались сами.

Бет отметила, что нужно помочь им поесть, и, едва закончив раздачу горшочков, прихватила парочку и направилась к самым слабым. Некоторое время озадаченно всматривалась в изуродованное свежими шрамами и ожогами лицо совершенно седого мужчины, гадая, где могла его видеть, затем присела и легонько коснулась рукой худого плеча:

– Обедать пора.

– Спасибо... леди, – приоткрыв глаза, безучастно отозвался он, но Бетрисса уже не могла отвести взора от зеленых, потемневших от боли глаз.

– Мишеле!

– Мы знакомы?

Бет замерла, не зная, как расценить его вопрос. Как шутку или предупреждение?

– Он не все помнит, – на миг оторвалась от своей миски присевшая рядом старуха. – Видно, от пыток память потерял.

– Его пытали? – обмерла герцогиня Лаверно.

– Да уж не по головке гладили, – буркнул Синк, присаживаясь поблизости, и невольно охнул: – А мягко-то как! Как на воле, в свежем сене...

А Бетрисса лихорадочно думала о другом. Имя Мишеле Хангро с недавнего времени стало запретным в их маленькой компании. Октябрина напрягалась струной и становилась язвительной, стоило кому-то из них хотя бы вскользь упомянуть незадачливого графа. Кадетки сразу сообразили, как неприятно ей любое напоминание о том совершенно незначительном эпизоде, и дружно исключили эту тему из своих разговоров. Дружба, которую они обрели так неожиданно для себя, была дороже всего, и не стоило испытывать ее на крепость из-за какого-то рыжего шута.

Но теперь все переменялось. Как выясняется, граф Хангро не сбежал от позора и не отсиживается в имении дедушки, заедая неудачу пирогами под домашнюю наливку. Он каким-то образом попал в лапы чернокнижников, и нетрудно догадаться, о чем его расспрашивали. Но ничего узнать не сумели, судя по его побелевшей шевелюре и следам пыток. И такого Мишеле ни в коем случае нельзя показывать Октябрине, она вполне может вообразить, будто граф пострадал из-за нее.

Чувство жалости само по себе прекрасно, если не влечет за собой кичливости или вины, но лучше не проверять, на какие жертвы может решиться Октябрина, увидав вот такого избитого и беспомощного рыжика. Хотя теперь уже блондина... если права легенда, утверждающая, что седина, полученная от страха или потрясения, остается с человеком навечно. И значит, сейчас Бетрисса должна придумать, как провести Мишеле мимо Окти.

– Еще, – одобрительно улыбнулась кадетка проглотившему немного тюри графу, – раненым нужно хорошо питаться.

– Очень вкусно, – вежливо похвалил он, решительно отводя в сторону ложку. – Отдайте детям или женщинам, тут есть будущие матери. Им нужно питаться еще лучше.

– Хорошо, – не стала спорить Бет и передала горшочек женщинам.

Не следует показывать ему свое особое отношение и спешить тоже не нужно. У нее есть по крайней мере четыре часа до того момента, как они пустятся в путь. И почти сутки, пока он добредет до приюта, где работает

Октябрьна.

Бетрисса легко поднялась на ноги и отправилась в обход, хорошо зная со времен своей работы в госпитале, как терпеливы и деликатны по-настоящему больные люди. Ноют и скандалят обычно те, у кого раны незначительны, скорее от скуки и нетерпения.

Вскоре ей удалось уговорить беременных переодеться в костюмы кадеток и выбрать себе по шали; в еще не поросших мхом каменных тоннелях было прохладно и сквозил сырой ветерок. Потом Бетрисса помогала умыть детей, перевязывать раны и смазывать ссадины.

А к тому времени как все устроились и спокойно уснули, она уже точно знала, что делать. И сначала написала письмо Тэри, попросив в дополнение к тем простым зельям и мазям, какие были в каждом приюте, прислать снотворные и успокаивающие. А потом словно вскользь упомянула о Мишеле. И о том, что не помешало бы ему пару дней отдохнуть здесь, у нее под присмотром.

Лишь в юности, передавая тайком записки своему первому любимому мужчине, Бет ждала ответа с таким же нетерпением. И, получив туесок с зельями и послание воспитанницы, вздохнула с облегчением. Она оказалась права, Тэри сразу все поняла и думала точно так же. Более того, она предложила, чтобы не насторожить графа, оставить вместе с ним еще несколько самых слабых беглецов. А объяснить им это просто: они теперь в безопасности и ни один преследователь уже не сможет догнать. Значит, могут спокойно подлечиться и не спешить, к тому же вскоре придет новая группа.

– Ну да, – успокоенно кивнула сама себе герцогиня Лаверно, разбирая присланные снадобья, – цветку сейчас нужнее всего энергия, а граф Хангро всегда был чистокровным человеком.

Непонятно только, почему именно его чернокнижники выбрали в жертву. Или есть еще какие-то тайны, пока неизвестные ей?

Глава шестнадцатая

О том, как и где проводят время два возсака оборотней

– Хочешь чашечку кофе или лучше хорошего горячего бульона?

Вопрос прозвучал так издевательски безмятежно, что Рад невольно ухмыльнулся.

– У тебя просыпается склонность к изуверским шуткам, – буркнул он, не оборачиваясь, и невольно насторожился, расслышав звяканье ложечки.

– Никогда ни одному маглору-первогодку, а тем более прошедшему практику в человеческих землях старшему магистру, не придет в голову шутить такими вещами, – нравоучительно сообщил Иридос. – Это отличительная черта чистокровных людей.

– Я к ним не отношусь, – едко напомнил Шаглайн и наконец повернулся на своем невидимом ложе.

Как выяснилось, управление воздухом было вторым из главных умений главы дома ди Тинерд. Хотя и все остальные стихии подчинялись ему почти так же, успел ведьмак насмотреться за эти дни. И очень явственно осознать, насколько труднее приходилось выживать здесь оборотням, которые попадали в рабство, не имея умений Иридоса и разнообразных зелий и амулетов, которыми дракон предусмотрительно запасся на плато.

– У меня есть святое правило, – спокойно объяснял он, заставляя напарника надеть кожаную безрукавку, изготовленную так точно по его фигуре, что даже самый придирчивый взгляд не смог бы найти мест соединения с живым телом. – Уходя на битву с врагами, брать с собой оружие и защиту на всяческие случаи, даже самые невероятные. Я обязан сделать все возможное и невозможное, чтобы моей любимой не пришлось плакать.

Дирард помалкивал. Он и сам старался придерживаться того же правила, только возможности у него до этого момента были намного скромнее. Оружие да несколько флаконов с зельями, в остальном приходилось надеяться только на собственную ловкость и полученные в наследство способности. Довольно слабые по сравнению с чистокровными оборотнями и почти ничтожные рядом с пустынным драконом. Хотя от облика животного, повлиявшего на особый дар мага, Иридосу достались

лишь появляющиеся в моменты опасности когти да чешуя, зато были они крепче стальных.

– Не относишься, – согласился в ответ удобно сидящий в воздушном кресле дракон. – Но думать все же привык как человек, лишенный малейших способностей.

И невозмутимо откусил кусок чего-то румяного, восхитительно пахнущего мясом. Они не голодали все эти дни, как считали тюремщики, притащившие в карцер захваченных ловцами оборотней, якобы пытавшихся заработать на контрабанде торемского кружева. Карцером у чернокнижников называлась невообразимо грязная, холодная пещерка с кованой решетчатой дверцей, обтянутой для верности гномьей сетью.

Оказавшись в этом отвратительном помещении, Дирард даже не сомневался, что придется сполна испытать все тяготы и унижения, через которые прошли все прочие пленники.

Однако очень правдоподобно постанывающий Иридос, брошенный кулем на истоптанное дно пещеры, успел в последний миг создать невидимые воздушные тьюфыки, избавившие избитое тело от удара об пол. Хотя и тут им досталось намного меньше всех остальных. Ловцы, первым делом нацепившие на новых жертв ошейники покорности, даже не догадывались, что оба оборотня закрыты хитрыми щитами и все украшающие их синяки и царапины – по большей части лишь иллюзия.

Как и все бледнеющие коконы. Иридос снял с ошейников заклинания принуждения, едва тюремщики ушли подальше.

– Что ты ешь? – сел на своей воздушной перине Рад, и она тотчас превратилась в кресло.

– Обжаренный на углях мясной рулет. – Иридос указал на блюдо, стоящее на маленьком столике.

– А эти... не увидят? И не учуют?

– Сегодня утром я получил послание от последних ментальных шпионов... ну, ты знаешь. Они закончили внедрение в сознания тюремщиков. Стражи по-прежнему нас видят и слышат, но действовать будут по моему приказу.

– Так почему мы сидим?

– Завтракаем. Потом будет некогда, действовать придется очень быстро. Я не желаю допустить ни одной ошибки. Поэтому хочу дождаться начала смены, когда все надзиратели соберутся на утреннюю проверку. А пока заказывай все, чего хочется, и объясни мне одну вещь.

– Какую? – насторожился Рад, подвигая к себе блюдо с кусками румяного мяса.

– Я дал себе слово больше никогда не спрашивать тебя о сирене... – дожевав кусок, неохотно начал дракон, рассмотрел сразу закаменевшее лицо напарника и мрачно буркнул: – И твердо собирался его сдержать. Но она появилась в этом подземелье, я на всякий случай всех приближенных королевы пометил своими маячками.

– Где? – Ведьмак мгновенно забыл и про мясо и про холодок, возникший между ними минуту назад.

– Далеко, где-то в глубинах горы. Она там уже несколько дней, и я запланировал ее спасение на самый конец операции. Но два дня назад произошли изменения, я даже не поверил своим амулетам, послал магического поисковичка. Теперь в дальних пещерах появились остальные фрейлины, или кадетки, как вы их зовете. И поэтому я хочу услышать твое мнение – как и зачем она могла прийти сюда и сманить подруг?

– Не могла она никого сманить нарочно, – процедил сквозь зубы разбойник. – Только если ее обманули или шантажировали. И сама тоже пошла только поэтому... у нее честность в крови.

– У нее много чего в крови, – непонятно буркнул Иридос. – Но я и сам так думал. Спросил на всякий случай.

– А твой поисковик... он не сообщил, в каком она месте? И как с ней обращаются?

– Он не может вернуться, ведь это всего лишь шарик энергии, выполняющий задание найти маячок. И как только находит, сразу сгорает. И по этой вспышке, которую ощущает мой амулет, я понимаю, что он нашел нужный предмет или существо. А ты ешь получше, иначе никуда не возьму.

– Несмешная шутка, – огрызнулся Рад и принялся жевать, но лицо его с каждой минутой становилось все мрачнее.

– Лучше бы ничего тебе не говорил! – вдруг взорвался досадой магистр. – Давненько я так не ошибался!

– Ты это о чем?

– О твоём равнодушии. Ты очень здорово умеешь держать в узде собственные чувства. Я даже огорчился, от души жалел девушку... Думал, она влюблена безответно. А оказывается, это ты по каким-то своим хитрым соображениям изображаешь каменного истукана.

– Ир! – стиснул побелевшие губы тайный советник. – Ты сейчас снова лезешь в мою душу сапогами!

– Скажи лучше, мясницким ножом грубо ковыряю твои наболевшие раны, будет больше похоже на те ощущения, какие я испытываю по твоей вине, – зло зарычал дракон. – И за что мне такое наказание? Одна все

сердце издергала мукой, другой – как под пытками палача... Вы поговорить, разобраться в своих чувствах не пробовали? Очень помогает, по собственному опыту знаю. Тоже был полным дураком в свое время!

– Сочувствую, но меня это не касается. Я давно во всем разобрался и принял решение. Лучше сейчас немного потерпеть, чем потом мучиться всю жизнь.

– Кому из вас? – заинтересованно глянул дракон, но обозленный его бесцеремонностью ведьмак не заметил или не пожелал замечать этой шпильки.

– Разумеется, ей. Ты просто не знаешь, как тщательно я их выбирал, нужно было, чтобы совпало несколько важных черт характера и привычки. Доверить безопасность дорогих мне людей кому попало я не имел права.

– Неужели сам ходил по замкам и поместьям?

– Ходил... но спасибо Году, он открывал порталы. Да, я понимаю, что это чрезмерное расточительство, но враги наступали на пятки, и прежде чем браться за них, я должен был найти помощниц Фанье. Мужчины, конечно, были бы надежнее, но их проще перекупить и переманить, и кроме того, они легко раскусили бы наш обман. Ведь я до этого несколько лет числился всего лишь мало кому известным капитаном Радо Станвелом, командиром отряда разведчиков.

– Слышал я это имя и даже хотел познакомиться, – с досадой буркнул маг и протянул напарнику свежую чашку кофе. – Но чем же отпугнула тебя маркиза Ульгер?

– Ничем, – устало усмехнулся разбойник и некоторое время спокойно завтракал, неторопливо запивая горячим напитком появляющиеся на столе все новые блюда. И вдруг поднял на примолкшего дракона полный горечи взгляд и обреченно вздохнул: – Она пела, когда я в первый раз проник в их сад. Ты знаешь, что такое ее пение для оборотней? Ведь я пробирался через кусты и стены в виде зверя – специально копил силу. Да и собак так проще заставить молчать. А у нее песня, как назло, о любви. Прислуга плачет навзрыд, маменька с папенькой тяжело вздыхают, даже Бетрисса с платочком в руках. И я тоже... готов был на брюхе ползти. Потом опомнился, вышел из кустов человеком, пошутил, монетку выпросил. И, каюсь, впервые с тех пор как бродил по дорогам Дройвии и Ардага, снял щит со своего обаяния. Впустую, она даже интереса не проявила.

– Откуда ты знаешь? Может, потом накатило? – нахмурился дракон. – Зато сейчас она смотрит только на тебя!

– Ты мне глаза открыл, – огрызнулся ведьмак и снова надолго смолк.

Дракон терпеливо ждал, не жалея ни о потраченном времени, ни об

отсрочке своих планов, точно зная – второй раз вызвать напарника на разговор не удастся.

– Въедливый ты, как клещ, – наконец не выдержал Рад и, вздохнув, нехотя признался: – Вернулся я тогда... не сумел сразу уйти. Прокрался на крышу и следил. А она играла с сестренкой-калекой и рассказывала ей про балы, про наряды, танцы, фейерверки. И обещала, когда выйдет замуж, забрать Сюзи с собой и возить на все приемы и празднества. И такая горькая тоска звучала в ее голосе... я сразу понял, какой она представляет в мечтах свою будущую жизнь. А я всегда ненавидел столицу, дворец и шумную толпу бездельников, мне там душно и тошно, ради матери и братьев и то еле терплю. А увезти ее в Шаграйн – значит, украсть у человека заветную мечту, на это я никогда не пойду. И никогда больше меня о ней не спрашивай, если хочешь остаться другом.

– Ты прав, я могу быть очень въедливым. – В голосе дракона прорезался грозовой рык, а на щеках сеточкой наметились линии чешуек. – И дружбой с тобой дорожу, это ты тоже верно заметил. Но никогда не отступаю, когда вижу, как люди из-за своих предубеждений или неверно истолкованных слов мучают других. На себе сполна испытал, куда могут завести такие заблуждения. Проснулся как-то ночью и вдруг ясно осознал, как едва не потерял из-за недопонимания свое счастье. Если бы не подслушал однажды, как она плачет... но об этом никому не говорил и тебе не буду. Просто спрошу ее и тогда буду знать, прав ты или нет.

– Только попробуй! – зашипел ведьмак рассвирепевшим тигром. – Не посмотрю, что ты маг. На всю жизнь запомнишь...

– А я ведь и ответить могу. – Иридос вмиг оказался на ногах и одним мановением пальца отправил в никуда и стол, и все, что на нем стояло. – И никакой магией пользоваться не буду. Но над девушкой издеваться не позволю. Слышал, как ты за ней по скалам лазил, как хвостом возле ног вилял, а теперь говоришь, что обаяние не подействовало? Ну, может, в первый раз и не достало, так ведь тогда ты ей рук не лизал? А вот во второй точно одурманил – и теперь не имеешь никакого права просто так от нее сбежать. Ты вожак, и хочешь – не хочешь, но обязан исполнять наши законы.

– Ты думаешь, я мечтал стать вожаком? – взвился Дирард. – Да мне дед этот пояс насильно всучил! И я бы сам его тебе отдал, но они обидятся, и дед, и Дун! Но жить все равно буду так, как захочу... и не лезь в мою душу, говорю в последний раз!

– Да предупреждай сколько угодно, – язвительно фыркнул дракон и небрежно оттолкнул ведьмака в сторону. – Я тоже всегда делаю только то,

что сам нахожу нужным. А в этот раз собираюсь доказать, как ты не прав.

– Тогда защищайся!

Стремительно выброшенный вперед кулак впечатался в скулу не успевшего увернуться дракона, а в следующий миг мощный ответный толчок отбросил Рада к стене. Но тот и не подумал сдаваться, налетел как вихрь, нанес пару обидных, хлестких ударов по плечам и подбородку и ускользнул от почти сомкнувшихся на его торсе рук напарника, в один миг ставшего врагом.

Минуты две ему удавалось дразнить дракона и ускользать, потом удача улыбнулась Иридосу. Он прижал-таки изворотливого барса к стене, но тот успел пнуть его в щиколотку и вынырнуть из-под руки. Однако маг цепко ухватил его за куртку, и вырваться Раду не удалось. А через миг и вовсе не повезло поскользнуться на сыром, заплесневелом полу. Они рухнули вместе и, катаясь по вонючей грязи, продолжали тузить друг дружку так истово, словно от этой схватки зависела чья-то жизнь.

Наконец дракону надоело, и он накрепко спеленал противника воздушной плетью. Полежал, восстанавливая дыхание, на упругом коконе, в котором с бессильной яростью дергался тайный советник тальзийской королевы, затем посмотрел на свою испачканную ладонь и легко мазнул пятерней по лицу напарника, оставляя грязный след. Полюбовался, тяжело вздохнул, с явным отвращением провел той же ладонью по своим щекам и, легко вскочив на ноги, убрал путы.

– Не надейся, что я добровольно сниму пояс вожака, – с ненавистью рыкнул Дирард, вмиг оказавшись напротив. – Ты победил нечестно.

– Вообще-то по правилам оборотней можно использовать все умения. Не допускаются только ядовитые и запретные зелья и ловушки, хотя темные ведьмаки этого закона не придерживаются. Вожак должен быть сильнейшим и хитрейшим. Но твой кинжал мне не нужен – свой таскать надоело, у меня в нем уже пять лезвий собрано. Не обтирайся! Ты должен выглядеть как обычный оборотень, просидевший в этой грязи семь дней.

– Так ты нарочно меня довел, – недобро прищурился ведьмак, мгновенно сообразив, как легко попался в простую ловушку.

– Просто мне намного приятнее чувствовать твою злость, чем тоску, – прямолинейно объяснил маг, осторожно создавая ладонями нечто, пока невидимое. – И кроме того, в таком настроении люди обычно ведут себя осторожнее и бдительнее. А нам ошибаться нельзя. Теперь слушай первую задачу. Сначала мы должны добраться до самых нижних шахт, где работают наказанные. Как ты понимаешь, там самые дерзкие и нестигаемые. Их гибели я себе не прощу. Готов? Они уже на подходе.

– Готов, – яростно прошипел ведьмак и тихо добавил: – Но не жди, что я позабуду твою шутку.

– Это была не шутка, а подготовка к вылазке, физическая и моральная, – невозмутимо пояснил дракон и, прекращая разговор, предупреждающе зашипел: – Тшш!

Потом резко опустил руки, и в воздухе разлилась невыносимая вонь. Только теперь Раду стало понятно, чем занимался маг в эти мгновения. Снимал защитный воздушный шатер, в котором они жили с того момента, как попали в этот карцер, полностью огражденные от его грязи и смрада.

Он невольно поморщился, но тотчас состроил самое равнодушное выражение, сообразив, что за несколько дней должен был уже, по меньшей мере, привыкнуть к холоду и грязи и сломаться окончательно.

За решеткой появилась одетая в черное мужская фигура, и Рад почти сразу обостренным магическим зрением опознал в надзирателе оборотня. И невольно скрипнул зубами, припомнив, как чуждо это ремесло магам, имеющим дар оборота. Кокон дает скорость и ловкость, более тонкий слух и нюх, но берет за это свою цену. Нелюбовь к большим городам и толпам людей за постоянный шум и засилье насыщенных запахов, особенно дыма ремесленных кварталов, вони конюшен, скотных дворов и боен.

Но особую неприязнь они испытывают к закрытым пространствам, глубоким пещерам, шахтам, катакомбам. Там оборотни сразу чувствуют себя оглохшими и потерявшими нюх, а кроме того, лишаются постоянного притока легкой магии, растворенной в воде и воздухе. А подземные источники, подобные расположенным под Синими скалами, весьма редки, и искать их так же сложно и накладно, как и опасно. Слишком многим нужна энергия, и источник вполне может оказаться уже занятым кем-нибудь сильным, но далеко не настолько добрым, как маги плато.

Вот потому-то никому и в голову не пришло связать исчезновения оборотней-проводников и контрабандистов с тайными делишками чернокнижников. Ведь те далеко от источников никогда не уходят, а оборотни туда нос не суют.

– Выходите, – повозившись с запором, мрачно буркнул надзиратель и страдальчески поморщился, когда мимо него покорно прошествовали грязные и вонючие пленники.

Рад плелся по очень узкому и низкому тоннелю следом за магистром, и из-за его широких плеч не видел, куда они шагают, зато мог рассмотреть стены и сделать неожиданные выводы. Этот проход не был природным, промытым водой или проточенным ветрами; не касалась его и кирка гномов. Камень словно вытек растопленным маслом или растворенный

мощным алхимическим зельем. Но сколько же его нужно было, чтобы прорезать в толще скалы проход длиной в два десятка шагов?

– Проклятье, – вдруг негромко охнул Иридос и тотчас униженно объяснил кому-то: – Сильно стукнулся локтем.

«Комедиант», – с хмурой усмешкой фыркнул про себя Рад, точно знавший, что ничего дракон не ушибал. Он вообще двигался с изяществом воина, неустанно тренирующего мастерство ближнего боя и преодоления ловушек. А якобы сорвавшееся у него с губ словцо – вовсе не ругательство, а предупреждение о непредвиденном обстоятельстве.

И вот это было тем самым случаем, в который напарники не верили, перебрав вместе с магами плато все самые невероятные ситуации. Но именно к нему они и готовились больше всего, так как все остальные варианты развития событий продумали детально и отрепетировали в созданном магистрами иллюзорном лабиринте.

Что-то плотное скользнуло Раду на торс, и, коснувшись ладонью невидимой лианы, ведьмак с огорчением сообразил, что Иридос начал действовать. В том случае, на какой у них не было точного плана, глава дома ди Тинерд становился в их паре командиром, имеющим право единолично выбирать пути и способы выполнения принятого им же решения.

А сам Рад теперь – только помеха и должен стать бестелесной и безмолвной тенью, главная задача которой – не мешать магистру спасти их собственные шкуры. И только попутно, ни в коем случае не рискуя собой, можно прихватить и рабов. Им обоим пришлось дать честное слово верховному совету магов плато. А иначе старшие магистры их сюда и близко бы не подпустили. Убедился советник в мощи старейшин, когда те снаряжали напарников в эту вылазку. Да и то согласились на этот план лишь после того, как убедились – чернокнижники больше никого не берут в рабство, кроме оборотней. Потому-то Годренсу пришлось возвращаться в Карстад и заниматься своими прямыми обязанностями.

Тоннель резко свернул, и они оказались в высокой, хорошо освещенной ведьминым мхом пещере. Ведьмак поспешил чуть отступить в сторону, желая как можно скорее рассмотреть, кто именно нарушил все их планы. И замер в недоумении, не веря своим глазам и не желая напрасно обвинить напарника в оплошке. Ничего опасного не почуял он ни в одном из людей, сидящих у маленького столика, накрытого скорее к завтраку, чем к обеду. Ни в круглощеком полукровке средних лет, сыне двух рас, гномьей и человеческой, ни в молодом голубоглазом мужчине, оказавшемся чистокровным человеком. Хотя он и носил черный костюм алхимика,

однако выглядел добродушным и простоватым провинциалом. Обычно люди с такими лицами любят хорошо поесть и повеселиться и не устраивают ловушек на оборотней и заговоров против королей.

Третьей была немолодая женщина в простом темном ситцевом платье и с вязаной шалью на плечах, похожая на няню или сиделку.

Но почему-то именно к ней и обратился доставивший пленников надзиратель:

– Вот они.

– Вижу, – буркнула незнакомка небрежно. – Отправь-ка их купаться. Да дверь прикрой поплотнее, сквозит.

– Я сам, – поднялся с места голубоглазый, и его губы искривила коварная, предвкушающая улыбка, вмиг абсолютно изменившая круглощекое лицо.

Внимательно следивший за ним Рад с огорчением рассмотрел промелькнувшую во взгляде жестокость избалованного ребенка, привыкшего исполнять исключительно свои прихоти и не умеющего, да и не желающего считаться более ни с кем. Такие люди признают только родителей, и то лишь до тех пор, пока у тех хватает денег и сил, чтобы исполнять желания обожаемого чада.

Теперь ведьмак был почти убежден, что женщина ему нянька или бабушка, а возможно, и мать, хотя в последнее он предпочел бы не поверить.

Надзиратель подтолкнул пленников и почти бегом побежал впереди них к другому выходу из пещеры, широкому и неровно выломанному кирками шахтеров. Напарники шли не спеша, старательно изображая измученных голодом, жаждой и ошейниками оборотней, мечтающих только о самых простых вещах и старающихся не упасть, а чернокнижник легко шагал позади, насвистывая что-то веселое.

– Пошевеливайтесь, грязные псы! – высокомерно прикрикнул он, когда пещера осталась позади. – Простых заклинаний чистоты не могли выучить, скоты ленивые.

Что-то в этом восклицании показалось Раду неправильным, лживым, а когда и магистр едва слышно фыркнул, ведьмак убедился в своей правоте.

Иридос слышит ложь, значит, все происходящее не так однозначно, как представлялось ему там, в пещере.

Идти пришлось довольно далеко, и голубоглазый алхимик всю дорогу развлекался тем, что придумывал пленникам различные прозвища и обвинял их во всем, что приходило ему на ум. Рад очень скоро перестал обращать внимание на вьедливый, слегка гундосый голос, все жарче

упрекающий безропотных рабов в придуманных прегрешениях.

Вдруг шедший впереди надзиратель посторонился и буквально вжался в стену грубо вырубленного тоннеля, пропуская подопечных вперед.

– А ты чего там прячешься? – тотчас взъелся на него чернокнижник. – Иди, показывай им дорогу.

– Так вы же лично хотели? – в голосе оборотня глухо прозвучала застарелая тоска, но перечить он не решился.

Снова двинулся вперед, вжимая голову в плечи и шагая осторожно, будто дикий зверек, готовый в любой миг опрометью ринуться прочь.

А извилистый, как мелкая речушка, тоннель вдруг закончился, словно распахнулись широкие ворота, открывая самое необычное место из всех, виденных когда-либо Дирардом. Довольно большая пещера была настолько неудобна и замысловата, что казалась жестокой выдумкой злого колдуна. В свете нескольких клочков ведьминога мха со всех сторон виднелись уступы, лазы, карнизы и спуски. Тут легко можно было заблудиться между горами камней, природными колоннами самой причудливой формы, различными по высоте и глубине нишами, гротами, трещинами и провалами.

К одной из этих дыр и привел их тюремщик, встав в сторонке с таким упрямым выражением на неестественно бледном лице, что всем стало ясно: он лучше умрет, чем сделает еще хоть один шаг вперед.

– Шелудивый пес, – пренебрежительно плюнул в него чернокнижник и указал оборотням на шаткие деревянные мостки, ведущие вниз: – Туда! И не возвращайтесь, пока не отмоешься до блеска! Дорогу назад найдете сами.

В его голосе почти откровенно звучало злое торжество, но Рад пока не мог понять, с чего это он так веселится.

– А можно спросить... господин, – вдруг тихо выдавил Иридос, – кто вам та женщина?

– Служанка, – с наигранным равнодушием буркнул алхимик, и ведьмак подавил ехидную ухмылку.

Судя по пренебрежительно изогнувшимся губам магистра, ответ был неверным.

– Это хорошо, – кротко ответил он и первым шагнул к мосткам.

– Почему? – вдруг заволновался голубоглазый, но Иридос, казалось, уже забыл о нем.

Уверенно шагал вниз по спирально спускавшимся в неизвестность ненадежным мосткам, легко перескакивая дыры от свежeweломанных досок, и невидимой воздушной лапой уверенно тащил за собой своего

напарника.

Рад сердито сопел, но не сопротивлялся, точно зная, насколько это бесполезно. Зато можно было не смотреть под ноги и не держаться за веревочные поручни, связанные узлами во многих местах.

– Треснутая пентаграмма, – внезапно яростно прошипел Иридос, когда они спустились в провал на целый виток. – Так вот ради чего этот шакал пришел с нами!

– Ничего не вижу и не понимаю, – холодно процедил сквозь зубы ведьмак, и вожак зеленодольских оборотней тотчас встал как вкопанный:

– Сейчас поймешь. Глянь наверх.

Дирард поднял голову и с минуту озадаченно рассматривал растянутую под сводами пещеры, прямо над ними, гномью сеть, наполненную осколками камней. Раньше, в самом начале спуска, ее невозможно было рассмотреть из-за нависающих со всех сторон выступов и темноты. Но теперь, снизу, из мрака провала, освещенная бледным сиянием ведьминога мха, сетка была видна очень отчетливо.

Советник пока не мог и предположить, кому и ради чего понадобилось ее там привешивать, но, судя по ненависти, сверкавшей во взоре желтоватых глаз дракона, нужна она была вовсе не для защиты подземных жителей от случайных камнепадов.

– Извини, я бы и сам не догадался, но на днях подслушал один разговор, хотя в тот момент ничего не понял, – примирительно выдохнул маг. – Как только мы пройдем немного дальше, они дернут рычаг, и эти камни посыплются на нас. Так проверяют, на самом деле оборотень уже обессилел и до предела истончил свой кокон или пока притворяется. Ведь никто не станет беречь резерв, когда на него катятся камни. Жизнь дороже.

– А если камень попадет в голову? – помрачнел Рад. – Или ломает позвоночник?

– Боюсь, – покрываясь сеточкой чешуек, свирепо прошипел его напарник, – никто из здешних хозяев не прибежит лечить или спасать неудачливых волков и медведей. Слабые и неловкие тут не нужны. Хотя, возможно, остальные чернокнижники и не знают о развлечениях этой семейки.

Договорить он не успел – над головами раздался протяжный скрип несмазанного механизма, и по верхним ступеням глухо застучали первые камни.

– Бежим! – было первым, интуитивным порывом Дирарда, но воздушная лапа не отпустила.

– Подождем, – с недоброй ухмылкой покосился наверх глава дома ди

Тинерд, продолжая неторопливо идти вперед. – И не волнуйся, на нас не упадет ни песчинки.

Рад это и сам уже понял – камни пролетали мимо его лица и рук, чудесным образом не касаясь даже одежды. А вот облачко прохладного тумана, принесшее аромат летнего рассвета, скользнуло по коже прохладным листом подорожника и растаяло вместе с вонючей грязью, мгновение назад покрывающей стиснутые кулаки ведьмака.

– Не выношу этот запах, – не оборачиваясь, буркнул Иридос, и его напарник насмешливо фыркнул в ответ:

– Прощаю.

– Ехидный ты, – не остался в долгу дракон, мельком глянул наверх и деловито пояснил: – Злится. Любимого зрелища не увидел. Сейчас попробует добавить камушков... и трос порвется.

– А потом? – затаил дыхание ведьмак, представив, как на них лавиной срывается сдерживаемая сетью куча камней.

– Нас сметет вниз и засыплет, – невозмутимо пообещал уверенно шагавший вперед маг. – Надеюсь, мостки не устоят. Нужно, чтобы никто не захотел лезть нас откапывать. Хотя для полной уверенности вполне могут послать кого-то из шахтеров.

– А, – глубокомысленно поддакнул Рад, – так это же совсем другое дело.

– Хороший из тебя со временем выйдет вожак, – искренне похвалил дракон и коварно ухмыльнулся: – Как только поумнееешь и поймешь, что самая главная ценность в жизни – это любовь.

– С чего ты решил, будто я этого не знаю? – зло рыкнул вмиг вскипевший ведьмак и с досадой добавил: – Вот зря я тебе рассказал, ничего ты не понял, хотя и маг.

– Ну конечно, я совсем дурак, – ухмыльнулся его напарник и как-то буднично предупредил: – Сейчас полетим.

Доносившийся со всех сторон перестук падающих на доски камней внезапно превратился в бешеную пляску шквалистого града, но оборотней на мостках уже не было. Стремительно, обгоняя камни и пыль, они неслись вниз, и советнику, прижатому воздушным щитом к горячей спине дракона, казалось, будто камни вдруг потеряли вес и падают рядом с ними неторопливыми пушинками, а неровные стены провала несутся назад, как дорога под копытами коня, сорвавшегося в карьер.

Но это длилось всего несколько мгновений, потом спуск закончился, и лазутчики оказались перед узким лазом. Другого пути, кроме этой дыры, здесь не было, и Иридос без раздумий направил туда давно

усовершенствованные им воздушные сани. Теперь они были закрыты со всех сторон и могли по желанию хозяина вмиг менять форму, становясь то узкими, то круглыми, то вообще веретенообразными. Вот в таком веретене напарники теперь и лежали друг за другом, ускользя от несущейся следом лавины, спущенной обозленным чернокнижником на слишком смелых пленников.

То ли проход, то ли грубо пробитый штрек окончился в небольшой пещере, слабо освещенной клочком мха, засунутого в черепок от горшка. Некоторое время оказавшиеся посредине каменного мешка лазутчики осматривались, бдительно изучая скудные примечательности этого места. Желтоватый налет на стене, по которой откуда-то стекали редкие капли, мелкая лужица на полу и щель, куда набравшаяся вода уходила едва заметной струйкой. Вокруг лужицы насыпь серого, с тем же желтоватым налетом песка, истоптанного чьими-то ногами.

Значит, они тут не первые, и чернокнижники всегда устраивают проверку пойманным оборотням, сделал очевидный вывод Рад и внезапно осознал, что все звуки исчезли и наступила невероятная тишина. Замер устроившийся в любимом воздушном кресле Иридос, не гремели катящиеся по провалу камни, не трещали доски и не шуршал осыпающийся со стен песок.

На миг ведьмаку показалось, будто он оглох после грохота камнепада, и Рад огорченно хмыкнул, тут же осознав свою ошибку. Все он слышал, просто снаружи больше не доносилось ни единого шороха. И это могло значить лишь одно: их завалило основательно. Странно только, почему так равнодушно отнесся к этому безрадостному событию дракон? Верховные магистры на прощание очень серьезно пригрозили начать штурм гномьих шахт через три часа после того, как от Иридоса перестанут приходить вестники.

– Ир, – осторожно напомнил о себе ведьмак, – с тобой все в порядке?

– Посиди, выпей кофе, – отстраненно буркнул тот и снова погрузился в свои мысли.

Однако не забыл создать рядом с Радом синеватое воздушное кресло и накрытый к чаепитию столик.

– Приятно так спасать рабов, – тихонько съязвил Дирард и нехотя шлепнулся на сиденье. – Сиди и пей целыми днями кофе со сливками и пирожками.

– Если есть свободное время и возможность перекусить, то глупо этим не воспользоваться, – дал понять, что все слышит, магистр. – Тем более что очень скоро нам будет не до еды. Как только поблизости найдется не

залитая водой пещера или какая-нибудь выработка, отправимся в горячие шахты. Этот злобный дурак, сам того не желая, очень сильно упростил нам задачу.

В тот момент Рад ему поверил, но через пару часов, во время которых Иридос, все мрачней, продолжал безмолвно посылать куда-то своих крохотных разведчиков, ведьмак уже не сомневался, что дракон сильно ошибся, когда принял решение добровольно влезть в эту ловушку.

– Ир, – наконец не выдержал он, – может, мне пора уже начинать разбирать завал?

Дракон промолчал, сделав вид, будто не услышал этого предложения, но минут через десять, устало откинувшись на невидимую спинку своего кресла, вдруг очень мягко произнес:

– Извини. Но это мы попытаемся сделать в самую последнюю очередь. И не из-за моего упрямства, просто там сорвало крепления, и провал засыпало доверху. Оказывается, когда-то гномы делали для чернокнижников прямой проход к шахтам, и породу по их приказу высыпали в старый ствол. Вниз от него пробили отвод к этой проклятой сети, и каждый раз, когда ее приоткрывали, высыпалось немного породы. Спасшихся оборотней обвиняли в неаккуратности и заставляли выносить наверх все камни и чинить мостки. Старались окончательно сломать в рабах тягу к свободе, сопротивлению и пресечь попытки мятежа или бегства.

– Откуда ты столько знаешь? – подозрительно прищурился ведьмак.

– Слушаю ругань ведьмы и ее сыночка... они чуть не передрались возле засыпанного провала. Поэтому и знаю, что разобрать завал снизу невозможно, его и сверху расчистить не получается. Как только они убирают хоть один камень, на свободное место сверху сыплются новые.

Рад слушал напарника молча, твердо задавив всплеск невольного отчаяния. Паниковать не стоит в любом случае, безумство еще никого и никогда не привело ни к чему хорошему. В крайнем случае будут ждать магистров плато, которые скоро начнут штурм. Ведь отпущенный на отправку вестника предельный срок должен истечь с минуты на минуту.

– Ты молодец, – похвалил магистр, и ведьмак снова насторожился.

Пока еще ему не довелось слышать, чтобы дракон в глаза говорил кому-нибудь такие лестные слова. Он хмуро покрикивал даже на мальчишек-оборотней, смотревших ему в рот и по первому взгляду бросавшихся исполнять еще не высказанные указания вожака. А заметив неодобрение в эмоциях гостя, Иридос сердито рыкнул, что и сам не калека, но больше всего не терпит в оборотнях угодливости. И вообще, они –

будущие хозяева своих земель, а не замечают репьев, вымахавших возле Горянки в человеческий рост, овцы к осени все в колтунах будут.

И юные волки со счастливым блеском в глазах похватали рубаки и помчались на бой с сорняками.

Глава семнадцатая

О самых необычных способах передвижения по горным недрам и преодоления препятствий

– Мы, конечно, можем попытаться отсидеться тут, – помолчав немного, безнадежно вздохнул Иридос, – но нет полной гарантии, что нас найдут быстро. Тем более если магистры начнут штурм. Ведьма с мужем – это тот полукровка – тут вроде старших надсмотрщиков и приезжают раз в декаду, забрать ценные камни и зелья. Взамен приводят несколько вьючных лошадей с самым необходимым. Сначала я решил, что нам повезло, отсидимся несколько часов под завалом и незаметно ускользнем, как только они снимут охрану, сочтя нас погибшими. Однако я просчитался. Как все черные ведьмы, она очень подозрительна и хитра. И сразу что-то заподозрила, едва мы вошли в пещеру. Я почуял резкий всплеск тревоги, но она постаралась успокоиться и больше ничем себя не выдала. Поэтому и не поверила, что державшая сеть лебедка сломалась случайно.

– Ты же сам сказал, что добраться до нас они не могут? – нахмурился Рад.

– Руками. Но у них достаточно мерзких зелий и воды. Камни лежат достаточно плотно, чтобы не пропустить ни звуков, ни свежего воздуха, но вода сквозь них просочится легко. Конечно, я могу ее заморозить или превратить в пар. Но тогда тут будет или очень холодно, или душно, да и ведьма сразу поймет, что мы живы и далеко не просты.

– Что же ты решил? – Задавая вопрос, ведьмак был совершенно уверен, что Иридос знает на него ответ. Иначе он вряд ли завел бы этот разговор.

– У меня есть заклинание сжатия. На небольшое время можно проделать проход в любой породе, но, как ты сам понимаешь, песок и рыхлая почва сжимаются легче, чем глина. Камни же вообще поддаются очень трудно, особенно если это скала, не имеющая трещин и пустот. У меня большой запас накопителей, и энергии должно хватить, чтобы удержать узкий проход. Однако есть непреодолимые сложности, и первая – опять вода. Если проход случайно выведет нас на дно озера, то оно ринется в открывшийся тоннель, и прорываться придется против бурного течения.

Можно оказаться и в горячей или заполненной ядовитым газом шахте... в общем, пять белых камней на полсотни черных, что удастся прийти туда, куда требовалось. Поэтому решать тебе, я приму любой выбор.

Значит, дракон твердо намерен пробиваться сквозь камни, сразу понял ведьмак и задумался. Раз Иридос уже придумал, как выкручиваться, если случайно попадет не туда, то ради чего он пытается переложить тяжесть окончательного решения на плечи напарника? Может, не уверен в его смелости?

Или... хочет все же не переложить, а разделить? Это совсем другое дело, и тогда раздумывать долго не стоит, каждая секунда промедления падает тяжелым камнем в душу напарника, заставляя его усомниться в выборе спутника. Зато поспешность может показаться легкомысленностью и бравадой.

– Знаешь, – хмуро усмехнулся Рад, глянув в безразличное внешне лицо магистра, – в детстве я не задавался вопросом, кто моя мать. Рядом со мной всегда были три любящие женщины, и одна заботилась о том, чтобы я был сыт и одет, вторая играла со мной в головоломки, учила языкам и правилам поведения, много рассказывала об истории Тальзии. Но больше всего мне нравилось заниматься с третьей. С ней мы скакали на лошадях и спускались с монастырских стен, облазили вокруг все подвалы, пещеры, леса и развалины, обсуждали, как можно выбраться из случайных ловушек и хитроумных западней. А еще она учила меня никогда не принимать решений, не взвесив предварительно всех тонкостей и обстоятельств дела. Но самое главное – не позволять собственной самоуверенности и безрассудной смелости подавлять доводы разума. Поэтому я не приму твой, несомненно, великодушный дар и не стану отнимать у тебя право командира единолично принимать решения в критических ситуациях. И очень надеюсь, что ты все же не разуверился в моей смелости или желании спасти рабов.

– Извини, – внимательно, как редкий артефакт, рассматривал напарника дракон, – это и в самом деле была проверка. Я мог бы уйти и один, оставив тебе запасов и создав мощный щит. Сутки, пока не придут магистры, он простоят против любой гадости. Но теперь возьму тебя с собой и постараюсь сделать все, чтобы нам выпали белые камни. Но на всякий случай тебе лучше закрыться коконом зверя.

– Так бы попросту и сказал, – сообразив, что не стоит спрашивать дракона о штурмующих скалы магистрах, с ехидцей фыркнул ведьмак и отпустил энергию кокона.

Через миг он сидел перед напарником крупным белоснежным барсом с

пушистым хвостом и смотрел ему в глаза с немой укоризной.

– Мои оборотницы за тебя передрались бы, – задумчиво рассмотрев зверя, откровенно сообщил напарнику Иридос, ощутил донесшуюся горьковатую досаду, и с этого мига словно забыл, что перед ним человек.

Тщательно окутал обоих тройными щитами, приготовил артефакты, оружие и открыл первый проход в той стороне, где по стене текли тощие струйки воды. Рад справедливо предположил, что им придется купаться, и не ошибся. Стремительно промчавшись в уже привычном воздушном веретене по тесному проходу, схлопнувшемуся за ними с легким гулом, напарники оказались в весьма неприглядном месте. Тут было тесно и душно, плюхала в темноте неглубокая лужа, а потолок нависал острыми гребнями всего в локте от ее поверхности.

– Одна радость, от происков ведьмы ушли, – создав крохотный светлячок, сварливо проворчал маг и занялся поиском очередных пустот, не оглядываясь на лежащего в луже барса.

Рад не страдал от воды ни грана, кокон и щиты не пропускали к телу ни влагу, ни холод. А здесь было ощутимо прохладно, и это могло означать только одно: они ушли не только от старших надзирателей, но и от горячих выработок, куда стремились попасть в первую очередь.

– Ни одной пустоты в той стороне, – в лад его мыслям мрачно буркнул дракон и с досадой выдохнул: – Если бы не проклятая ведьма! Придется идти дальним кругом.

Что именно он подразумевал под этими словами, Рад не знал, а выходить из кокона, чтобы спросить, не пожелал. Просто придвинулся ближе к командиру, давая понять, что согласен идти любыми путями, лишь бы успеть. Как он подозревал, ведьма, скорее всего, не только коварна, но и весьма скоро на расправу.

И снова, едва не задев плечами стенки, они стремительно летели в полной темноте по раздвинутым магией узким тоннелям – скорее щелям, угрожающе потрескивающим стремящимися вернуться на исконное место камнями. Но раз за разом оказывались все в более неудобных и тесных трещинах и пещерах, явно попав в ту часть гор, где гномы не нашли ничего особо ценного и не нарыли своих ходов и пещер. Да и с энергией тут было туговато, Рад давно не ощущал притока извне и все более сжимал кокон, чтобы тратить как можно меньше.

– Не экономь силу, я добавлю, потом доберемся до источника, – заметив это, предупредил маг и создал несколько ломтей проявленного мяса. – И поешь, обед давно прошел.

От угощения Рад не отказался, втайне надеясь, что за едой напарник

поделиться своими планами и сомнениями, но тот упорно молчал.

А едва зверь дожевал последний кусок, дракон бесцеремонно запихнул его в воздушное веретено и открыл очередной проход. Снова они почти безостановочно мчались сквозь скалы, лишь на короткие передышки останавливаясь в пещерках и трещинах. И наконец все же вылетели наружу, оказавшись на дне глубокого ущелья, в шаге от стремительного ледяного потока.

Рад слизывал с шерсти щедрые брызги и с наслаждением вдыхал холодный, пахнувший подснежниками воздух.

– Может, останешься здесь? – тихо осведомился Иридос, и зверь мгновенно превратился в человека.

– Я для тебя обуза?

– Нет. Ты не так понял. Я теперь не отступлюсь, но ты, раз есть возможность, можешь не рисковать.

– Не заставляй меня в тебе разочаровываться, – сердито огрызнулся ведьмак и ехидно добавил: – Считаю, что я врезал тебе кулаком в нос. Лучше не забудь отправить послание магистрам, наверняка они уже напали на гномьи выходы.

– Извини, – хмуро повинился дракон, – я тебе не хотел говорить, чтобы не брать в соучастники... Я оставил в том карцере особую пирамидку, соединенную с гномьей детской игрушкой. Она каждые три часа посылает вестника на плато, и они считают, будто мы еще сидим в том хлеву. А отсюда неплохо бы отправить знак Лангорису, предупредить, что действовать пришлось по самому нежелательному варианту, но накопителей жаль.

– Ты же брал с запасом? – насторожился Рад, отлично помнивший, как тщательно старшие магистры собирали их с драконом в добровольный плен.

И какие кучи амулетов и камней напихал в тайники своей шкуры Иридос, бурчавший, что из него сделали сумчатое животное.

– Много уходит. Скалы – сплошной базальт, приходится использовать двойное заклятие. Сначала превращать камень в песок, потом выталкивать его в пройденный нами тоннель. И скорость тоже берет много сил, а медленнее – нельзя. Но не забивай себе голову, просто держись поближе, так экономнее. Можешь ухватиться лапами мне за пояс.

– Ладно, – понятиливо кивнул Рад, отпуская кокон.

Он даже не против был, чтобы магистр сидел на нем верхом, лишь бы не оставил тут, как ненужную вещь.

В этот раз дракон сначала пролетел в самое начало ущелья и вдруг

повел свой воздушный снаряд прямо в трещину, где брал начало бушующий на дне поток. Некоторое время они неслись сквозь воду, но зверь не смотрел по сторонам. Крепко обхватив лапами торс напарника, он старался как можно крепче прижиматься к его спине, осознав, что Иридос больше не придерживает его воздушной лианой. Значит, и в самом деле туго с энергией, и есть опасность застрять в какой-нибудь крохотной щели или пещерке. О возможности завязнуть посреди камня он старался не думать, веря в здравомыслие и осторожность дракона.

По расчетам Рада, над Синими скалами давно властвовала глухая послеполуночная ведьмина пора, когда они буквально вывалились из тут же сомкнувшегося тоннеля в довольно просторную пещеру. Здесь было так же темно, как и во всех остальных пещерах и разломах, которые никто из напарников уже не считал, но чуткий нос зверя ощутил знакомый и долгожданный запах жилья.

Подземного, разумеется, но от этого не ставшего менее привлекательным.

– Дымом пахнет, – сбрасывая надоевший кокон, произнес Рад и обернулся к магу, обессиленно лежавшему возле большого валуна.

– Это гномий поселок, – утомленно отозвался тот и нехотя признался: – А я пуст, как барабан. Даже непривычно как-то. Все амулеты и артефакты выкачал и с самых сильных твоих – тоже забрал. Иначе не дотянул бы досюда.

– Идти не сможешь? – тут же сообразил, к чему этот разговор, ведьмак.

– Чуть отдохну, зелья выпью и пойдем. Вот на светильник и еду магии не хватит. Никогда не думал, что можно за полночи истратить три сотни накопителей, обычно мне одного хватает, чтобы выкорчевать рощицу и построить пару домов.

– Сними с моих амулетов, осталось же?

– Нельзя. Там очень мало, и только в защитных, – отказался дракон и удрученно признался: – Меня в случае чего шкура защитит.

– А меня обаяние, – с нарочитой легкомысленностью усмехнулся Дирард и уверенно заявил: – Тогда давай свое зелье и отправляемся прямо сейчас. Я тебя повезу, судя по запаху, до гномьих жилищ не так далеко.

Магистр возражать не стал, но, доставая флакончики, хмуро предупредил:

– Коротышки на всякий случай ставят на подходе к своим домам ловушки, и мостки у них тоже с секретами.

– Самое главное, держись крепче, а ходить по гномьим выработкам я

умею. Фанья водила в Ардаге к старым знакомым, сестер Тишины они уважают.

Рад выпил отмеренное зелье и, встряхнувшись, опустился уже на четыре лапы. Хотя так кажется только со стороны, на самом деле ни один маг, наделенный даром создавать кокон, никогда не бегает на четвереньках, как годовалый малыш. Неудобно это и непривычно, да и обзор намного хуже. Передняя пара лап оборотня – это ложные конечности, движущиеся согласованно с ногами. Своеобразный магический дар кокона, в котором маг, принимающий снаружи облик зверя, передвигается, наклоняясь вперед намного сильнее, чем обычно. Его скрытые коконом руки в это время готовы к бою, и, нападая на противника, оборотень разит врагов именно ими, а не призрачными клыками.

Иридос прекрасно знал эти тонкости и, оказавшись на спине напарника, примотал себя к нему снятой с пояса прочной веревкой. Как выяснилось, зря он бурчал на плато про «лишний груз», навешивая на себя снаряжение, амулеты и фляжки с питьем. Хотя брать еду категорически отказался, она у него получалась даже в абсолютно пустом помещении. Лишь бы энергии хватало.

А вот теперь магии не было, и ведьмак начал догадываться, почему командир даже не попытался спорить с его предложением. Значит, тоже считает, что нужно спешить и двигаться вперед, пока хоть один из них в силах переставлять ноги.

Кокон кроме дополнительной пары лап давал и прочие преимущества, такие как острый нюх, слух и зрение, позволяющие рассмотреть предметы даже в полной темноте. Хотя и очень смутно. Однако совсем без света напарники не остались. Заключенный в небольшой шарик клочок ведьмино мха позволял на привалах обходиться без огня, но в пути был абсолютно бесполезен, и чтобы не прозевать коварные выступы или трещины, Рад пришлось пить зелье ночного зрения, точно зная, чем придется расплачиваться за наступивший в пещере мутный рассвет.

Но об этом он старался не думать, спеша добраться до поселка гномов, пока не закончилось действие снадобий. Два раза за один день их лучше не пить, воздействие окажется слабее, а последствия – неизмеримо тяжелее.

Одно радовало: дорога оказалась удобной. Гномы, верные своей привычке содержать в порядке все окрестные проходы, выработки и пещеры, буквально вымели тропки и мостики, оставив повсюду указатели и условные обозначения. Разумеется, непосвященным они ничего не говорили, но Рад благодаря Фанье хорошо знал язык камней и веревочек. Воспоминание о наставнице повлекло за собой другие образы, и ведьмак

поспешил задвинуть эти мысли подальше. Не время сейчас думать о тех, рядом с кем все равно невозможно оказаться. Теперь главное – спасти рабов и не застрять здесь самим, гномы при всей своей рассудительности и изобретательности в некоторых вопросах на удивление упорные и несговорчивые существа.

Вот о них он и думал, упорно бредя по тоннелям и перебираясь по веревочным мосткам, проползая под низко нависающими глыбами и протискиваясь в узкие щели, рассчитанные только на коротышек.

Маг, в первое время изредка подбрасывающий подсазки, последние два часа молчал, и Рад не раз встревоженно приостанавливался, прислушиваясь к его тихому дыханию. Посмотреть, спит напарник или в обмороке, зверь не мог, для этого нужно было снять кокон и распутать веревку, чего он никак не имел права делать. Если Иридос все же без сознания, то Раду никогда не удастся еще раз загрузить его на спину и привязать.

Он и сам уже невероятно устал и переставлял лапы больше из привычки никогда не отступать, чем от упорства. В мыслях теперь были только еда и какой-нибудь клочок соломы, чтобы сгрузить на него все тяжелевшее тело напарника. О воде он не мечтал, несколько раз пришлось переходить вброд мелкие ручейки и лужицы, и Рад вдоволь, с запасом напился. Ему еще неслыханно повезло, что не встретилось ни одной приготовленной для незваных гостей ловушки, очевидно, гномы были абсолютно уверены в безопасности выработок и пещер, расположенных с западной стороны подземного поселка.

Вымотанный, с потемневшей и свалявшейся от пыли шерстью, некогда белоснежный зверь тяжело брел по мостку, предвкушая близость еды и тепла. Он уже чувствовал на расстоянии всего пары сотен шагов дым очагов и запах жареных грибов, любимой пищи самых бедных гномьих семей, и был почти уверен в благополучном завершении своего нелегкого пути. Но, видимо, слишком понадеялся на собственную везучесть и благосклонность судьбы и ослабил бдительность.

Уже почти перейдя мосток, зверь вдруг поскользнулся на замшелом камне и в тот же миг не почувствовал под ногой опоры. Вторая нога не удержалась на качнувшемся мостке и слетела с узкой дощечки. Оборотень успел лишь резко бросить тело вперед, плашмя падая грудью на камень неширокой площадки, к которой и пробирался. С неистовостью обреченного вцепился пальцами с почти реальными когтями в сырую скалу и, накрепко вжавшись в нее всем телом, попытался подтянуть выше себя и напарника.

Тщетно: тяжелая ноша, безвольно обвисшая в ослабевших веревках, упрямо тянула назад, не давая ни малейшей возможности занести на камень колено. Передние лапы, так верно служившие во время перехода, теперь безуспешно цеплялись когтями за вытертый гномьими подошвами камень, в котором не нашлось ни малейшей трещинки или уступа. Попытавшись выбраться резким рывком, зверь едва не сорвался в глубокую расщелину и замер, экономя последние силы.

Несколько секунд он просто отдыхал, выравнивая дыхание и не обращая внимания на затекающие пальцы, точно зная: ради поиска единственно верного решения нужно немного успокоиться и хоть на миг взглянуть на ситуацию со стороны. О том, чтобы отпустить руки и спрыгнуть вниз, Рад старался пока не думать, это самый последний и самый нежелательный выход. Пробираясь по мостку, зверь хорошо рассмотрел торчащие внизу острые камни, возможно, даже сброшенные отсюда гномами при устройстве переправы.

И сейчас отчетливо понимал: даже если он постарается изогнуться в прыжке, чтобы опуститься на лапы, то вряд ли обойдется без ушибов и переломов. Если, разумеется, не разобьется насмерть, несмотря на кокон. Он ведь не воздушный щит, какие создает Иридос, и полностью защититься не сможет. А кроме того, позже его неизбежно придется снять, иначе не удастся отвязать дракона, которому в этой ситуации наверняка достанется намного больше. Судя по бледным рукам, обессиленно болтавшимся возле шеи зверя, энергию из своей необычной шкуры Ир тоже выщедил досуха, хотя напарнику в этом и не признался.

И как теперь ни крути, у Рада остается только два более-менее действенных выхода: постараться рассвирепеть так сильно, чтобы пробудить в себе особую способность, «ярость берсерка», которая на несколько секунд или, если повезет, минут даст почти неограниченные силы. Либо вцепиться в камень тропы покрепче и завывать, пытаясь призвать на помощь коротышек.

И невозможно сказать наверняка, какой способ вернее, ведь после вспышки ярости Рад на некоторое время останется почти без кокона и будет беззащитнее молочного щенка. А коротышки вообще непредсказуемы, и вместо помощи вполне могут сбросить незнакомых оборотней в поток из боязни ссоры с чернокнижниками. Или и того хуже: чтобы заслужить какие-нибудь поблажки, приведут ведьму с пособниками.

«Вот на них и нужно злиться», – сообразил оборотень, расслышав тихий скрип собственных клыков и почувствовав, как медленно и неуклонно сползает с камня вниз. Он припомнил холодный,

бесчувственный взгляд надзирательницы, затаенную издевку в казавшихся тогда обыденными словах, жестокую проверку в провале, куда ведьма отправила пленников, несколько дней не получавших ни крошки. Представил, будто в той вонючей клетке оказались не они с Иридосом, умышленно попавшиеся людям чернокнижников на тайной тропке, ведущей в обход крепости Салмейт, а кто-то из его стаи. Парочка молодых парней, не имеющих ни особых способностей вожака Зеленодола, ни связки защитных амулетов, выданных Раду магистрами плато.

Очень скоро он как наяву видел тоску их затравленных взглядов, обреченно опущенные плечи и скорбно стиснутые губы. Оборотни – народ сообразительный и сразу понимают, откуда можно сбежать, а где не стоит и надеяться на удачу.

Жаркая ярость ключом вскипела в груди, вызывая низкий, грозный рык и застывая взор алой пеленой, тело напряжилось от внезапного прилива нечеловеческой мощи, и вцепившиеся в камень лапы легко забросили оборотня вместе с наездником на вожденную тропу. Останавливаться он не стал даже на миг, сразу же сорвался в сумасшедший бег, стремясь, пока не кончилось мнимое всемогущество, уйти от неудачного места как можно дальше. Ему удалось пройти большую часть оставшегося пути до поселка, однако с каждым шагом усталость наваливалась все быстрее, и под конец зверь передвигался почти ползком. Он уже ощущал целый букет запахов, вернее донощика выдававший живущий полной жизнью поселок, и, возможно, даже добрался бы до него, но обнаружил баррикаду из крупных обломков камней, полностью перекрывающую тропу. Пару раз, отчаянно напрягая уставшие до дрожи мышцы, Рад попытался ее переползти, но так и не сумел.

Несколько минут он покорно лежал прямо на камнях, собираясь с силами и не обращая внимания на впивавшиеся в тело острые грани, потом, убедившись, как напрасно теряет время, сдался. Но прежде чем окончательно сбросить изрядно поредевший кокон, завыл протяжно и тоскливо, словно жалуясь невидимым отсюда лунам на несправедливую судьбу.

Глава восемнадцатая, в которой измученным оборотням придется вступить в неравную схватку с коварным и сильным врагом

К тому времени как из-за камней донесся осторожный топот маленьких ног, Дирард успел многое. Немного отдышавшись, достал зелье силы и слизнул с ладони пару тягучих капель. Затем отвязал напарника и влил ему в рот ложку смеси самых мощных снадобий, надеясь, что все растущий дар ведьмака правильно подсказывает дозу. И только после этого перевесил дракону на шею все амулеты, добытые из потайных карманов хитрого защитного жилета. Себе оставил лишь медальон со спрятанным под крышечкой каштановым локоном и подвешенной ниже мелкой монеткой.

Напоследок тщательно оправил одежду, обтер платком лицо и пригладил волосы, ни грана не сомневаясь, что гномов не удастся обмануть сотворенной магами плато личиной и они сразу определяют, кого именно принимают у задней двери своего дома. И неизвестно, как пожелают распорядиться этим знанием.

На всякий случай Рад смотал и убрал с виду веревку и приготовил оружие, очень надеясь на благоразумие старосты этого поселения. Не должен бы он оказаться настолько глупым, чтобы, прежде чем договариваться, попытаться взять их в плен.

– Ну и чего вы там дожидаетесь? – расслышав наконец за оградой осторожные шаги, с усмешкой осведомился ведьмак, начиная с досадой понимать, как сильно чернокнижники запугали горный народец.

– За старшим послали, – помедлив, храбро отозвался гном, судя по голосу, очень молодой.

– Молодцы, – похвалил Рад. – А пока идите сюда, будем знакомиться. Да не бойтесь, мы не злые.

– Старшой нам голову отвинтит, – рассудительно отозвался парнишка, – если вперед него с лазутчиками знакомиться начнем.

– С одной стороны, послушание и точное выполнение приказов – это очень похвальное качество, – согласился ведьмак и тут же провокационно добавил: – А с другой – бывают изредка в жизни случаи, когда намного

полезнее и выгоднее действовать смелее, не оглядываясь на чужие указы.

– Чем выгоднее-то? – не поверил гном.

– Личным знакомством с очень влиятельными гостями, – не стал скромничать советник, – которые никогда не забудут оказанной услуги и при случае обязательно отплатят тем же.

Смолк и приготовился ждать, ни секунды не сомневаясь, что заманчивость волшебного слова «выгода» непременно преодолеет запреты и наставления старших.

Гном и в самом деле вскоре вылез из-за ограды, хотя сначала пошептался там с кем-то, яро протестовавшим против такого беспечного самоуправства. Ведьмак только усмехнулся: никогда еще даже более солидные и опытные гномы не смогли выстоять перед обещанием прибыли или награды. И можно не сомневаться, чернокнижники поймали их на эту же, проверенную веками наживку, не потратив ни одной ловушки и ни одного зелья. Все эти средства укрощения недовольных они использовали потом... и об этом нужно помнить, приступая к переговорам.

– Ну, – ловко перебравшись через преграду, остановился в нескольких шагах от незнакомцев коротышка в весьма потрепанной одежке, – чего покупать будешь?

– Когда я сказал слово «покупать»? – с холодным изумлением заломил бровь ведьмак. – Ты вроде довольно взрослый, чтобы понимать разницу между услугой и простой покупкой. Причем услуга более выгодна вам, чем нам... но об этом я поговорю с вашим старостой. А ты можешь пока просто рассказать, как вам живется. Ваши собраты из-под Геркойского хребта давно беспокоятся о вашей участи и не верят, будто вы оборвали все отношения по доброй воле.

Все это Рад говорил уже не вытаращившему глазенки юному гному, а подоспевшей к нему подмоге, дружно протопавшей к каменному валу. Жизнь в горах вырабатывает у гномов привычку ходить не спеша, осторожно ставя ступни на заранее проверенное местечко. Но вот бегать бесшумно они не умеют совершенно, и когда приходится спешить, невольно сопят и топают, как вепри.

– Не по доброй... – тяжело перевалился через ограду пожилой кряжистый гном и направился к гостям, пристально всматриваясь в их лица. – А личины-то вы зачем нацепили?

– Ну уж точно не для того, чтобы тебя обмануть, – откинувшись на камень, устало выдохнул Рад. – с тех пор как я ходил с наставницей под Геркойским хребтом, хорошо знаю, насколько точно вы определяете личность клиента.

– Кто тебя туда водил?

– Не может быть, чтобы ты не знал, – откровенно засмеялся Рад. – И я с удовольствием поиграл бы с тобой в угадайку, но времени мало.

– Смешно, конечно, – вдруг обиделся гном. – Я и сам посмеялся бы лет двадцать пять назад. Да только давно разучился смеяться-то.

– Вот как, – нахмурился ведьмак, пристально вглядываясь ему в глаза. – Неужели эта зараза так давно обосновалась у нас под носом?

– Еще дольше, – фыркнул гном. – Твоя королева тогда еще в монастыре гобелены вышивала, когда они пытались выдать замуж за короля одну из своих ведьм.

– Моя мать, – холодно поправил Дирард. – Не повторяй глупых сплетен. И не гобелены она вышивала, а меня воспитывала.

– Не может быть! – вырвалось у гнома растерянное восклицание, но он тотчас спохватился и поджал губы. – Тогда ради чего ты сюда-то полез?

– Странно, а сразу ты показался мне таким догадливым. Чтобы вас спасти, неужели непонятно? Ну и всех тех несчастных, кого они в шахты натаскали. Но по незнанию чуть-чуть не рассчитали, с запада скалы у вас – сплошной базальт, еле прошли. Поэтому у тебя появилась очень редкая, почти невероятная возможность помочь людям, которым под силу сделать вас свободными. Ну и о выгодных сделках тоже позже договоримся.

– Нам бы хватило и первого, – помявшись, проворчал староста, порадовав советника сообразительностью и честностью. – Но вот твой друг... он очень странный.

– Вы, конечно, живете тут как в тюрьме и почти не имеете сведений о событиях, волнующих королевство... – Рад очень хотелось попросить хоть сухой гриб, но он точно знал, как не любят гномы попрошайек. Лучше еще потерпеть и получить еду как плату за помощь, иначе вмиг потеряешь в глазах коротышек всякое уважение. – Но хоть что-то о происходящем в Дройвии до вас дошло?

– Немного.

– Тогда, возможно, вам известно имя Иридоса ди Тинерда?

– Плели оборотни из горячих шахт всякие сказки, – пренебрежительно буркнул староста и ошеломленно смолк, не решаясь поверить в собственную догадку.

Вернее, уже точное знание – гномий банк не делал для соотечественников тайн из личности клиентов. Наоборот, рассылал сведения всем главам кланов и родов.

– Это не сказки, – утомленно выдохнул Рад, мысленно благодаря незнакомых оборотней за нечаянную помощь. – Он вожак самой большой

стаи оборотней и один из правителей Дройвии. А еще – магистр с плато, и сейчас его собраты ждут нашего сигнала, чтобы начать облаву на чернокнижников. Ну а у вас есть прекрасная возможность нам помочь, и за это маги постараются забыть ваше пособничество черным алхимикам. А королева Тальзии вернет вам банк, который они отняли.

– Вы и про банк знаете... – расстроено вздохнул староста и угрюмо признался: – Обвели нас... как малых детей.

– Как тебя зовут?

– Тробер.

– Хватит вспоминать о прошлых ошибках, Тробер. Сейчас время дорого, нам нужно немедленно попасть в горячие шахты, а магию Иридос растратил. Давай заключать договор. Вы помогаете нам добраться до шахт, готовите сытный обед и отдаете все амулеты, камни и вещи, напитанные силой. Расплачиваться за все будут маги плато и королева, я только посредник. Амулеты, если желаете, усилим и вернем или поменяем на новые, по выбору, но они нужны в первую очередь. Потом еда и проводники.

– А королева не откажется? И не заставит нас снова плести кучи сетей? – с наигранным сомнением проворчал Тробер, но Рад не поверил этому недоверию, помня о привычке гномов никогда не соглашаться сразу.

– Ты мало слышал о крепости моих слов? Тогда знай: если через два часа на плато не получат от нас никаких вестей, магистры раскатают эти горы, как кучку гороха. И можешь не сомневаться, медлить и колебаться они не станут. Вот только жить и работать вам тогда будет негде. Чернокнижники сделали великую глупость, задев интересы плато, и теперь ничто не поможет им уйти от возмездия.

– Кроме двух очень влиятельных и хвастливых заложников, которые добровольно пришли к нам в руки! – Зловещее заявление прозвучало из темной, казалось бы, совершенно пустой ниши, и следом оттуда вылетел рой крохотных насекомых, светившихся в полумраке раскаленными песчинками.

– Прости... – горько всхлипнул Тробер, падая ниц, – они появились прежде вас.

Парнишки-разведчики и прибывшие со старостой гномы дружно хлопнулись рядом с ним, пряча лица и прикрывая вздернутыми воротниками головы. «Видимо, встречались уже с такими огненными осами», – мелькнуло в мыслях ведьмака понимание и утонуло в бушующем костре отчаяния, стыда и досады на собственную поспешность и невнимательность. Ведь надзиратель определенно пришел вместе с

гномами, только двигался более аккуратно.

Никогда еще Раду не было так совестно, как сейчас. Жгло душу воспоминание об уверенных, хвастливых обещаниях и откровениях, которые он так опрометчиво рассыпал перед все понимающим старостой поселка, не имеющим ни малейшей возможности остановить этот поток драгоценных сведений и хоть жестом намекнуть на близость врагов. Можно не сомневаться, за годы тайного рабства и заключения в собственном доме гномы успели убедиться в неотвратимости и суровости наказаний, ждущих их за неверность.

Но еще сильнее жгла ведьмака тревога за Иридоса, которого чернокнижники не могли не считать самым заклятым врагом. Он ведь не впервые нарушил их планы, еще девять лет назад заставив отступать на Идрийс, как бешеных зверей. Как выяснилось, тайные убежища у них были приготовлены заранее, но совсем уходить с материка черные алхимики не собирались никогда. Все эти мысли пронесли в разуме ведьмака светлой молнией, и единственно возможное, пусть и неправильное, решение созрело так же мгновенно.

Кокон оборотня стремительно окутывал Рада, пока он мчался на врагов, второй раз за сутки вызывая в себе сумасшедшую ярость. И теперь она пробудилась в нем почти мгновенно.

Несколько раскаленных угольков прожгло снова белоснежную шерсть, когда зверь стрелой пролетел сквозь рой, но боли он не почувствовал. Зато ринулся вперед еще быстрее, не давая чернокнижнику времени приготовить новую ловушку или боевой амулет. Между истинными магами и теми, кто использует энергию, заучив порядок активации амулетов, есть лишь одна, но очень существенная разница. У чернокнижников по сравнению с магистрами, отдающими приказы своей силе мысленно, на все действия уходит намного больше времени.

О том, что надзирателей двое, оборотень догадался по запаху и короткому, загадочному приказу, донесшемуся из ниши, но отступать и не подумал. Как ураган ворвался в крохотный грот и, выхватив верный клинок, смазанный сильным парализующим зельем, принялся щедро раздавать точные удары, стараясь, чтобы больше досталось рослому, мускулистому мечнику, пытавшемуся сразить юркого зверя впечатляюще увесистым оружием.

И не из-за того, что Дирард считал его главным в этой паре, – наоборот. Командиром здесь явно был худощавый, черноволосый дреу, увешанный всевозможными амулетами. Но тому хватило нескольких легких царапин по щекам, чтобы начать неуклонно оседать на пол. А на

мечника, разгоряченного боем, даже особые, сваренные Вирденсом снадобья действовали далеко не так быстро, как должны были.

– Рад, назад! – уверенно скомандовал вдруг напарник, и ведьмак, едва услышав знакомый голос, покорно метнулся прочь.

Но тут же, почувствовав толчок в спину и расслышав грозный грохот, неверяще оглянулся и потрясенно застыл, разглядывая кучу осыпающихся камней, заперших парализованных врагов в западне.

– Зачем? – спросил Рад, сбрасывая поредевший кокон, и направился к чуть приподнявшемуся на локте магистру.

– Чтобы не сумели подать сигнал о помощи, – сурово и уверенно заявил Иридос и требовательно уставился на лежавшего ничком старосту, еще прикрывающего голову руками: – Вставай, Тробер, я знаю, что у тебя не было выбора. Это мы не догадывались, насколько они хитры и подозрительны, не поскупились даже на наемников, которые постоянно держали вас под присмотром.

– Если бы только это... – убито выдохнул гном, поднимаясь с камня и отряхивая неказистую одежду.

– Могу представить. Поэтому нужно спешить, пока мы их опережаем. Быстро соберите все магические вещицы, и сначала снимай свои амулеты. И твои помощники пусть поторопятся. А заодно собирайте все самое ценное и еду на два-три дня, да не таскайте муку и грибы. Огонь сейчас лучше не разжигать. Только теплые вещи, солонину и сухие запасы. И уходите в самые надежные убежища, имеющие наружу тайный выход. Но в северное ущелье, где стоит похожий на птицу камень, не суйтесь, там черные понаставили мерзких ловушек.

Услышав эту новость, внимательно слушавшие магистра коротышки призадумались и уважительно засопели. Посерьезневшие взгляды лучше всяких объяснений доказывали, что гномы никак не ожидали от жителя далекого плато магов такого точного знания северного Идрийского хребта. Однако и верить ему пока не спешили.

– Давайте уже вашу еду и прекратите сомневаться! – беззлобно прикрикнул на хозяев подземелья дракон. – Нельзя позволить чернокнижникам нас опередить, могут пострадать пленники.

– Господин Иридос... – замялся старейшина, принимая у сородича весомый сверток, – но это не наша еда.

– Какие они, оказывается, предусмотрительные, – желчно ухмыльнулся маг. – Только не знают, с кем имеют дело.

Узелок выпорхнул из рук гнома и опустился перед магистром. Секунду тот смотрел на подарок чернокнижников изучающе, потом движением

брови отбросил подальше, как дохлую гадюку. И тотчас создал два больших ломтя хлеба, накрытых щедрыми пластами ветчины.

– Вам пока не предлагаю, – буркнул гномам, кивнув безмолвному напарнику на один из ломтей, и тот так же молча принял угощение.

Разбираться при гномах, откуда у Иридоса взялась энергия и почему он тянул до последнего, ведьмак не собирался.

А вот коротышки вдруг что-то резко осознали и заторопились. Поспешно стянули с себя все амулеты и обереги, высыпали в ладонь дракона и почти сразу получили назад. Потом отдали оборотням фляжки с водой и умчались, топоча, как стадо вспугнутых диких поросят.

– Доставай зелья восстановления, – обессиленно опуская голову на камень, приказал Иридос и указал взглядом на полупустую фляжку: – Лей туда из всех по полной ложке.

– Лангорис говорил... – заикнулся было Рад и смолк, сраженный тихим смешком.

– Если бы Лангорис меня сейчас увидел, то налил бы еще больше. Не волнуйся, ничего со мной не случится. А ты удивил – не каждый матерый волк может два раза за сутки вызвать «ярость берсерка».

– Значит, ты очнулся уже давно? – осуждающе сузил глаза Дирард, хотя сразу заметил, как ловко дракон увильнул от разговора о зельях.

И, наливая снадобья во фляжку, постарался капнуть немного меньше, словно случайно прикрыв флакончик рукой.

– Первый раз меня разбудил сильный поток магии, – не переставая жевать, начал неспешно объяснять Иридос. – Пробуждая ярость зверя, оборотни невольно выплескивают все запасы кокона. Часть потом собирается назад, остальное пропадает. Потому я и молчал, стараясь не мешать тебе протянуть как можно дольше. И заодно собирал всю свободную энергию, какую сумел. Разумеется, этого было маловато, и как только поток ослабел, меня упорно потянуло в сон – тело всегда стремится вернуть необходимую ему магию и ничего не тратить, пока резерв не достигнет привычного уровня. А второй раз я очнулся, когда ты снова вызвал ярость. И сразу почувствовал все эмоции: и твои, и гномов, и тех, кто прятался под амулетом отвода глаз. Пока ты к ним мчался, я постарался собрать с украшений и оружия гномов всю энергию и бросить в алхимиков ментальное «оцепенение» – единственное, чем мог достать подлецов наверняка. Оно получилось слабенькое, но сопротивляться в полную силу враги не смогли. Тем временем я стянул с их амулетов всю магию, да и до сих пор собираю остатки.

– Вот, – протянул ему фляжку ведьмак и невольно скосил глаза на кучу

камней, скрывшую надзирателя с охранником. – А они там еще живы?

– Да, – хмуро буркнул маг, выпил залпом содержимое фляжки, поморщился и тихо выдохнул: – Спасибо. За все.

– О чем ты? – вдруг смутился Рад и неуклюже пошутил: – Я просто вспомнил про твое обещание вернуться к жене.

– Женщины делятся на тех, кому нужно объяснять любое свое действие, слово или намерение, даже самое пустяковое, и доказывать собственную правоту и искренность, – доев хлеб и устало прикрыв глаза, вдруг невпопад произнес дракон, – и все понимающих без слов. Этим достаточно жеста, взгляда, прикосновения. Особенно в самых личных делах. Но не стоит обманывать себя, считая такие невысказанные обещания необязательными. Они не менее незыблемы, чем прилюдный обет в храме Элторны. Каждый из нас, давая подобные безмолвные клятвы, обязан их исполнять. Нет ничего подлее и бессердечнее, чем обмануть надежды любимых женщин, разбить им сердце и жизнь. Порой из-за предрассудков или собственных надуманных запретов. И ты можешь сколько угодно сверкать на меня глазами и мечтать заткнуть мой рот вон той коркой. Теперь я твой кровный должник, а по законам оборотней это ближе, чем брат. И потому намерен помогать всем, чем смогу. Но сейчас скажу лишь о том, что знаю совершенно точно. Все люди с возрастом меняются, и умные женщины – больше остальных. Они вообще гибче, проницательнее и быстрее сверстников осознают, что в жизни по-настоящему ценно, а какие мечты изначально были по-детски наивными.

– Глупо я поступил, притащив тебя сюда, – возмущенно огрызнулся расстроенный оборотень. Напарник читал его тайные желания и сомнения, словно открытую книгу, и это было вдвойне неприятно – слышать то, о чем сам упорно старался не думать. Не забыть, нет, это невозможно, но хотя бы просто постоянно не держать в уме. – Нужно было напоить зельем и оставить в той пещере, а самому пробраться к любой трещине и послать магам сигнал тревоги.

Рад сейчас кривил душой, – никогда бы он так не поступил, – точно зная, насколько это будет неприятно не привыкшему сдаваться дракону.

– Ты бы так не сделал, – серьезно и убежденно произнес магистр. – Я ведь не сразу решил взять тебя с собой. Вначале всех расспросил и теперь знаю, с каким упорством еще парнишкой ты полночи тащил из расщелины Годренса и как позже много лет бессменно нес на своих плечах постылое бремя королевской власти. Это ваши наивные селяне верят, будто ими правит строгая и справедливая королева, но я-то – не они.

– Ну и знай себе на здоровье, – помрачнел Рад, прислушался и резко

прервал слишком откровенный разговор: – Сюда гномы топают.

Мгновение помолчал и едва слышно выдохнул с горечью:

– Легко судить, когда всего не знаешь.

– Вот выберемся отсюда, тогда и поговорим, – уверенно пообещал дракон и решительно снял тщательно созданную собратьями маску простого оборотня.

Она свою роль сыграла.

Разумеется, можно было и не спешить открывать собственное лицо, но заклинание личины хоть и понемногу, но постоянно тянет энергию. А сейчас такая трата стала для Иридоса непозволительной роскошью. Дракон почти подчистую выбрал даже неприкосновенные запасы магии из всех своих артефактов вожака и главы старшего дройского дома, отлично зная, что они немедленно начнут ее возмещать из его собственной защиты. Но иначе не получилось бы замуровать врагов и наглядно убедить гномов в своей силе. А за слабым магом они никогда бы не пошли против такого подлого и жестокого противника, как черные алхимики.

– Вот, – староста держал в руках внушительное по размеру медное ведро, наполненное камнями и всевозможными украшениями, от простеньких колец до замысловатых тиар и колье, – это тайный запас... закопали, когда черные на шею сели. Еще есть оружие и инструменты.

Последнее слово он произнес неохотно, и дракон понимающе усмехнулся. Если диадем и ожерелий коротышки со временем легко наделают и зарядят с помощью привезенных из Дройвии пирамидок, то тончайшие пилочки, пробойнички и щипчики, усовершенствованные старинными мастерами и усиленные магией редких в среде гномов одаренных, придется отдавать для пополнения силы в чужие руки. А делиться старинными секретами гномы не просто не любили, это доставляло им душевные муки, сродни осознания себя предателями рода.

– Спасибо, но инструменты спрячь. Мы знаем ваши обычаи и отлично понимаем, как ценно твое предложение, но постараемся не нарушать заповедей. А все остальное обещаю зарядить магией на плато, сам знаешь, цена этих вещей сразу поднимется вдесятеро, – прижав к себе ведро, пояснял магистр, жмуря от удовольствия пожелтевшие глаза. – Договор подпишем после, включите в него все услуги, какие сочтете нужным. Например, всегда усиливать для вашего дома оружие и амулеты, снабжать фруктами и одеждой.

– Мы подумаем, – осторожно согласился хитро блеснувший глазами гном, сделав знак кому-то из стоящих позади.

Тихо звякнуло, и отвергнутые инструменты исчезли в сумках и

карманах с облегчением выдохнувших мастеров.

Иридос спрятал довольную ухмылку, почуяв, как резко улеглась настороженность их эмоций, сменившись облегчением и доброжелательностью. Хотя затаенная тревога и неуверенность так никуда и не делись, но в подобных случаях это и неизбежно.

– Вот еда, – поставил перед оборотнями корзинку второй гном. – Все, как вы сказали. Если еще чего нужно...

– Проводника, знающего, как пройти в горячие шахты. Лучше добровольца, если найдется. И можете забрать ваши украшения, спрячьте до времени. – Отодвинув ведро, Иридос поднялся с пола, сразу став почти вдвое выше маленьких собеседников.

Решительно подхватил корзинку и испытующе глянул на гномов.

– Сам пойду, – шагнул вперед староста и, не оглядываясь, бросил помощнику: – Фром, ты за старшего.

Дракон спорить не стал, пропустил гнома вперед и уверенно двинулся следом, по пути сунув напарнику горсть его амулетов. Рад только плечами пожал: зачем было так торопиться возвращать пустые камни? Но на шею все же надел и с огорчением ощутил исходящее от них тепло. Значит, дракон не оставил себе всю полученную от гномов магию, а поделился с ним. И хотя такие честность и забота были приятны, но, по мнению советника, совершенно неразумны. Он привык обходиться без магии и не страдал от ее отсутствия, а для Иридоса это такая же важная часть его существования, как кровь.

– Вы большие, – не оглядываясь, сообщил Тробер, когда звуки поселка, поспешно покидаемого жителями, остались позади, – поэтому придется идти по дальней тропе.

– Нет, – резко возразил Иридос, – нам необходимо опередить черных. А узкие места мы пройдем, не волнуясь. Если надо будет, на пузе проползем.

– Ну как хотите, – с уважением покосился на него коротышка и свернул на почти незаметную, неухоженную тропу.

Узкий проход был настолько завален камнями, что никто из людей, знавших, как заботливо следят за своими владениями гномы, никогда не поверил бы, что они пользуются этой дорогой. Но Тробер пробирался меж обломков и глыб с ловкостью и уверенностью, вмиг полностью изменившим мнение советника о коротышках. Как выяснилось, они отлично умели пользоваться слухами о собственных правилах, которые, без сомнения, сами же и распространяли. И сами же при случае бестрепетно нарушали провозглашенную незыблемость своих традиций.

Иридос двигался за ним, ступая почти точно след в след, а Рад шагал последним. Пользуясь небольшим пополнением энергии, он выпустил на волю кокон оборотня. Создать облик зверя полностью не смог, магия была истрачена почти досуха. Однако и почти незаметные признаки зверя помогали измученному ведьмаку легче преодолевать препятствия. Пополнить запасы силы Рад надеялся в одном из источников, таящемся где-то в глубинах горячих шахт, и ничуть не сомневался, что дракон не замедлит запретить тратить остатки магии, если сочтет это опасным. Успел к этому моменту убедиться в его прямолинейности и честности его натуры.

Глава девятнадцатая

О тайнах горячих шахт и тревогах вожака стаи рабов

Лишь через несколько часов, когда они во второй раз остановились на короткий привал, советник осознал, сбрасывая жалкие остатки кокона, почему Иридос не запретил ему тратить на него энергию. Просто видел, что без магической поддержки Рад не дойдет, несмотря на снадобья. Бесконечные мостки, тесные лазы, узенькие тропки, выбитые в стенах пещер над спрятанными под паром теплыми озерами, перелазы и прочие препятствия, перед которыми изобретенная лично Радом полоса препятствий в подвалах Элайна казалось детским развлечением.

– Выпей немного. – Повелительным жестом дракон подал напарнику прихваченную фляжку с зельями, и тот, не колеблясь, сделал щедрый глоток, с усмешкой вспоминая, как сам совсем недавно не позволял напарнику травить себя мощными снадобьями.

– Мне тоже можно? – лукаво прищурился гном.

– Конечно, но лишь чуточку. Это зелье для одаренных, но даже мы непременно свалимся от него в сон чуть не на сутки. А тебя потом дня три не добудимся.

Гном флягу взял, но поступил хитрее – плеснул немного зелья в собственную посудину и отпил уже из нее. Посидел, прислушиваясь к себе, довольно крикнул и ухватил полоску вяленой кабанятины.

– Греет, как медовуха.

– Далеко еще? – осторожно поинтересовался ведьмак, прикидывая, скоро ли хватит энергии на полноценный кокон.

По мере того как они продвигались вглубь горного хребта, он все отчетливее ощущал силу понемногу полнившегося резерва. Да и вокруг постепенно становилось все теплее, появились пока еще редкие мхи, лишайники и сизые грибы, предвестники влажных, душных пещер.

– Теперь уже близко, – спокойно прожевав мясо, сообщил гном и в ответ с откровенной насмешкой глянул на главу дома ди Тинерд: – А меня с собой возьмете или назад отправите?

– Я бы взял с собой, – внешне безразлично пожал плечами тот. – Вы ведь никогда ничему не верите, пока сами не увидите и не пощупаете? Да и тяжело тебе будет идти назад без отдыха, к тому же после зелья

можешь заснуть в любом месте. Не знаю, как чернокнижники находили вас в пещерах, но если есть какой-то тайный способ, то лучше пока держаться от них подальше. Ты ведь огненных ос и раньше видел?

– Да уж лет девять как знаком с этой пакостью. Вмиг прожигает кожу и оставляет глубокие ранки. Против них только каменная пряжа и помогает. Женщины всем в одежду подкладки пристегали. Но такой большой рой, как на вас, черный выпустил впервые.

– А куда они делись? – вдруг вспомнилось Раду страшное оружие чернокнижников.

– Ну куда может деться магия, если летит в оборотня с почти пустым резервом? – с ухмылкой отозвался магистр. – Повезло нам, что у них не было времени подумать, да и старая привычка сыграла в нашу пользу. Они же были убеждены, что против их ос никто не может выстоять.

– Так они... – сообразил Рад, вспомнив, как промчался сквозь рой, ощущая его горячее прикосновение, но не почуввав боли. Да и ни одной царапины на себе после так и не обнаружил, приписав это чудо защитному жилету и амулетам.

– Ну да. Отдали силу и сразу осыпались холодным песком, там было довольно прохладно, а они крохотные. А теперь нам пора, я чувствую вон с той стороны слабый поток магии и отзвук боли.

Последняя щель, сквозь которую нужно было притиснуться, оказалась так узка и угловата, что даже Тробер лез в нее бочком. И несказанно удивился, обнаружив себя идущим по свободному проходу с идеально гладкими стенками.

– Ловко, – с уважением покачал он головой. – Мы так не умеем.

– А я все ждал, – буркнул проскользнувший за ним магистр, – когда же ты признаешься в своем даре?

– Да какой там дар, – отмахнулся коротышка, оказавшись в просторной пещере, – только и хватает с зарядной пирамидкой управляться. Эй! Ты куда?

– К рабам, я их слышу, – не оглядываясь, сообщил Иридос, обгоняя гнома.

– Тут через верх не пройти, надо обходить вокруг, – указав в сторону кучи отработанной породы, полностью перекрывающей путь, заволновался староста.

И даже шагнул в ту сторону, где был секретный проход, но тут же испуганно охнул, не почувствовав под ногами привычной твердости камня.

– Теперь пройдем. – Собрав спутников магической лианой, магистр

создал воздушный плотик и уверенно направил свой диковинный транспорт под самый потолок. – Командуй, куда свернуть?

– Вон в том углу за валуном тайный лаз. Спускаться нужно по веревке... – Гном потрясенно ойкнул, обнаружив, что уже стремительно падает в узкую вентиляционную трубу, когда-то пробитую его сородичами.

Ведьмак лишь ухмыльнулся, услышав его вскрик, он и не сомневался, что едва дракон немного пополнит энергию, как тут же перестанет ходить по штрекам собственными ножками. И правильно сделает, они без отдыха уже почти сутки, и последний переход Рад сделал только благодаря собственному упорству и помощи кокона.

Теперь не свалиться бы от усталости, обиднее всего опоздать сейчас, когда они уже почти у цели.

Горячая шахта встретила неожиданных гостей темнотой и тяжелым запахом серы, смешанным с вонью прогорклого жира.

– Где они? – оглянулся Дирард, осматривая развилку в бледном сиянии созданного магистром призрачного шара.

– Спят небось, – проворчал удивительно быстро пришедший в себя Тробер. – Сейчас еще ночь.

– Уже светает, – поправил Иридос и тихо добавил: – Но не спят, а едят. И куда-то очень торопятся. Рад, уходи в кокон.

Давая это указание, он швырнул в напарника какое-то заклинание, сразу разлившееся по торсу теплом, намекающим на ощутимо пополнившийся резерв кокона. А сам повернулся и уверенно направился в правое ответвление центрального штрека. Рад иронично поднял бровь, даже не пытаясь понять, что снова задумал его напарник, но просьбу исполнил немедленно. Он сам был вожаком и отлично знал – двух командиров в отряде не бывает, и приказы, даже выданные в очень дружелюбной форме, необходимо выполнять беспрекословно.

– Белый... – донесся до него восторженный шепот топавшего следом гнома.

Спросить, чем так восхищается уже видевший его коротышка, оборотень пока не мог и отложил на потом. Но забыл про это намерение, едва рассмотрев из-под руки дракона несколько десятков чумазных, полураздетых мужчин, сидящих в кучах пепла. На худых шеях изможденных оборотней, пораженно уставившихся на незнакомцев, жарко светились камни щедро напоенных магией рабских ошейников. Подлое и жестокое изобретение чернокнижников или черных ведьмаков. А может, руку приложили и те и другие.

Яростный гнев заставил зверя оскалить зубы и тихо зарычать,

и напарник тотчас успокаивающе положил руку на вздыбленную холку, отдавая мысленный приказ не тревожиться. Однако лишь спустя несколько минут Рад смог отвести потрясенный взор от приговоренных чернокнижниками людей и немного оглядеться. Они находились в небольшой пещерке, слабо освещенной паутиной расплзшегося по стенам ведьмино мха. Посредине в сложенном из обломков камней примитивном очаге тлели угольки жиденького костерка, на котором стоял закопченный котелок с каким-то варевом.

Магистр уже прошел мимо этого котла к оборотням, не проронившим от неожиданности ни слова, сел на засаленный камень, судя по всему, служивший им столом, и уставился в глаза одного из рабов, успев определить в нем предводителя этой стаи. Так уж привыкли оборотни – куда бы ни забросила судьба, первым делом выбирают временного вожака.

– Меня зовут Иридос. Это мой друг Рад, а того гнома вы и сами знаете. Ваши имена скажете позже, если сами захотите.

Оборотни продолжали угрюмо молчать, но Иридоса это ничуть не расстроило. Он бесцеремонно подхватил одного из них воздушной лианой, подтянул к себе и принялся внимательно изучать его рабское украшение.

– Представь себе, Рад, – серьезно кивнул наконец напарник зверю, – чернокнижники усовершенствовали это проклятое изобретение.

– Отпусти... – с ненавистью глядя на магистра, прошипел шахтер, сиюсь вырваться из объятий туго спеленавшей его плети.

– Нет, – хладнокровно отказался дракон, но на его лице, выдавая истинные чувства, проступила еле заметная багровая сеточка чешуи. – Ты можешь злиться на меня сколько угодно, хотя я и не знаю, чем и когда вам насолил. Мы с другом в этом подземелье уже почти декаду, и чтобы попасть за щиты, отсидели семь дней за решеткой карцера, а потом прошли под всем хребтом, добираясь до гномов. Нам это далось отнюдь не легко, а времени осталось очень мало. Поэтому извини, но обращать внимание на ваши странные обиды и выяснять отношения, как базарные кумушки, я сейчас не стану. Попросту сниму ваши ошейники и вытащу вас отсюда, а потом расскажете мне, кто постарался насыпать вам в уши всякой грязи.

– Ты лжешь! – тонко выкрикнул немолодой оборотень, бледнея от собственной смелости. – Тебе нужны мишени для бойцов на арену, вот и нашел, откуда таскать безропотных рабов. Это верхние шахтеры ничего не знают, а от нас каждые три-четыре луны отправляют кого-нибудь в твой проклятый Зеленодол. Самых слабых... или самых дерзких.

– Кто? – На Иридоса страшно стало смотреть, его волосы вмиг потемнели и встали над черепом высоким, отливающим багрянцем

гребнем, рот растянулся, показывая кончики острых клыков, а стальные когти длиной с мизинец яростно прочертили на камне глубокие бороздки.

– Надзиратели приводят сюда старого оборотня, – спокойно пояснил Тробер, усаживаясь на пол рядом с насторожившимся зверем, и опасливо погладил пальцем мягкий мех, – и он показывает им амулет со знаком дома ди Тинерд. А потом уводит тех, кого отберет, обычно одного-двух.

– Почему ты заранее мне этого не сказал? – постепенно умиряя бушующий в душе гнев, рыкнул на него Иридос.

– Я ведь тоже в первый раз тебя вижу, – пожал плечами коротышка. – И хотя с нашими охранниками вы расправились здорово и потом ни в чем не выказали подвоха, но пока я не рассмотрел как следует его кокон, до конца тебе не верил. Все ведь знают, чисто-белый зверь бывает только у белых ведьмаков, а они никогда не пойдут ни на подлость, ни на сделку с темными, нечестными людьми.

– А может, это морок? – опасливо поглядывая на снова вернувшего человеческий облик Иридоса, неуверенно предположил один из рабов.

– Нет, – сухо буркнул магистр, – он действительно белый ведьмак и вожак свободной стаи. А лицо вам пока показать не может из-за семейных тайн. Но того шакала я теперь найду. Тробер, а ты, случайно, не знаешь, куда их уводили?

– В лабораторию, – скорбно поджал губы гном. – Есть тут такая, тайная. Раньше я молчал... чего их зря пугать.

– Проклятые выпни! – В пожелтевших глазах дракона снова сверкнула неукротимая ненависть. – И далеко она?

– Я вас туда не поведу, – мотнул головой гном. – Там на каждом шагу ловушки. Нас и заставляли делать... и поклясться здоровьем детей никому не открывать секретов.

– Я тебя и не прошу вести, – огрызнулся магистр, – а спрашиваю – далеко ли и в какой стороне?

– Не очень далеко, – мотнул головой гном. – Часов пять идти на север и подняться на два уровня выше. Но отсюда туда не пробраться. Черные даже в эти забои не оставили ни одной лестницы, еду спускают в корзине на веревке. И урок тоже корзиной забирают, камень в этих забоях ценный, но они редко какой день больше горсточку набивают.

– А как же тот выпень?

– Спускается по веревочной лестнице, под охраной наемников и ведьмы. Но он далеко не ходит, тут дух тяжелый, вредный. Просто собирает всех к главному стволу амулетом. Они бы не пошли, да ошейники жечь начинают.

– Вот потому я первым делом их и сниму, – кровожадно блеснул вмиг подростшими клыками дракон и подтянул к себе поближе свою добычу.

– Отпусти его, – привстал с места самый старый оборотень. – Попробуй на мне. У него и так сердце сдает.

– А я, по-твоему, маг или какой-то чернокнижник, – оскорбленно вздернул нос Иридос, – чтобы не суметь подлечить собрата? И больно ему не будет, уже почти девять лет улучшаю способы снятия всяческих оков и ловушек. Лучше скажи, почему вы сидите тут, если источник в другой стороне?

– Нам он не нужен, – мрачно зыркнул тот шахтер, который обвинял дракона в покупке рабов. – Это ярмо и так сосет магию, как пиявка. И с кокона, и со всего вокруг.

– А чем больше в ошейниках энергии, – тихо перевел Тробер, – тем легче ведьме управлять через них рабами.

– Зря я ее там не прибил, – с досадой ругнул себя маг и мягко махнул рукой, словно оборачивая пациента шарфом. – Почему-то таких подробностей о ней не знает ни один из верхних охранников. И о ее муже... кстати, Тробер, он ведь полукровка.

– Сманил когда-то ушлый дроу молодую дуреху из гномов Ардага, – нехотя поведал староста, внимательно следя за действиями дракона. – Сам потом женился на приданом, а ее оставил при кухне, и ребенок вырос там же. С виду он почти гном, но мы его своим не считаем. Нас не уважает, законы не чтит, ремесла не имеет. И откуда он эту ведьму взял – тоже не знаю. Но сын у нее уже был. Гнилой и злой человечешко.

– Согласен, – отстраненно буркнул Иридос и вдруг сомкнул ладони на горле пациента, будто собираясь его удушить.

Тот лишь сдавленно охнул.

Дернулись, готовясь к прыжку, пленники, но белый барс предупреждающе рыкнул и встал рядом с напарником. Отпуская на волю кокон, Рад начинал лучше чувствовать магическую энергию. Не так, как маги, яркими цветными всполохами, а скорее ощущением особого тепла, идущего от заряженных камней. И сейчас отчетливо понимал, чем занят Иридос. Так же бесцеремонно, как обобрал наемников несколько часов назад, вытягивает энергию из напоенного до отказа ошейника.

– Тихо, – строго предупредил магистр дернувшегося раба. – Тебе ведь не больно, я чувствую все ваши эмоции. Поэтому не нужно выкапывать железяки из золы.

Последние слова относились к шахтерам, и в самом деле подозрительно завожившимся на своих необычных лежанках. Те притихли,

только глаза настороженно поблескивали, показывая, как мало пока рабы доверяют неожиданным спасателям.

Иридос снова сосредоточил все внимание на пациенте и через минуту осторожно разомкнул руки, держа в ладонях остатки ненавистного рабам украшения. Стальные звенья, соединявшие кованые розетки с камнями, в нескольких местах выглядели так, словно не один год пролежали где-то под кустом. Металл почернел и пророс ржавчиной, осыпавшейся на ладони мага рыжей пылью.

– Держи, – протянул дракон камни гному. – Может, на что-нибудь пригодятся.

Тробер брал остатки ошейника так опасливо, словно это была черная гадюка, но, рассмотрев потемневшие камни и осторожно потерев между пальцами рыжий металл, пренебрежительно фыркнул, хозяйственно ссыпал дар в неизвестно откуда вытащенный кисет и победно глянул на ошеломленных оборотней:

– Вот это мастер, сразу видать.

В этот миг Рад вдруг отчетливо расслышал в тишине звук приближающихся шагов и предупреждающе зашипел, показывая пленникам острые иллюзорные клыки.

– Он не со злом, – не успел проговорить Иридос, как из темноты прохода в пристанище шахтеров торопливо шагнул беловолосый старик в таком же рабском ошейнике.

– Готовы?

И вдруг обнаружил безмятежно сидевшего на камне Иридоса и ошеломленного шахтера у его ног. А потом рассмотрел насторожившегося белого зверя и невозмутимо глядящего на него знакомого гнома.

– Тробер? А ты откуда? И что здесь происходит?

– Они пришли нас спасти, – уверенно объяснил староста, как видно, разрешивший наконец все свои сомнения. – А я показал дорогу.

– Я Иридос, – ровно сообщил дракон, уверенно вытащил плетью из толпы пожилого шахтера, который недавно вызывался добровольцем, и перенес ближе к себе, потеснив освобожденного оборотня. – Садись, так мне удобнее.

Раб беспрекословно повиновался, и процедура повторилась, только теперь заняла вдвое меньше времени.

– Почему-то на тебе ошейник был попроще, – немедленно объяснил причину магистр.

– Так я же тут уже двадцать лет живу, а они все время придумывают новые пакости, – боясь поверить в чудо, опасливо ощупывал горло шахтер.

– Понятно. – Иридос вмиг сообразил, как лучше поступить в этом случае. – Тогда давайте я сначала быстренько сниму самые простые ошейники, чтобы пополнить резерв.

– Самый старый, наверное, у меня, – беззаботно улыбнулся седой оборотень, но глава дома ди Тинерд что-то услышал в его словах и решительно кивнул:

– Идем. И пока я снимаю ошейник, объясни, кто ты, откуда появился и куда собирался их увести?

– Я – Дед, – внешне спокойно объяснял седой оборотень, но каждый понимал, как он волнуется. – Меня тут все знают. Чернокнижники даже назначили старшим, думают, мне нужны их подачки. А пришел я из шахтного ствола, он тут единственный спуск вниз, кроме вентиляционной дыры да разных щелей. Наверху ждут парни с веревками и корзинами, черные все сильнее лютуют, опасаемся, что скоро примутся нас уничтожать. Начнут, ясное дело, отсюда.

От деловитости, с какой старик говорил о таких страшных вещах, Рад невольно ощутил скользнувшую по телу леденящую дрожь. Было жутко понимать, насколько сжились за много лет со своим положением рабы и как хорошо понимают ничтожность своих жизней для хозяев.

– Должны успеть, до завтрака примерно пара часов, а раньше никто к шахте не приходит, – продолжил старик и потрясенно замер, увидев перед собой лежащие на ладонях дракона ржавые остатки ошейника: – Не может быть...

– Может, – мягко улыбнулся ему Иридос и поторопил пациента: – Так ты не объяснил, куда вы собирались уходить.

– Мы думали, ты про это знаешь, – помрачнел вдруг оборотень. – Ведь не может же быть такого совпадения?

– Видишь ли, – решил слегка sluкавить магистр, – сейчас я ничего не понимаю, мы с напарником просидели в карцере почти декаду. Иначе – без рабских ошейников – никогда не смогли бы пройти через все ловушки черных и не поднять паники. И, как сам понимаешь, никаких вестей от своих друзей за это время не получали.

– И где же они тогда? – настороженно оглядел спасателей Дед, не находя на них тех самых ошейников.

– В карманах таскаем, – пожал плечами дракон и пояснил: – Я их в карцере разобрал со скуки, а на шею повесил морок. Сейчас вам его не видно – пока мы блуждали по пещерам, подчистую истратили энергию. Но раз нужно уходить срочно, придется быстро снять еще пару-тройку ошейников, тогда смогу вытащить всех разом.

Никто даже не подумал спорить или отказываться, наоборот, выстроились перед ним не трое, а шестеро – желание выйти из шахты свободными вмиг отодвинуло подальше все остальные заботы и сомнения. И магистр не стал никому отказывать, постарался освободить всех шестерых. Остальные, у кого ошейники были более каверзными, поглядывали на счастливых с нескрываемой завистью, но радовались за них от всей души.

– Идем, показывай дорогу, – ссыпав Троберу последние камни, объявил дракон, не вставая с места, и не успели оборотни охнуть, как ощутили крепко стиснувшие их мощные лапы невидимого чудовища.

И лишь приглядевшись, осознали, что уже стремительно летят, плотно прижатые друг к дружке, как набитые в вентерь рыбы. Дракон сидел впереди, а его так и не снявший кокона напарник держался рядом, но не забывал бдительно посматривать на спасенных рабов яркими зелеными глазами. Гнома беглецы тоже обнаружили подле себя и, немного успокоившись, начали с любопытством озираться по сторонам.

Невидимая повозка вдруг вытянулась змеей, резко свернула к шахте и помчалась наверх, переворачивая некоторых пассажиров вниз головой. Но никто из рабов, давно считавших себя вычеркнутыми из жизни, даже не пикнул. Крепко вцепившись друг в друга и затаив дыхание, они истово молили про себя всех богов, чтобы в этот раз даровали обреченным удачу.

Опыт неудавшихся побегов был почти у всех, и они вынужденно смирились. Но где-то в глубине души каждый все же страстно мечтал хотя бы на денек оказаться на воле, посмотреть на небо, вдохнуть свежего воздуха, испить из ручья холодной воды. И как величайшее счастье – разок выпустить кокон и стремглав промчаться по цветущему склону, вновь ощущая себя молодым и сильным. А потом упасть лицом в душистые травы и замереть, вбирая в себя всю красоту и приволье мира, когда-то так неосторожно потерянного из-за чужой подлости или собственной доверчивости.

– Куда теперь? – Оказавшись в верхнем штреке, Иридос на миг приостановил свой диковинный транспорт, бесцеремонно сцапал притаившихся в тени стен оборотней и засунул к остальным. Потом подтащил поближе к себе седого старшину, смерил внимательным взглядом: – Показывай, Дед.

– Направо, потом вниз, тут узкий тоннель, потом снова направо, теперь вон в тот штрек... – Старик командовал все увереннее, решив пока отложить все сомнения, раз негаданный помощник исполняет все их планы и даже помог избавиться от рабского ярма.

Невидимая воздушная повозка летела все быстрее, и никому из пассажиров не было слышно, как с грохотом осыпаются позади них самые узкие проходы, перекрывая путь не только погоне, но и подлым ловушкам.

– Дальше все время на запад, тут штреки старые, прямые, – облегченно выдохнул наконец Дед и осторожно спросил: – А ты ошейники всем сможешь снять?

– Для того к вам и шел, – пристально глядя вперед, мирно откликнулся дракон. – Но сначала нужно сходить еще в одно место...

Белый зверь, не отодвигающийся от друга даже на ладонь, сердито рыкнул, и неожиданно для старого оборотня маг весело фыркнул:

– Конечно, ты со мной, но гнома, думаю, лучше оставить с ними.

– Я там каждый камень знаю, – вдруг обиделся Тробер, но зверь недовольно зашипел, и коротышка сразу сник.

– Потому и не сказал... – бурчал он обиженно, – сразу понял, вы обязательно туда поедете. Я раньше думал, врут ардагские, не бывает таких оборотней... А теперь вижу, все чистая правда.

– Тробер, – вздохнул дракон, – я на лезть не покупаюсь, и мне все равно, какие байки распускают родичи Сегрина. У него ведь редкий талант, а они не ценили, спохватились, когда уже поздно было. Не захотел он жить после всего с семьей, ушел на новое место. Но тебя не беру не поэтому, просто у меня резерв не настолько полон, чтобы лишних таскать. Ты мне только одно скажи – есть поблизости от той лаборатории выход наружу?

– Так нам черные и приказали пробить оттуда ход наверх, на склон скалы, – мрачно посопев, начал объяснять гном. – Там глухое, дикое ущелье, ни с одной стороны нет прямого выхода к морю, делай чего ни пожелаешь. Раньше мы там охотились, куропатки непуганые, сами в руки шли. А теперь даже не заглядываем, ползает по камням какая-то гадость, черные на ней ловушки проверяют.

– Ну, раз видели гадость, значит, все же ходили туда, – усмехнулся магистр и тихо пояснил напарнику: – Самим нам наружу пока уйти нельзя, черные должны думать, что у них еще есть время. Зато вестника я теперь отправлю сам. Пусть выжгут там всю нечисть. Мне давно было непонятно, откуда в Дройвии и Ардаге время от времени появляются стада всякой дряни. То выводок выпней, то стая болотниц, а то и вовсе какая-нибудь ядовитая мерзость вроде взрывающихся гигантских слизней. Только теперь начинаю понимать, это же черные всех отвлекали от себя, следы запутывали. Вроде где-то со времен Разлома остались гнезда и понемногу размножились.

– Нам сюда, – подсказал дракону Дед, рассматривая его с непонятным

упорством.

– Чувствую, – отозвался Иридос, и воздушная карета сбавила скорость.

А через минуту влетела в просторную пещеру, где посредине стояли длинные столы, выложенные из каменных плит, у одной из стен булькали котлы над основательным очагом, а рядом стекала в выдолбленное в скале углубление светлая струйка. И везде сидели, бродили, чем-то занимались мужчины в рабских ошейниках.

– Ненавижу... – невольно вырвался у дракона рык при виде этой толпы оборванных и изможденных, бледных оборотней без малейшего признака защитных коконов.

Но они были – ошейники не давали магам вернуться в человеческий облик, в котором они менее выносливы. И одновременно высасывали всю энергию, какая могла усилить коконы.

Дивная повозка исчезла мгновенно, бережно опустив на пол рабов, и все находящиеся в пещере тотчас повернулись к ним и ошеломленно замерли, распахнув от изумления впавшие глаза и почти беззубые рты.

– Значит, они нас не видели, – уважительно покосился гном на дракона, но тот уже быстро шел по пещере, рассматривая на ее стенах нечто, заметное только ему одному. И время от времени делал резкий взмах рукой, словно обрывая невидимую паутину.

– А это кто такой? – раздалось сразу несколько встревоженных голосов, и Тробер спокойно, с вызовом сообщил:

– Иридос.

Случившегося в следующую секунду не ожидал никто: один из новеньких вдруг вскочил и ринулся прочь, но невидимая лапа вмиг сцапала его и выдернула из толпы, бросив к ногам резко развернувшегося дракона.

– Куда же ты бежал, Тимул? – почти ласково осведомился магистр, и от этого простого вопроса у всех оборотней на загривке встала дыбом призрачная шерсть.

– Никуда, – побелев от ужаса, упал на колени мужчина с неузнаваемо исчерченным шрамами лицом.

– Оставь его, – тронул Иридоса за локоть Дед, – не в себе он. Над теми, кто пытается их обмануть, черные издеваются особенно жестоко.

– Да он мне и не нужен, – остывая, раздосадованно выплюнул дракон. – Судьба другого тревожит. Не знаете... рыжий Мишеле? Этот торгош увел его обманом.

– Как не знать, – хмуро кивнул Дед, – он тоже у нас был. Сильно избит... поэтому отправили в приют со второй партией.

– И где этот приют? – вызывающе уставился ему в лицо Иридос,

отчетливо ощущая сложную мешанину чувств старого оборотня.

Недоверие, надежда, тревога и еще бог знает сколько различных оттенков.

– Мы думали, ты вместе с ними, – разочарованно буркнул Дед, но договорить не успел.

Белый зверь метнулся к нему молнией, одним ударом лапы сбил с ног и крепко сжал клыками руку, сжимавшую грубо выкованный кинжал, украшенный дешевыми камнями.

– Отпусти его, – мягко попросил Рада дракон, не отводя взора от стиснувшего зубы Деда, – он всего лишь пытался бросить мне вызов. Так велит старый обычай: если встречаются два вожака, то они должны вступить в поединок, и сильнейший объединит две стаи.

Рад выпустил руку старшины шахтеров, пренебрежительно фыркнул и с подчеркнутой аккуратностью вылизал свою лапу.

– Он ведь не знает, что вожака тут три, – продолжал пояснять напарнику глава дома ди Тинерд, – и до сих пор не догадывается, что можно дружно жить, не отнимая чужого дома и чужих родичей.

– А я думаю, – веско сообщил гном, на миг отрываясь от миски, из которой уже что-то увлеченно черпал, – ты его неверно понял. Это он решил подсунуть тебе свою стаю – вы богатые и живете сытно, да и ведьмы у вас, говорят, сильные.

– Рано пока этим заниматься, – сразу посерьезнел дракон. – Но одно могу сказать прямо сейчас: теперь ни один из вас не останется без лечения и крова. Все остальное будете решать сами, а мы поможем. Теперь нам пора, нужно вытащить тех, кто там еще остался. А вы идите к тому приюту, мы постараемся нагнать. Не закрывайте пока верхний проход сюда. Все остальные шахты и тоннели, по которым мы пришли, я уже обвалил. На случай, если кто-то из шахтеров не успел вернуться, оставил один выход, слева. Он узкий, справитесь и сами.

Подхватил напарника и исчез, словно его и не было.

– Зря ты так с ним, Дед, – подсыпал соли на рану огорченно скривившегося вожака Тробер. – Неужели еще не знаешь, что подсланные шакалы столько добра не делают? Да еще и белый ведьмак за него!

– Ничего ты не понимаешь, Троб, – устало шлепнулся на лавку Дед. – Мне другое теперь душу рвет – кому же мы тогда детей-то отправили? Сагор, наши все из шахт вернулись?

– Да. И двух надзирателей привели, ну, тех, ты знаешь. Ведьма ведь их живьем сварит, когда узнает, что мы ушли.

– Надзирателей усыпите, вход завалите, – вмиг стал собранным и

решительным старый вожак, – и уходите. Из еды возьмите мясо и самые ценные припасы. Раз там кормят, нечего сено таскать.

– А ты?

– Подожду немного.

– Тогда и я с тобой, – тотчас принял решение Тробер и подвинул ближе горшок с похлебкой. – Садись, поешь пока.

Оборотни уходили в спешке, но не забыли устроить заранее подготовленный обвал и подложить в кучи осыпавшихся камней тайком от надзирателей изготовленные ловушки. Хотя и не особо хитроумные и мощные, но черных на какое-то время должны задержать. А проход, ведущий в чудесный приют, открывался только тем, кто знал особый знак. И таких было всего трое: сам Дед и двое его верных помощников, проживших тут почти по половине жизни.

Младший из них, Калейн, давно был увечным и много ходить не мог, поэтому именно ему доверили сторожить заветную пещерку. Он там и жил в последние дни вместе с упорными подростками, не желавшими уходить в сытное тепло волшебного приюта вместе с малышами и женщинами.

А старший, Шерт, прежде чем уйти с последними рабами, несколько минут топтался возле вожака, тяжело вздыхая и бесцельно двигая по столу брошенные каменные миски.

– Дед...

– Лучше ничего не говори, – предупредил тот. – Я своих решений никогда не меняю, и ты это знаешь.

– Ну и глупо! – взорвался оборотень. – Они молодые и сильные вожаки, мы же все отлично чувствовали на них пояса. Настоящие... не в обиду тебе будь сказано. И у мага этого пояс просто невероятной мощи.

– А как ты думал, ради чего он хотел вас Иридосу отдать? – язвительно ухмыльнулся гном, отрываясь от плошки. – Позаботиться решил.

– Тробер, – холодно осадил коротышку Дед, – а с какой это стати ты вдруг начал вмешиваться в дела стаи?

– Так ведь сколько уже живем рядом, – вдруг всерьез обиделся коротышка. – И всегда старались помогать друг другу, иначе выживать было бы труднее.

– Я тебя еще не простил за лабораторию, – откинув со лба белую прядь, процедил Дед. – Столько лет знать и ничего не сказать... даже не намекнул.

– А ты не догадываешься, – вскочил на скамью ногами коротышка, сразу становясь выше друга, – сколько клятв на мне висит?! Причем со всех

сторон! Ведьма за каждый пустяк на свой алтарь кровь берет, ты на кинжале обеты требуешь! Я даже жене ничего сказать не могу, а уж как она пытается, немой бы заговорил!

– Ну извини, вспылil я. Но сам пойми, как я им в глаза смотреть буду, тем, кого этот маг с другом принесут? Они ведь небось надеялись, что мы попытаемся спасти... или договоримся с надзирателями хоть записку передать? Не все ведь звери.

– Не все. Но и людей среди охраны мало. А в лабораторию ведьма никого не пускала. И прости меня за жестокие слова, но долго там никто не выживал. Потому и не хотел Иридоса вести – спасти наверняка уже некого, а защита сильная. Гадина ведь не сама чаровала, ее хозяева тайком приезжали.

Последние слова гном произнес очень тихо, почти шепотом, стрельнув вокруг тревожным взглядом.

Оборотни тоже оглянулись, зябко поежились, словно ощутив на плечах чужие взоры, и больше не спорили.

Молча попрощались, и Шерт ушел. Последняя кучка рабов поджидала его у дальнего, спрятанного за камнями пролома в старые штреки. Идти до волшебного входа в ведущий к приюту тоннель нужно было еще не менее пары часов.

Глава двадцатая, в которой решается судьба шутника и появляется надежда у рабов и гномов

Проводив шестую группу беглецов в вереницу пещерок и штреков, по которым древни проложили путь к приюту Доры, Бетрисса оставила все дела и направилась в укромный уголок, где жил в эти дни Мишеле. Помогавший ей древень вырастил длинные плети мха, почти скрывавшие убежище графа, и тот старался не выходить оттуда, когда в пещере появлялась очередная толпа рабов.

Бет уже привыкла не стискивать зубы при виде уродливых шрамов и увечий и не плакать тайком после ухода очередной толпы, но меньше сочувствовать им не стала. Однако графа Хангро, которого прекрасно помнила беззаботным, проказливым мальчишкой, герцогиня Лаверно жалела особо, почти по-матерински, хотя и не испытала пока в полной мере этого прекрасного чувства.

– Мишеле? Я принесла поесть.

– Спасибо, – признательно глянул он, поднимаясь навстречу, и вдруг, как-то смущенно улыбнувшись, сделал комплимент: – Ты очень добрая. И красивая. Но во снах мне почему-то снится совсем другая девушка. Они светловолоса, а очи у нее голубые, как весеннее небо.

– Я очень рада, что не снюсь тебе, – серьезно смотрела во встревоженные зеленые глаза седого графа Бетрисса. – У меня есть муж, и я его люблю.

– Тогда почему он не с тобой?

– В нашей стране сейчас трудные времена, и он занят важным делом. А я – другим, но, надеюсь, скоро мы спасем всех пленников, и я с ним встречусь.

– Ты уйдешь отсюда?

– Вернусь домой, – мягко поправила Бет.

– А я?

– А разве у тебя нет дома? Неужели ты ничего не помнишь?

– Помню... очень много. И дом и деда. Но не помню, чтобы он меня ждал. И еще вспоминается, но смутно... какое-то важное дело... но где оно и какое – неясно.

– У тебя есть хорошие друзья, Мишеле, – попыталась успокоить его

Бет, – и они помогут тебе все вспомнить.

– Тимул тоже был другом... – горько вздохнул Хангро, – и привел меня к чернокнижникам. Но за свое предательство получил не меньше меня. Хотя сначала они поставили его младшим надзирателем... только он не справился. Оказывается, они сдают экзамен на верность хозяевам и должны доказать это делом. Не знаю, что ему приказали... но исполнить он не смог.

– И это меня радует, – погладила бедолагу по плечу Бетрисса. – Его я тоже знаю. И считала жадноватым и завистливым, но не подлым и не жестоким. Хотя одного пока не понимаю... впрочем, тебе лучше поменьше вспоминать об этом. Было – и прошло, теперь все будет как прежде, а Ительниз Габерд вовсе не такой, как Тимул, он тебя никогда не предаст. Да и дед твой тебя любит, но по-своему... такой уж у него характер. Не простил твоего отца за самоуправство, а вымещает на тебе. Но это не помешало ему лично просить у королевы для тебя титул.

– Ты многое обо мне знаешь, – изумился Мишеле, – почему же я тебя совсем не помню?

– Вспомнишь, – уверенно пообещала Бет, уже наслышанная о чудесных исцелениях детей, наконец-то добравшихся до приюта Тэрлины. – У нас лекари сильные. А сейчас поешь и ложись отдыхать, скоро и тебе придется отправиться в путь.

О том, что в еду она добавила сонного зелья, присланного сиреной, Бет говорить не собиралась, пусть цветок сам ему объясняет свое решение.

Заглянув через полчаса в уголок графа, старшина кадеток обнаружила Мишеле сладко сопящим возле полупустого горшочка и, печально вздохнув, позвала древня. Может, она поступает и неверно, всячески препятствуя новой встрече графа Хангро с Октябриной, но пусть лучше они оба немного позабудут про старые надежды и обиды. Время – лучший судья, и никто точнее его не покажет, права она сейчас или нет.

– Бет? – раздался за спиной герцогини Лаверно мелодичный голос, и она ринулась на него, как беспечная бабочка на свет.

– Тэри!

– Бет! Как я соскучилась... ты не представляешь! – тиская подругу, смеялась сирена и не таясь смахивала счастливые слезинки. – И по девочкам тоже! Но теперь меньше половины осталось, и все самые слабые пришли. Древни все время считают. А я за Мишеле, унесу зеленым путем. У цветка все время добавляется сил, он теперь такой пышный стал, красивый.

– А как ребяташки, не мешают ему? – вспомнила худеньких бледных малышей Бетрисса.

– Они почти все время спят, – мягко улыбнулась Тэрлина. – Во сне цветку легче их лечить. И женщин тоже, но скоро у нас станет тесно. Древни вырастили мох во всех ближних пещерах и разместили там спасенных. Пора выпускать самых крепких наверх, но сначала необходимо объяснить все королеве. И никто не сделает это лучше тебя. Из следующей партии оборотней выбери кого-нибудь на свое место и дай команду древню, он тебя перенесет. Немного позже отпущу Дору и остальных.

– Это хорошо, – обрадовалась Бетрисса. – Я уже волнуюсь, каково ей там.

– Не тревожься, – поняв, о ком беспокоится бывшая наставница, широко улыбнулась Тэри. – Я ей часто передаю записки, когда посылаю древней за продуктами. Думаю, она уже кое о чем догадалась, судя по ответам.

– Камень с души, – выдохнула старшина и осторожно похвалила: – А ты стала такой же, как прежде... и хотя я не знаю, что этому причиной, но безмерно рада. Печаль не идет твоему личику.

– Бет... – снова тихо засмеялась серебряным смехом сирена, – ты права и не права. Я много разговариваю с цветком, он хранит несметное количество знаний о прошедших веках и различных существах. Об эльфах, людях, магах, оборотнях, русалках и прочих. И все они любили, страдали, ошибались... Нет, он никогда не дает советов и не подсказывает решений. Просто рассказывает, как было, но постепенно начинаешь лучше понимать свою собственную жизнь, словно видишь со стороны. Я ведь невероятно счастливая девушка, мне повезло полюбить очень достойного мужчину. Умного, честного, смелого, верного... ну, ты и сама знаешь. И еще сильнее повезло вовремя понять, что только рядом с ним я буду счастлива. Теперь мне не нужно ничего ждать и никуда спешить, не нужно ходить на балы и ждать новых знакомств, не нужно любезничать со всеми подряд и изучать каждого мужчину, мучаясь вопросом: а вдруг это Он?

– Ох, Тэри... – только и смогла выговорить ошеломленная Бетрисса.

– Ну да, я. И ты, кстати, тоже помогла мне это понять, я ведь хорошо помню сказанное тобой про лорда Тайвора.

– Это несколько иное...

– У всех людей свои истории и свои тонкости, – уверенно кивнула сияющая счастливой улыбкой Тэрлина, – но главное всегда одно. Если уверена в своей любви, нужно беречь ее как зеницу ока и больше не искать никого другого. Ну, мне пора, где Мишеле?

– Тэри, – осмелилась наконец высказать тайное желание Бет, сообразив, что теперь, став более мудрой и рассудительной, подруга

наверняка поймет ее сомнения, – я хотела попросить... Когда цветок будет лечить Хангро, пусть пока не возвращает его волосам рыжий цвет. Он сам решит, как все вспомнит, каким ему теперь быть.

– Хорошо, – сразу посерьезнев, кивнула Тэрлина, обняла на прощание старшину и скомандовала сидевшему рядом древню: – Забирайте Мишеле, уходим.

Крутнулся зеленый туман, дохнуло ароматом незнакомых цветов, и стало тихо и пустынно. Бетрисса прошла в закуток графа, собрала посуду, прихватила одеяло и отправилась в свой угол, стараясь не думать, правильно ли поступает, вмешиваясь, хотя и ненавязчиво, в чужую жизнь.

Очередная группа, возглавляемая гордыми своей миссией Галем и Лисом, оказалась самой многочисленной. Уже все уголки поросшей мохом просторной пещеры были заняты тесно сидевшими усталыми людьми, а растянувшиеся в длинный хвост отставшие все подходили и подходили. И в этот раз шея каждого была украшена куском грубой цепи с редкими розетками почти необработанных камней. Чернокнижникам не было нужды утруждать себя заботой о красоте и удобстве рабского ярма.

– Древень, – еле слышно шепнула призрачному помощнику встревоженная Бетрисса, – надо что-то делать. Боюсь, у меня на всех и готовой еды не хватит. Может, посоветуешься с матерью?

– Она уже думает, – буркнул древень и исчез во мху, а Бет, огорченно вздохнув, принялась раздавать еду.

– Ты не волнуйся, Бетрисса, – деликатно подступил к хозяйке приюта немолодой оборотень и представился: – Я – Шерт. А припасы у нас и свои есть... просто хочется свободной еды попробовать. Выдай нам сколько можно, а десятники сами поделают.

– У вас, смотрю, порядки как в армии, – облегченно улыбнулась Бет и широким жестом указала на полку с продуктами: – Тогда сам поставь кого-нибудь тут командовать.

– Калейн! – окликнул кого-то оборотень.

– Доверяешь все запасы? – неверяще изумился приковылявший на зов калека и тотчас сконфуженно опустил взор, встретившись с откровенно насмешливым взглядом Бетриссы.

– Просто передаю тебе свою должность, – поправила она. – Вы все люди взрослые и сами во всем разберетесь. И умывальню найдете, и одеяла. А мне пора заниматься другими делами, только сначала вас устроим. Пока даже уложить всех негде.

Напоминать о том, что рабов просили приходить по пять-шесть

десятков, Бетрисса не стала. Этот упрек теперь ничем не поможет, так зачем их обижать? Раз заявились такой толпой, значит, не было другого выхода. Вполне возможно, чернокнижники о чем-то догадались и пришлось срочно убегать. Хотя древни, которые караулят путь к ее приюту, в случае опасности уже подали бы ей знак и намертво замуровали тайный вход.

– А что ты сделаешь? – примирительно вздохнул старший. – Вот перекусим, и все, кто помоложе, пойдут дальше. Тут не холодно, вздремнут немного где-нибудь на тропе, мы привычные.

– Немного дальше есть пещерка, где теперь растет мох, – прозвучал прямо над ухом кадетки голосок древня. – Там поместится сорок человек.

– Не нужно спать на тропе, – твердо запретила Бет оборотню и пояснила про пещерку, затем предложила Калейну: – Выдай им еды и пусть идут обедать туда, это недалеко.

Проводила взглядом послушно поднявшихся с мест оборотней, которых отобрал старший, и совсем уже собралась уходить, но вдруг вспомнила, как называли вожака сбившихся в стаю рабов проходившие здесь женщины и калеки.

– А почему ты назвался не Дедом? – осторожно поинтересовалась кадетка у Шерта, устроившегося неподалеку с миской.

– Так я и не Дед, – вмиг помрачнел оборотень. – Он остался там, в пещерах.

– Один? – непонимающе нахмурилась она. – А зачем?

– Ждет... – Шерт немного помялся, посмотрел в глаза женщины, без сомнений доверившей им и припасы, и свой приют, и тяжело вздохнул: – Пришли к нам на помощь странные оборотни. Первый – сильный маг и вожак, второй – белый зверь. Таких почти не бывает.

– Разбойник! – охнула, бледнея, Бетрисса и, припомнив пояснение Тэри, спросила затаив дыхание: – А мага, случайно... не Иридос зовут?

– Кто разбойник? – насторожились прислушивающиеся к их разговору оборотни.

– Это просто прозвище, – досадуя на себя за оплошность, отмахнулась старшина. – Так как звали мага?

– Ты угадала – Иридос, – тяжело вздохнул Шерт и признался: – Но он про ваши приюты ничего не знает.

– А откуда ему знать, если они ушли прежде, чем нас попросили тут помочь? – искренне изумилась кадетка, и оборотни посветлели, не расслышав в ее голосе лжи. – И как они там?

– Иридос несколько ошейников снял, – похвастался кто-то. – Обещал

всех освободить. И магию пополнил, а то совсем пустой был.

– Так раз он вас спас и магию пополнил, – в душе Бет начало просыпаться нехорошее подозрение, – то почему не пришел сюда? Куда они делись?

– Пошли... – нехотя выдавил оборотень и опустил голову под требовательным взглядом хозяйки приюта, – искать лабораторию. Черные уводили туда самых непокорных... а обратно никто не приходил. Но он думает, что там могут быть живые...

– И когда это было? – мгновенно сложила в уме картинку герцогиня Лаверно, и на душе завывала зимняя выюга.

– Часов шесть назад, – потерянно пробормотал старый оборотень, и сам уже давно чуявший неладное, но не желавший говорить этого вслух.

Ведь все равно не пройти им там, куда ушли два вожака.

– Древень... – помертвелыми губами прошептала Бет, – неси меня, куда собирался, и запомни накрепко: Тэри этой новости узнать не должна.

Глава двадцать первая, принесшая магистрам плато долгожданные новости, а тихоне – сомнения и беспокойство

В мире, как выяснилось, было солнечно, тепло и так тихо, что это казалось изощренной западней.

С минуту Бетрисса неверяще смотрела на голубое послеполуденное небо, на картинно округлые пенки облаков, потом оглянулась, вспомнив про древня, и разочарованно фыркнула. Позади нее мирно шелестел листочками кустик жасмина.

А потом кадетка расслышала все нарастающий шорох, поспешно перевела взгляд на пустынный секунду назад двор и на миг ошеломленно замерла, не в силах осознать, что здесь происходит.

Перед ней стремительно распускались пышные кипы разноцветного тумана, словно неведомый великан швырнул горсть волшебных горошин и они вмиг проросли вот такими яркими облаками.

А потом из них появились уже знакомые Бетриссе фигуры магистров в смешных коротких штанах и ярких рубахах, и она поняла, как все они ждали, когда тут появится хоть кто-нибудь из ушедших вниз. И значит, не нужно никуда бежать и кого-то искать, вот эти умные и могущественные мужчины сейчас найдут самый лучший способ спасти своего дракона и их разбойника.

– Бет, – решительно пробился к ней хмурый, встревоженный Годренс, крепко обнял и тут же отодвинул, бдительно вглядываясь названной сестре в лицо, – как там у вас? И почему так мало присылаете вестей?

– У нас все хорошо, а писать некогда... – виновато вздохнула Бетрисса, отлично понимая его тревогу. – Но сейчас главное не это. Первых детей и калек цветов подлечил и скоро выпустит на волю, нужно их встретить возле старого прохода в подвале. И еще: шесть часов назад Иридос и Рад ушли в какую-то тайную лабораторию, спасти последних рабов. Но пора бы им вернуться.

– Откуда они шли? – деловито задал вопрос Лангорис. – Можно я загляну в твое сознание?

– Лучше к любому оборотню, – сразу сообразила бесполезность этого

действия Бет. – Я ведь не была в тех пещерах. Древень? Быстро выведите сюда несколько калек из тех, кто работал в шахтах.

Кустик недовольно зашуршал листочками, но просьбу выполнил.

Закрутился зеленым хороводом призрачный дым и оставил на траве четверку оборванных оборотней, оглушенных внезапным переносом.

– Поразительно, – восхищенно пробормотал кто-то из магов, и они тотчас дружно набросились на бывших пленников.

Подхватили невидимыми лапами, уложили на выросшие посреди лужайки лежанки, принялись колдовать над искалеченными конечностями и страшными шрамами. А Бет, мельком отметив, что цветок не прислал ни одного в рабском ошейнике, опустилась на скамейку и задумалась, не зная, как поступить. Идти к королеве, как приказал цветок, или возложить эту задачку на уверенных в себе, почти всемогущих магов и вернуться туда, где она пока нужнее, чем тут. Успела осознать, пока объяснялась с беловолосым магистром. Они и сами придумают, как утешить ее величество, а Бет может помочь Доре, к которой скоро придет последняя, самая большая толпа.

А еще так хочется самой кое о чем расспросить старших оборотней и посекретничать с цветком, опекающим Тэри не меньше самой Бет. Хотя сирена теперь решительнее и мудрее, но менее ранимой все же не стала.

– Бетрисса, – торопливо водя руками над покойно спящими оборотнями, окликнул ее Лангорис, – мы отправляем их на плато, тут очень много работы. Сами уходим на помощь Иридосу, а Годренса отправим в Карстад, поэтому королеве все объяснишь сама.

Бет даже рот не успела открыть, чтобы возразить, как плеснул в лицо теплый ветерок, принесший запах дыма и снега, и стало вдруг тихо, светло и пустынно, словно все это ей приснилось.

Герцогиня Лаверно потрясенно выдохнула – невероятно трудно простому человеку привыкнуть к таким возможностям, поневоле ощущаешь себя бедной селянкой. И такой же наивной, ведь нелегкую беседу с Зантарией маги очень ловко свалили на ее плечи. Хотя... еще не поздно улизнуть.

– Бет!..

Кадетка резко оглянулась и огорченно прикусила губу: через двор к ней сломя голову летела растрепанная, небрежно одетая королева. По-видимому, известие о приходе старшей фрейлины застало ее величество врасплох.

– Ну чего ты так бежишь, – уговаривала Фанья, легко бежавшая рядом с подругой. – Никуда она не денется, раз пришла сама.

– Ваше величество, – поспешила навстречу им Бетрисса, с досадой осознавая, какую непростительную ошибку едва не совершила, собравшись уйти, не показавшись Зантании, – я здесь. Не спешите, я как раз шла к вам.

– Бет... – выдавила, прерывисто дыша, королева, всхлипнула и тяжело повисла на герцогине, поливая ее плечо щедрыми слезами, – как вы там? Как Тэри? Про Рада ничего не слышала? Мне сны снятся...

– Меньше нужно думами себя изводить, чтобы страсти не мерещились, – сердито буркнула Фанья, заботливо отирая ей платочком лицо, и заговорщицки подмигнула Бетриссе.

– У нас все хорошо, – поспешила отчитаться Бет, – всех рабов удалось вывести из шахт, сегодня цветок отправит сюда, к вам, первую группу детей и женщин. Их нужно устроить на ночлег и накормить. Тэри сидит возле цветка, помогает ему восстановить силу. А разбойник с Иридосом всего несколько часов назад отправили ко мне последний отряд рабов и пошли искать какую-то мастерскую или склад... оборотни не поняли.

– Какую мастерскую? – снова насторожилась королева. – Зачем она ему?

– Ваше величество! – сделала обиженное лицо Бет. – Вы плохо знаете своего советника? Когда это он сообщал о своих намерениях каким-то фрейлинам? Но не думаю, что там очень опасно, старшим у них магистр Иридос, а в его могуществе все мы успели убедиться. И кроме того, туда сейчас помчалась вся толпа магов, которые напали на меня в садике. Они же как дети – больше всего любят изучать чужие игрушки. Вы лучше скажите мне, сколько детей и женщин можно привести прямо сейчас? Только учтите, древни переправят их не в сад, а в подвал, в свой старый дом. Многие малыши никогда не видели солнца и могут испугаться. Им не нужно кроватей и перин, достаточно коврика на полу, и ложка у каждого своя. А едят они всё, даже просто хлеб с водой.

– Ох, светлые духи... – помрачнела живо представившая это королева. – Пусть ведут всех, дом большой, а маги натаскали полные подвалы запасов и обставили мебелью все пустые комнаты, тут постоянно дежурила пара старших магистров и не менее десятка маглов. Вон они выглядывают из окон, думаю, уже услышали каждое твое слово.

– Тогда я иду помогать им собраться, женщины цепляются за каждую тряпку, нажитую за годы рабства. Кстати, Фанья, не удивляйся, когда их увидишь. Серые костюмы кадеток они делили как величайшую ценность, штаны отдавали мальчикам, а платья девочкам. Сама я с ними прийти не смогу, пойду помогать Доре, она скоро начнет принимать последние, самые большие отряды.

– Может, мне пойти с тобой? – в глазах тихони было сомнение, но Зантария разрешила его с королевской уверенностью:

– И спрашивать не нужно, иди. Я и без тебя пока обойдусь, маги привели мне сюда Саэлену. – Последнее объяснение предназначалось Бетриссе, и та понимающе кивнула, – А вам с собой ничего взять не нужно?

– Нет, – отказалась старшина, – древни все приносят сами.

– Тогда возьми это... – Зантария принялась снимать с себя амулеты и, не слушая никаких возражений, вешать на Бет. – Я здесь под охраной отряда магов, а у вас там может случиться все что угодно...

Кадетка умоляюще глянула на Фанью, но та словно не поняла немого призыва о помощи, и только когда большая половина защитных оберегов королевы повисла на шее Бетриссы, деликатно остановила руку старинной подруги:

– Остальные привязаны и могут ей навредить. А теперь идем.

Они вернулись в садик, встали возле куста и оглянулись на королеву, провожавшую их тоскливым взглядом:

– Ваше величество...

– Дайте мне честное слово, если с ним... что-то... сразу прислать весточку.

– Не допустите светлые духи, – сделала отвращающий знак Бетрисса. – Пусть с ним ничего плохого не произойдет. Но слово даю. Древень? Можете отправлять детей в подвал. А нас с Фаньей отведи к Доре.

Королева хотела еще что-то сказать верной подруге на прощание, но куст вдруг вспух зеленым туманом и мгновенно поглотил ее собеседниц, словно портал, открытый магами плато.

А в следующий миг один из маглов, следивший за королевой из окна, уже стоял рядом с ней, учтиво подавая руку:

– Позвольте отвести вас в ваши покои?

– Ни в коем случае, – категорично отрезала ее величество и решительно направилась к одному из подвальных окон.

Секреты потайных ходов замка Элайн она изучила не хуже сына.

– У Доры еще никого нет, – прозвенел голосок древня, пока зеленый снаряд стремительно мчал тесно прижатых друг к другу женщин по полутемным тоннелям.

Полупрозрачные стенки странного коккона позволяли разглядеть лишь мелькание светлых пятен, сливающихся в одно, но пошевелиться или

поговорить путницы не имели никакой возможности. Однако Фанья все же умудрилась пробормотать кадетке на ухо:

– Ты сказала ей не всю правду.

Бет только строптиво фыркнула: она сообщила королеве все, о чем знала точно, а свои догадки и домыслы в таких случаях лучше держать при себе.

Но когда зеленый путь поставил их в уголке пещеры, знакомой старшине до последнего клочка мха, все-таки ответила тихоне:

– Только то, о чем здесь знают все.

Многозначительно указала взглядом на наостривших уши оборотней и не стала продолжать, но Фанье и этого хватило. Она и сама все сообразила и вмиг побелела, словно уже получила страшную весть.

– Твоей подруге плохо? – Калейн, прихрамывая и подергивая вывернутым плечом, торопливо двигался к ним, ловко пробираясь между вповалку спящими людьми, а тихоня все крепче стискивала зубы, стараясь не закричать от горя и отчаяния и ничем себя не выдать.

В тот страшный день, когда крепко прикрученная к мельничному колесу Фанья прощалась с жизнью, ей пришла в голову единственная спасительная мысль. Дать своей покровительнице нерушимое обещание стать тихоней для того, кто спасет ее от ужасной участи, посвятить ему всю жизнь и никогда не заводить своей семьи. И Святая Тишина сотворила чудо. Когда девчонка уже потеряла всякую надежду, внезапно появилась красивая и смелая маркиза и не пожалела для спасения полумертвой незнакомки ни денег, ни времени, ни сил.

И с того мига Фанья свято исполняла взятый на себя обет – стала тенью Зантарии, а потом и ее сына. Сразу, с момента как увидала, каким взглядом смотрит юная монахиня на лежащее рядом с ней крохотное существо, поняв, для кого теперь бьется ее сердце.

А теперь с ним случилось несчастье... и это убьет ее королеву, ставшую за эти годы Фанье больше чем просто хозяйкой и подругой. И все из-того, что Святая Тишина не прощает своим сестрам предательства, а она предала... Позволила любви вползти в свое сердце, решила, что ничего не случится, если и у нее будет небольшой кусочек личного счастья... да и как было отказаться, если Майзен более других достоин иметь надежную подругу и детей, о которых он так мечтает. И всего два дня назад она вдруг поняла – к следующей весне его мечта сбудется, но смолчала, боясь спугнуть робкое счастье.

А сегодня, когда королева рассказывала ей поутру свой сон, тихоня вдруг с ужасом вспомнила перешептывания старых монашек в далеком

северном монастыре.

«Обмануть нашу святую сестру невозможно, – вздыхали они. – Ни одному хитрецу пока не удалось. Все она знает и видит, и только очередной лгунье покажется, что пронесло, не заметила среди множества дел покровительница ее лукавства, как та обязательно даст о себе знать. Взамен полученного отнимет более ценное, ударит по самому дорогому в назидание другим...»

И вот оно... Рад, кто еще может быть дороже для той, которая вырастила его наравне с матерью? Ну а времени и сил отдала неизмеримо более, ведь в монастыре только настоятельница знала, что нелюдима воспитанница не травы в рощице за оградой собирает, а нянчит в доме живущего по соседству графа собственного новорожденного сына.

– Просто она никогда не бывала в таких пещерах... – Бодрый голос Бетриссы вырвал Олифанию из плена волной нахлынувших ужаса и раскаяния, и она, сделав над собой неимоверное усилие, изобразила смущенную улыбку.

Судя по сочувствующему взгляду калеки, получилось не очень правдоподобно, и Фанье вмиг стало совестно. Она пришла сюда помочь этим несчастным, а вместо этого они соболезнают ей и даже пытаются как-то поддержать.

– Нам это хорошо знакомо, – мягко произнес калека и ловко достал с камня кружку с каким-то напитком. – Выпей, легче станет.

– Ничего, уже прошло, – отказалась тихоня и глянула на кадетку: – А чем ты хотела тут заняться?

– Спросить, куда делся Шерт.

– Ушел, – хмуро сообщил Калейн и еще неохотнее добавил: – Встречать Деда. Но он не один, не волнуйся. Взял с собой пяток самых крепких парней из тех, с кого Иридос ошейники снял. Они в коконах побегут, чтоб быстрее.

– Так и знала, – огорченно всплеснула руками Бетрисса. – Ну как дети малые, нельзя на полчаса без присмотра оставить! А что там и без него есть кому Деда встретить, он не додумался?

Смерила смутившегося оборотня возмущенным взглядом и, забыв от расстройства о секретности, позвала вслух:

– Древень, мы сможем их обогнать?

– Да, – высунулась из мха полупризрачная голова дивного существа, и все оборотни, тайком наблюдающие за этой беседой, надолго онемели от потрясения.

А когда пришли в себя, на месте, где взвился зеленый смерч, не

шевелился уже ни один лепесток светящихся звездочками цветочков.

– А зачем нам нужно было их обгонять? – задала законный вопрос Олифания, когда зеленый путь мягко опустил их на моховой ковер совершенно пустой, почти темной и прохладной пещерки.

– Как – зачем? – огорченно глянула на нее Бетрисса. – Чтобы спасти. Обратни из последних партий рассказывали, что Рад и магистр были почти без энергии, пополнили немного, лишь когда попали в горячие шахты и сняли с нескольких рабов ошейники. Я мало понимаю в магии, но рабы говорили, что камни просто светились от силы, а когда Иридос их отдавал гному, они уже были черны, как простые булыжники. И если сейчас они кого-то спасут, там, в мастерских или лабораториях, то вряд ли смогут найти и кристаллы с энергией. Черные далеко не дураки и никогда не положат все яйца в одну корзину. А Дед с гномом сидят где-то в жилых пещерах, от них сюда часа три пути. И лучше будет, если мы их уведем, чтобы Иридосу не тащить дополнительный груз. Заодно приготовим магам подарок. Рад учил нас делать тайнички и оставлять условные знаки. Я положу туда все амулеты королевы, думаю, тут хватит энергии, чтобы добраться до древней.

– А ты уверена, что дойдешь? – остро глянула на герцогиню Фанья, признавая справедливость ее рассуждений.

Хотя всякое может случиться, но и такой вариант нельзя не брать в расчет. И значит, действительно нужно идти за этим самым Дедом, непонятно из какого упорства оставшимся в плену.

– Я-то дойду, – неожиданно вздохнула Бет. – И в случае чего могу зелье бодрости выпить. А вот тебе такое пить нельзя. Может, тут посидишь, оборотней успокоишь, когда прибегут? Дальше их древни не пропустят, я попрошу.

– Мы никому не откроем, – вылез из мха древень и устроился на тонком стебельке, как в кресле. – И тебя тоже не пустили бы, но цветок чувствует боль... много боли. Нужно отнести силу, ты правильно решила. И зелья тоже. А ей давать не нужно. Цветок ее успокоил и силы вам добавил.

– Откуда... – начала было Фанья и прикусила язык.

Разве теперь имеет значение, как цветок узнал ее тайну? Главное, помог, зелья в ее положении действительно нежелательны, особенно придающие силы и забирающие взамен здоровье. Всего на несколько дней, но и они могут оказаться роковыми для еще слабого ростка новой жизни. А для нее сейчас самое важное – сохранить это почти невозможное чудо и

помочь Бет спасти Рада и магистра.

– Спасибо, – серьезно поблагодарила Бет древня, подхватила мешок, который возник рядом с ним, и забросила на плечо. – Идем.

Некоторое время они шли молча, отдавая все внимание только дороге и не желая отвлекаться ни на разговоры, ни на посторонние мысли. Да и трудно разговаривать о чем-либо, когда почти бежишь по узким переходам и полутемным шахтам, где то и дело попадаются то слегка сдвинутые в сторону кучи камней, то небрежно присыпанные ямки. Рабы – не гномы, следить за порядком в тупиковых отводках старых, давно заброшенных выработок не имели ни сил, ни желания.

Часа через два, приостановившись на берегу темного, уходящего в скалы ручейка, Бет вдруг сбросила с плеч мешок:

– Привал.

И первой зачерпнула кружкой ледяной воды.

– А ты уверена, что ее можно пить? – перехватила руку кадетки наставница.

– Да. Вот знак. И оборотни говорили про это место. Даже карту мне нарисовали, я выучила, когда сидела в приюте одна.

– А вы не могли в это время писать нам или... – Договаривать Фанья не стала, Бетрисса ловит намеки на лету.

– О чем писать? – открыто глянула ей в лицо старшина. – Как тоскуем по любимым, по солнцу и даже по дождю? Не говоря обо всем прочем. Вы же сразу заволнуетесь, а цветок и так сидит в самой дальней пещере, чтобы спокойно набрать энергии и вырастить новый мох и детей. Их же оставалось очень мало, но сейчас я хотела спросить не об этом. Что тебя так взволновало, если цветок счел необходимым успокаивать? Ты боишься за Рада или за себя?

– Теперь можно сказать вслух, – горько вздохнула Фанья, – но только тебе. Когда меня приговорили... в шестнадцать лет... я дала своей покровительнице обет жить только для того, кто меня спасет. И свято его выполняла, тем более она оказалась достойной этого дара, юная маркиза Лерайн. Поэтому я и не хотела выходить за Майзена, хотя и без него жить давно не могу.

– И ты полагаешь... – подумав, прямолинейно осведомилась Бет, отодвинув кусок лепешки, – это Святая Тишина наказывает сейчас Рада и Иридоса за то, что ты решила связать судьбу с любимым мужчиной?

– Не знаю. Иногда думаю так, иногда – иначе. Но давно убедилась, что боги, как и люди, не любят обмана. И наказывают предателей очень строго.

– Возможно. Но не так жестоко. Я уверена, тут ты ошибаешься. Мне

встречались люди, которые ей поклоняются. Они утверждали, что Тишина справедлива, милосердна и никого не наказывает. Просто никогда не помогает подлым и лживым. Я никому не расскажу о нашем разговоре, но не могу пообещать не разузнать точнее, иначе спокойно спать не смогу. А сейчас пора идти, осталось немного.

И они снова шли, а выработки становились все более неприятными и темными. Фанья подозревала, что, узнав об открывшемся выходе на свободу, оборотни умышленно не стали тут убирать и предпочитали осторожно протискиваться между груд камней и мусора, лишь бы случайно не выдать надсмотрщикам своей последней надежды на спасение.

Глава двадцать вторая, полная долгожданных встреч и неожиданных открытий

В этот раз путешествие закончилось вдвое быстрее, и к концу тихоня шла первой, уговорив Бет уступить ей место проводника. И вдруг резко остановилась и нарочито громко сообщила:

– Кажется, добрались, посмотри-ка карту, Бетрисса!

– А зачем вы сюда добирались? – едко осведомился откуда-то из темного угла невидимый пока мужчина, и Фанья, вдруг почувствовав себя хрупкой лодчонкой, попавшей под сокрушающий удар штормовой волны, резко покачнулась.

Она изнеможенно оперлась о стену и на несколько секунд зажмурилась, переживая вскипевшую в душе бурю самых разных эмоций. От растерянности и радости до страха и неверия. Не бывает так в жизни, просто не должно быть такой страшной несправедливости...

– Что с тобой? Нехорошо? – Бет мгновенно оказалась рядом, подхватила наставницу под руку, оглянулась и рявкнула так, как умеют только нянечки в мужских лазаретах: – А у тебя тожехватило ума – пугать беременную женщину! Или не сообразил, что никто чужой из этого штрека выйти не мог? Так это ты – Дед?

– Извини, – появившийся из сумрака старик вовсе не казался пристыженным, – просто не ожидал в гости беременных дам. И теперь еще больше не понимаю, зачем вы сюда шли?

– Чтобы отвести вас с гномом в приют, – сердито заявила Бет, усаживая подозрительно молчаливую Фанью на стоящую возле стола лавку, – а то твои парни уже бегут сюда, на помощь.

– И вам удалось их опередить? – Что-то знакомое мелькнуло на его лице, выбеленном долгими годами жизни в подземелье, но кадетке сейчас было не до изучения чужих лиц.

– Нас к выходу перенесли древни. И они оборотней никуда не выпустят, не для того мы столько сил потратили на ваше спасение. А сейчас перекусим, отвару выпьем и пойдем назад, все вместе. Кстати, а где это ты гнома прячешь?

– Спит он, – буркнул упрямо насупившийся старик, но показавшаяся из-под стола круглая шапочка и хитрые глазки опровергли это заявление.

– А что вы принесли? – кротко, словно был послушным мальчиком, а не многоопытным старостой поселка, поинтересовался гном.

– Еду. И часть сейчас съедим, а остальное спрячем для Иридоса и Рада. Если они придут сюда, то будут голодны и усталы, – раскладывая по столу продукты, поясняла герцогиня, раздумывая, почему Фанья тайком приказала ей помалкивать.

Условным жестом, одним из десятка выученных кадетками наизусть, как и умение показывать и распознавать в любой обстановке. Хотя Бетрисса и не собиралась говорить этим упрямам ничего такого, чего они сами не увидят, когда попадут в пещеру цветка. Древни не прячутся от тех, кого излечили, нет никого благодарнее и вернее освобожденных от пожизненной каторги пленников. Если они не заклые преступники, разумеется.

– Лепешки, – сжевав кусочек, блаженно закатил глаза гном. – Давно я таких не ел.

– Те самые, какие приносили мальчишки, – хмуро подтвердил Дед. – Но я никуда не пойду. Вдруг им нужна будет помощь?

– Мы принесли все, что может понадобится, – веско сообщила Бетрисса и без обиняков добавила: – А если они притащат спасенных и за ними будут гнаться черные, то каждый лишний человек может оказаться камнем на шее. И вы должны это понимать. Поэтому пойдете отсюда своими ножками.

– Ну, не такие уж мы беспомощные! – внезапно оскорбился гном. – Как ты думаешь, почему черные заключили с нами перемирие? Они ведь поначалу пытались и из нас рабов сделать! Но потеряли несколько надзирателей и отступились – позвали договариваться.

– И много вы у них поблажек выторговали взамен? – пододвигая гному горшочек с едой магов, хмыкнула герцогиня. – И можно ли называть такую жизнь свободой? Думаешь, никому не известно, что они у вас и банк отобрали, и самих дальше этих гор не выпускают?

– А ты откуда такие секреты знаешь? – насторожился коротышка. – Черные не могли этого никому сказать!

– Некоторые вещи не нужно никому говорить, – сочувственно улыбнулась ему Бет. – Умные люди постепенно все понимают сами. Не знаешь пословицу: «Все тайное когда-то становится явным»? Но зубы мне не заговаривай, а ешь побыстрее, нам в обратный путь пора.

– Жестокая ты, – буркнул Дед, – беременной подружке отдохнуть не даешь! Она у тебя вон сомлела, слова сказать не может.

– Не хочет, – не согласилась кадетка, хотя и не понимала, почему

Фанья ведет себя так странно.

Но знак подала очень ясный и теперь поглядывает на подругу одобрительно.

Значит, в чем-то заподозрила странную парочку или, наоборот, боится, как бы они о чем-то не догадались. А может, и вовсе кого-то из них узнала или рассмотрела какой-то знак. Для Бет это пока не важно. И чужих тайн ей не нужно, если Фанья захочет – потом все объяснит. Сейчас им необходимо любым способом уговорить этих упрямцев уйти отсюда.

Кадетка быстро допила свой чай, выставила на стол продукты и начала снимать амулеты и складывать в освободившийся горшочек. Фанья тотчас поднялась с места и принялась помогать, добавив в тайничок и собственных украшений и зелий. Потом разложила продукты по столу в строго определенном порядке и пошла устраивать ухоронку, точно зная: если Рад придет сюда живым, то никогда не пропустит намертво заученных условных знаков.

– Видел я лет тридцать назад девчонку, – хлестким ударом кнута ожег ей спину задумчивый голос Деда, – которая так же хорошо знала тайную грамоту эльвов.

– Наша наставница училась в монастыре Святой Тишины, – почуяв в словах оборотня какой-то подвох, усмехнулась Бет. – Но об этом я расскажу тебе по дороге, а сейчас вставай и пойдем.

– И даже не дашь старику собрать свои вещички?

– Не дам, – не поверила ему старшина. – Ты на дурака не похож, и значит, все самое ценное давно у тебя в карманах. Умные не держат ценности под тюфяком, когда погоня может нагрянуть с минуты на минуту.

Пещера вдруг слабо, почти незаметно содрогнулась, словно где-то далеко упало или обрушилось нечто тяжелое, и оба обитателя шахт вмиг насторожились и помрачнели.

– Что там случилось? – осведомилась герцогиня, не отводя пристального взгляда от лица Деда. – Вы же наверняка догадываетесь, что означает этот гул?

– Мы, может, и понимаем... – ехидно усмехнулся оборотень и холодно заявил: – Но вам докладывать не собираемся. И никуда отсюда не пойдем, по крайней мере, я.

Бет смотрела в его светло-карие глаза, в которых просвечивала звериная желтизна, и все отчетливее видела совсем другое лицо. Более молодое, загорелое и красивое, но такое же непреклонное и самоуверенное.

И все яснее осознавала, почему так упрямо молчит Фанья. Да и многое другое становилось понятнее, хотя вопросов пока оставалось много. Но

главным был один: знает ли он хоть что-то о сыне, который, скорее всего, сейчас находится там, где камни рушатся с неистовой силой, заставляющей гудеть все пещеры на несколько миль вокруг.

Гном вдруг вскочил и ринулся в темный угол. Шутя откатил огромный валун и лаской юркнул в узкую щель.

– Один удрал, – беззлобно фыркнула Бет, хладнокровно проследив за этой выходкой коротышки и не думая переживать за его жизнь.

Он в своем доме и лучше всех знает, где сейчас опаснее всего, а где можно пересидеть любые взрывы и обвалы.

– Мне удирать некуда, – спокойно отозвался оборотень и с усмешкой добавил: – Своими руками завалил последний ход по приказу маглора. Все остальные он сам обрушил.

– И как же тогда они собирались сюда вернуться? – заинтересованно подняла бровь герцогиня, уверенная, что могущественный магистр знает не один способ преодолеть завалы.

– Наверху есть вентиляционный штрек, вон там дыра под потолком, – помолчав, смиростивился Дед и указал взглядом в темный угол. – Не знаю, как, но он сумел его найти и вернуться обещал именно оттуда.

– А у тебя не возникает мысли, что события могут повернуть не так, как он рассчитывал, и ему проще или ближе будет идти совсем в другую сторону? – иронически глянули на Деда потемневшие от тревоги серые глаза. – А сюда ринутся чернокнижники, наказывать вас? Или добивать... чтобы как можно больнее ударить по королеве.

– С какой стати послушницам Тишины волноваться о королях? – холодно огрызнулся оборотень, и не подозревая, как много сказал этими словами внимательно следящим за ним женщинам.

– С той, что мы ей присягали, – коротко и твердо пояснила Бетрисса и мягко предложила: – Не упрямясь, идем по-хорошему?

– А то? Свяжете и потащите?

– Нет, сделаем так, что сам пойдешь, – переставая играть в молчанку, тихо произнесла Фанья. – Есть у меня способ на крайний случай.

– Значит, ты меня узнала... – тяжело вздохнул оборотень. – И куда поведешь?

– Я тоже узнала, – не выдержала их недомолвок Бет, – и могу пообещать: пойдешь ты туда, куда захочешь. Но только после того, как вылезешь из этого проклятого подземелья.

– А вот она думает иначе, – хмуро усмехнулся оборотень и медленно поднялся из-за стола. – Ну скажи же ей правду, Фанни!

– Сейчас я думаю точно так же, как Бет, – тоже встала Олифания. – Это я раньше ошибалась. Но жизнь сполна доказала мне глубину моих заблуждений, и теперь я от всей души благодарю судьбу, тридцать лет назад направившую нас на тот постоянный двор. Но все равно боюсь... очень боюсь вашей новой встречи.

– Неужели ты считаешь, будто у меня хватит наглости отправиться во дворец к королеве, веселить ее детей и подданных? – гордо выпрямляясь, презрительно поджал губы Дед.

– Копия, – с умилением вздохнула Бетрисса, но договорить не успела.

В дальнем конце пещеры под потолком зашуршало, посыпались камни, пронесся стремительный порыв ветра, пахнущего дымом и пылью. И прямо к столу подкатился немыслимый клубок тесно прижатых друг к дружке людей.

Кадетка и охнуть не успела, как он распался на кучку неподвижных тел, и запах дыма стал насыщеннее. А еще к нему добавилась вонь паленых волос, каких-то мерзких зелий и немытой, больной плоти.

– Олифания? – чуть приподняв голову, прохрипел лежащий посреди этой кучи мужчина, и Бетрисса невольно прижала к губам ладонь, чтобы не закричать. – Вода есть?

– И вода, и еда, и зелья, и полные амулеты, – скороговоркой отрапортовала тихоня, подавая знак кадетке, и бросилась к недавно устроенному схрону.

Бет тем временем схватила со стола флягу с отваром, но не успела сделать и шага, как сосуд вырвался у нее из рук и оказался у магистра.

– Спасительницы, – с чувством выдохнул он, проглотив почти половину, и схватил поданную Фаньей посудину с амулетами. – А как вы здесь оказались?

– Специально пришли, увести Деда и оставить вам еду и тайник.

– Про еду и амулеты понятно, – прищурившись, кивнул дракон, допил одним махом отвар и вернул Фанье фляжку и горшочек с драгоценностями. – Потом дашь мне, заряджу. А вот откуда именно вы пришли, хотел бы услышать подробнее.

– Из того прохода, – опередил тихоню мрачный Дед, – куда вся стая ушла. Она и есть хозяйка первого приюта, вон та красавица.

– А как вы в приют попали? – Дракон оживал на глазах, но никуда пока не торопился. – Этого я пока не пойму.

– Нас цветок позвал помочь. – Подобравшаяся ближе Бет горестно поджала губы, разглядывая принесенных магистром людей, и вдруг резко побледнела: – А разбойник где?

– В стазисе... – скрипнул зубами магистр и тихо пообещал: – Не убивайтесь так, как только доберусь до плато – вылечу.

– А маги часа три назад помчались вас выручать, – снова обмерла от плохого предчувствия кадетка.

– Значит, это они нас и спасли, – мрачно пробормотал дракон, поглядел на бледных женщин и нехотя добавил: – Там была ловушка. Очень мощная и подлая... и наживка сидела, вот эти оборотни. Черные же всех по себе судят. Вот и рассчитывали, что мы первым делом пойдем захватывать их сокровища и лабораторию, а рабов начнем выводить потом. Если бы мы случайно сначала попали туда, то здесь спасти было бы некого.

При одном воспоминании о яростных волнах огня, яда и разной гадости, обрушившихся на них с ведьмаком и на полумертвых от голода и отчаяния оборотней, сидящих в клетках посреди узкой и низкой, неудобно изогнутой пещеры, на лице дракона проступила багряная сеть чешуи и сорвался с губ гневный рык. Он и сам не понял в тот момент, как умудрился за считанные мгновения разметать стальные клетки и подгрести под свой щит обреченную на гибель приманку, а потом занимался только одним: поднимал и наращивал все новые слои защиты взамен сгоревших или прорванных разнообразными боевыми заклятиями необычайной силы. Рад в это время, почти полностью сбросив кокон, старался вытащить уходящих за грань освобожденных, но пока не спасенных бунтарей. Их было десятка полтора, однако спрашивать, остались ли где-то еще живые пленники, было не у кого. Все приговоренные оказались не просто худы, а измождены до состояния мумий, как видно, кормить их там никто не собирался, и если кто-то не выдерживал и погибал, черные попросту приводили взамен нового.

Некоторое время дракон пытался прощупать сознанием дальние углы пещеры, потом, с горькой досадой признав явную бессмысленность этого занятия, сдался, свернул щит в кокон и отступил назад. И вот в этот момент сработала самая мощная и коварная ловушка. Не успел еще Ир протиснуть свой груз в проход, как раздался взрыв, и потолок обвалился. В один миг пришла в движение огромная куча камней, грозя погresti под собой вожakov вместе со спасенными, и дракон моментально кастовал заклинание расширения, за несколько секунд сожравшее большую часть собранной им магии.

Через несколько мгновений после первого взрыва, когда дракон уже вывел воздушную повозку в свободный тоннель, до него донесся отголосок еще одного удара, потом еще и еще. Они звучали в той стороне, где должен был находиться наружный выход из фиктивной лаборатории, и могли быть

как новыми ловушками, так и знаком наступления магистров плато. Но даже если бы это и была помощь, пройти туда без большого запаса накопителей дракон никогда бы не смог.

И потому, все сильнее сжимая редеющий кокон воздушных саней, Иридос упрямо двигался к тому залу, где несколько часов назад расстался с вожакom рабов. Дракону очень хотелось верить, что у них в тайниках могут найтись хотя бы слабо заряженные амулеты или камни. Иначе ему придется свернуть купол и погрузить всех спасенных в сон, в призрачной надежде, что первыми до них доберутся собратья с плато.

Что с напарником беда, он почувал примерно на середине пути, оглянулся и сначала рассмотрел ужас на лицах спасенных оборотней. А уже потом – мерзкое желто-зеленое пятно, словно смола растекающееся по голове и шее лежащего без сознания ведьмака. Его кокон зверя к этому моменту стал почти прозрачным и, судя по всему, больше не защищал от ядов и черных зелий.

– «Гибель магов», – пробормотал в ответ на удрученное шипение дракона самый крепкий из очнувшихся оборотней. – Зелье такое. Как кислота, разъедает всех живых существ, обладающих магией. И чем больше жрет энергии, тем быстрее разрастается.

– А вас? – отстраненно поинтересовался магистр, лихорадочно перебирая в уме способы борьбы с такими зельями.

– Мы в ошейниках, – горько прохрипел кто-то, – самых новых... на нас и испытывали. Они всю магию в себя тянут.

– Понятно, – прорычал дракон и кастовал на друга сложное заклинание, приготовленное Гайленой на такой случай.

Мощная регенерация, лечение, очищение крови и поддержка сердца заканчивались местным стазисом, не отправлявшим пациента в безвременье, а в тысячи раз замедлявшим все жизненные процессы.

– Убил... – горько выдохнул выбеленный темнотой скелет в истлевшем тряпье и почти с ненавистью глянул на Иридоса.

– Отправил в стазис, – резко возразил тот, набрасывая на напарника мощный «отвод глаз», – чтобы наверняка дожил до сильных целителей.

Уловил дружную волну неверия, плеснувшую в него от спасенных, и, кривя от огорчения губы, бросил на всех крепкий сон. Доказывать свою невиновность этим несчастным рабам, давно разуверившимся в людях, и особенно магах, было самым глупым и несвоевременным занятием. Вместо этого дракон сжал до предела едва держащийся кокон и погнал его вперед, стараясь двигаться со всей возможной скоростью и почти с отчаянием ощущая, как стремительно тает и без того жалкий остаток резерва.

– Иридос, ты поел бы, – подвинула ему миску Фанья, но дракон мотнул головой:

– Некогда. Берите все необходимое и уходим. Кто покажет мне путь?

– Вот карта, – мгновенно вспомнила Бетрисса, но Дед уверенно отмахнулся:

– Я сам поведу.

– Поведу я, – мягко поправил магистр. – Мы поедем, и очень быстро. Мой друг нуждается в срочной помощи. Твое место рядом со мной, будешь показывать. Бетрисса, ваше сиденье второе, по пути расскажете подробнее, как попали к цветку.

Мгновенно создал длинную туманную лодку, собрал и разложил попарно спасенных, а впереди вырастил четыре сиденья и воздушной лианой забросил на них себя, Деда и женщин. Запасливая Фанья всего лишь корзинку прихватить успела, как обнаружила, что летит по тому же пути, где прошла всего час назад, только теперь в обратном направлении.

Глава двадцать третья, объясняющая новые события и приоткрывающая старые тайны

– Сначала он позвал Тэри, – удобно откинувшись на мягкую спинку, начала рассказ Бет, – но об этом ты знаешь. А несколько дней назад она вернулась за помощью, и все мы пошли с ней. Оказывается, цветок не может долго выносить боль и горе, он от этого болеет и все силы тратит на защиту. И хотя древни уносили его все дальше, муки рабов он ощущал по-прежнему... или их становилось все больше. Тогда, не видя иного способа спасти себя и свою семью, цветок решил сам заняться этой проблемой. Но нашел только один надежный выход – вывести всех рабов из подземелья. Древни работали долго и упорно, не один месяц, а может, и не один год. Расчистили проходы, вырастили в больших пещерах мох и даже воду подвели. Но когда цветок с помощью Тэри наконец собрал необходимую силу и позвал пленников, то ясно почувствовал их страх и недоверие. Поэтому попросил нас пожить в приютах – встречать беглецов, кормить и успокаивать. Сначала древни сами брали на кухне еду, а потом королева собрала нам багаж, одежду, теплые вещи, лекарства... И теперь каждый день передает свежие продукты.

– Маглоры тоже всего натаскали, – добавила Фанья, – но древни берут лишь необходимое. А сегодня Бет пришла и сказала, что скоро из прохода выйдут в подвал дети и женщины, цветок их немного подлечил.

– В первый раз... – голос Бетриссы, вспомнившей серьезных худых малышей, невольно дрогнул, – когда я их увидела... думала, слова выговорить не смогу, горло перехватило. А потом пришли беременные и калеки... кстати, среди них был Мишеле.

– Как он? – стремительно обернулся дракон, и его лицо потемнело.

– Трудно сказать. Жив, но многого не помнит, даже меня не узнал. Ну, про шрамы я не говорю, там все такие. И еще... он больше не рыжий...

– Пусть радуется, что совсем с ума не сошел, – вмешался Дед. – После таких попыток легко и разум потерять. А его потом еще и зельем опоили.

– Даже не пойму, за что его так, – огорченно вздохнула герцогиня. – Хотя он и подшучивал частенько над друзьями, но ведь не со зла. Зато был веселым, жизнерадостным и пел хорошо.

Герцогиня смолкла и тотчас вздрогнула, услышав полный ярости и

отчаяния звериный взрык:

– Где он? Я заберу на плато.

– Отправила к цветку, – тихо сообщила Бетрисса, недоумевая, отчего судьба взбалмошного графа так волнует вожака ардагских оборотней, и на всякий случай пояснила: – Он теперь может лечить. Сейчас у него энергии больше, он от оборотней берет. А магов не жалует, вы для него слишком горячие.

– Я это знаю, – помолчав, буркнул дракон, оглянувшись и смерил кадетку пристальным взглядом: – А вот тебе откуда такие подробности известны?

– Тэри приходила забрать Мишеле, – рассудив, что вряд ли откроет магистру особую тайну, пояснила герцогиня Лаверно, – она и рассказала. Цветок хранит память всех прошлых поколений, народов и рас, но никогда не вмешивается в чужие судьбы, если его не попросят.

– А за Мишеле пришлось просить?

– Да. Мне не хотелось, чтобы он в таком виде попался на глаза Октябрине, – честно призналась Бет. – И хотя я помню графа еще мальчишкой-пажом, но Окти мне как сестра, и я боюсь, как бы она не приняла жалость к нему за любовь.

Больше дракон ни о чем не расспрашивал, молчали и пассажиры его странной повозки, думая каждый о своем.

Заброшенная выработка, откуда несколько часов назад Бет и тихоня начинали свой путь, встретила их тишиной и наглухо закрытым входом. Только тускло, как условный знак, светился на стене кустик мха с так хорошо знакомыми кадеткам белыми цветочками.

– Ну и куда дальше? – оглянувшись на спутниц Иридос, остановив под этим кустиком свой транспорт.

– Мы откроем, – высунулся из куста серьезный лик древня, – но этот щит не впустим. Он слишком горячий.

– А у меня тут спящие оборотни, – испытующе глянул на него Иридос.

– Мы знаем, – спокойно объявил древень. – Цветок жизни все слышал.

– Следили?

– Нельзя отпустить в опасное место существо, которое тебе поверило, не защитив его от гибели, – просто пояснил призрачный малыш; в его словах слышалась невероятная убежденность в своей правоте и мудрость высшего разума, но не было ни грана высокомерия или упрека.

– И как бы вы их спасали? – заинтересовался магистр, снял пропитанный магией воздушный кокон и тщательно собрал всю энергию.

Сколько сумел, тотчас сообразив по уплотнившемуся тельцу древня,

что осталось еще вполне достаточно для привыкших к более слабым источникам существ.

– Цветок не рассказывает о том, чего не делал, – спокойно пояснил древень и исчез.

Вместе с ним растаял кусок скалы и появился проход, тонущий в пышных волнах необычного мха. Зеленые языки выметнулись навстречу прибывшим, вмиг подхватили и спящих оборотней, и женщин, и даже Деда. Не прикоснулись только к Иридосу.

– Входи, – буднично позвал его выглянувший из цветущей шапки древень, – тебя мы не унесем.

– Догадываюсь, – нимало не обиделся дракон, прошел по проходу в пещерку, остановился, разглядывая исчезающих в зеленом мареве спящих оборотней, и вдруг тихо, но строго предупредил: – Его не трогайте.

– У нас с ним договор, – упрямо возразил древень, и Бет догадалась, о ком разговор. – Цветок всегда сам его лечит, когда маг приносит в Элайн.

– А в этот раз я заберу на плато. – Иридос оглянулся на кадетку, торопливо черкавшую что-то на маленьком листке, и попросил: – Не пиши, что он пострадал.

– Не учи старших, – фыркнула Бет, уже принявшая свободное обращение магов плато и не считавшая его величайшим оскорблением. – Но долго там его не держи. Она ведь волнуется.

– Сначала мне нужно найти отсюда выход...

Не успел дракон договорить, как перед ним повисло облачко зеленого тумана и начало темнеть, прорастая светлыми корнями. Иногда они упирались в такие же светлые горошины, смутно похожие на ягодки спаржи, иногда в синие прожилки, а с одной стороны отливали рыжим.

– Невероятно... – ошеломленно бормотал магистр, вглядываясь в эту странную, но, по-видимому, вполне понятную ему картину, – никогда бы не поверил... Вот это тот вход, через который мы вошли, а где же мы сейчас?

Бетрисса рассмотрела крохотного светлячка, вспыхнувшего в одной из горошин, и червячка, стремительно поползшего по корню к краю облака.

– Там выход в заснеженное ущелье, он может быть завален льдом, – серьезно сообщил древень и исчез во мху.

– Это мне не страшно, главное, близко, – уважительно кивнул вслед ему дракон и обернулся к женщинам: – Я не прощаюсь, думаю, сегодня увидимся.

Бетрисса замороженно следила, как магистр окутался рыжим дымком, создавая повозку, смутно похожую на повисшую невысоко над полом лодочку, на дне которой он и сидел. Потом вожак дома ди Тинерд бережно

уложил себе за спину нечто невидимое, и его бесколесный экипаж немедленно скользнул в сторону, под торопливо расступившиеся плети мха.

– Дашь прочесть? – проводив его взглядом, пристально глянула на герцогиню Лаверно тихоня.

– Вот. – Заводить от Фаньи какие-то секреты Бетрисса не собиралась.

– Тогда и я так напишу, – кивнула телохранительница и потянулась за листком.

– Цветок спрашивает, куда вы пойдете, – внезапно вылез из мха древень и уставился на Бет, словно не замечая ни Фанью, ни Деда.

– А в моем приюте еще кто-нибудь остался?

– Да, сидят те оборотни, которые ходили за вожаком.

– Тогда мы сначала немного отдохнем здесь, – опередила кадетку Фанья.

– Нам необходимо поговорить, – подтвердила Бетрисса, обращаясь к не сводящему с нее взгляда древню.

– А мне ничего не нужно, – буркнул Дед и направился в ту сторону, куда уехал Иридос.

– Не выпускай, – тихо попросила герцогиня древня, и он, согласно кивнув, нырнул в мох.

– Теперь я кое-что понимаю... – понаблюдав за бродившим вдоль стен стариком, Бетрисса уселась в пышную волну мха и откровенно глянула Фанье в лицо, – но с удовольствием послушала бы подробные объяснения. Сама понимаешь, не из простого любопытства. Наша обязанность – ее охранять, а он вполне может наломать дров.

– Потому я и осталась здесь, – хмыкнув, села рядом Фанья и поставила на колени корзинку. – Есть хочешь?

– Пока нет, а фруктового квасу выпью. Не знаю, откуда, но последние два дня древни приносят его большими бутылками.

– В замке и берут, маглары такой с плато доставляют, – старательно поддерживая беседу, пояснила тихоня, но взгляд ее неотступно следил за упорно искавшим выход Дедом. – Так вот... Даже я сама стараюсь не вспоминать о том, что произошло тридцать лет назад, чтобы случайно не обмолвиться или не выдать себя взглядом. Но никто точнее меня не знает, как все случилось. После того как маркиза Лерайн выкупила мою жизнь у селян, мы мирно путешествовали по Тальзии, вовсе не торопясь исполнить королевский указ. И однажды утром, проезжая мимо небольшого трактира, совершенно не подходящего, чтобы в нем завтракала ее светлость, обнаружили перед входом толпу народа. С момента нашей встречи Занта взяла за правило никогда не проезжать мимо всяких сборищ и в тот раз

немедленно велела кучеру свернуть. Очень скоро мы рассмотрели дерущихся на площадке перед трактиром молодых мужчин, причем двое били одного. Так нам показалось на первый взгляд.

– Могу представить, – пробормотала Бет.

Теперь, когда она точно знала, насколько остро воспринимает любую несправедливость Зантария, кадетка не сомневалась, как сильно возмутило маркизу Лерайн то побоище.

– Да, – невесело усмехнулась в ответ тихоня, – она моментально распахнула дверцу и во весь голос приказала командиру охраны немедленно поймать бандитов, подло напавших на человека вдвоем.

– Неужели она и тогда умела распоряжаться так же властно и громко? – снова понимающе фыркнула герцогиня Лаверно.

– Умела, можешь не сомневаться. Лейтенант выдал команду своим воинам, зазвенело оружие, заржали кони... в общем, толпа ринулась в разные стороны, и первыми сбежали двое нападавших. Не убежал только парень, и его привели к карете и поставили перед нами как был, в разорванной на груди рубахе и с оцарапанной рукой. «Ну и зачем вы лишили меня честно заработанных серебрушек?» – огорченно бурчал спасенный, пытаясь оправить рубаху. «Каких серебрушек? – возмутилась Зантария. – Тебя могли убить». «Ничего вы, ваша светлость, не понимаете в боях. Я ведь бился с ними на спор», – с превосходством глянул на нее незнакомец и вдруг улыбнулся широко и бесшабашно, даже светлее вокруг стало. Меня так и пронзило – оборотень! Видала я их в Ардаге и Дройвии, даже научилась безошибочно угадывать по улыбкам. Но на всякий случай носила амулет от очарования, хотя уже умела избавляться от наваждения простой мантрой. А на Идрийсе постепенно отвыкла, вот и не сразу распознала. Ну, разумеется, Занта на эту улыбку попалась, как муха на мед, сама расплылась, как солнышко, и смотрит на него не отрываясь. Что мне было делать, Бет, если объяснять и предостерегать уже поздно?

– А охрана?

– Все помчались за беглецами. Лейтенант Занте никогда и ни в чем не перечил, она всегда умела быть щедрой и внимательной к нуждам своих слуг и охранников. Да и отъехал он в тот момент в сторонку, следить за погоней.

– И как ты поступила?

– Выплеснула на наглеца содержимое кофейничка, который держала в руке. Занта по моей вине пристрастилась в пути к этому контрабандному торемскому напитку.

– Боюсь, – сочувствующе вздохнула Бетрисса, отчетливо

представлявшая на месте того молодого оборотня хорошо знакомого разбойника, – результат оказался далеко не тем, на который ты рассчитывала.

– Ничего она не считала, плеснула наобум, – буркнул убедившийся в бесполезности поисков Дед и плюхнулся неподалеку в мох. – И кофейник следом швырнула.

– Чтобы разозлить наверняка, – спокойно подтвердила Фанья. – Но откуда мне было знать, что он уже вожак родной стаи и прошел все положенные у них проверки? Ведь Ирхин никогда не отдал бы пояс сыну, если тот не был достойнее всех.

– Фанья! – предупреждающе рыкнул Дед, но в его голосе Бетрисса явно расслышала изумление.

– Да, Сенарг? – кротко глянула на него тихоня.

– Все разнюхала? – вдруг помрачнел он.

– И не думала. Мне и без того было чем заниматься, – печально покачала она головой и повернулась к Бет: – Ну, слушай дальше.

– Как я понимаю, он не разозлился, – понимающе предположила кадетка, – а выкинул что-нибудь неожиданное.

– Ну да. Провел ладонью по лицу, слизнул с пальца гущу и вдруг тоскливо так заявил, что давно мечтал о хорошем кофе. Даже во сне видел. Зантария немедленно выдала мне укоризненный взгляд и пригласила его на кофе. Ну а там уж он очаровывал ее без помех, трактир выкупили на весь день и выставили всех посетителей. На первом этаже обслуживали охрану, наверху, в просторной мансарде, где жил сам трактирщик, обедали мы.

– Тут можешь пропустить, – понимающе фыркнула Бет. – Скажи только, как они расстались.

– Лучше помолчи, – предупредил тихоню хмурый, как грозовая туча, оборотень, – и так хорошо потопталась сапогами.

– Она не со зла, поверь мне, – с сочувствием глянула на него Бетрисса. – Никто во всей Эркаде не сделал для тебя больше добра, чем Фанья, и ты когда-нибудь это поймешь. А сейчас нужно спешить, к вечеру мы должны быть в замке.

– Путаешь ты все, как кикимора, – недоверчиво хмыкнул Дед и протянул руку: – Дай кусок хлеба.

– Держи, – послушно всучила ему корзинку кадетка, точно зная: скоро Сенаргу будет не до еды.

– Как расставались, я не видела, – горько вздохнула Олифания, с полминуты понаблюдав, как Дед с преувеличенным интересом копается в корзинке. – Он ушел на рассвете через пару декад после ритуала. А через

несколько часов я почти насильно увезла ее из замка Шаграйн, там Занте все напоминало о муже, и она рыдала не переставая. Пришлось поить успокаивающим, но недолго. Еще через декаду мы добрались до одной знахарки, и та подтвердила мои опасения. Не буду рассказывать, сколько мы спорили, но в конце концов сошлись в одном – прятаться ей нельзя ни в коем случае. Если бы королю доложили, – а ему обязательно преподносили в самых мрачных красках все, как теперь точно известно, неугодное той ведьме, – то его величество по молодости и горячности непременно наломал бы дров. Вмиг лишил бы невесту и титула и имений, а ей с тех пор необходимо было думать не только о себе.

Дед только едко посопел, но смолчал, и Бет была ему за это благодарна. Не хотелось спорить с оборотнем, которого судьба наказала так сурово и незаслуженно, отобрав все самое ценное, что только может быть у человека в жизни.

– С того дня мы мчались в монастырь, никуда не сворачивая и почти не останавливаясь, спеша как можно скорее оказаться под защитой его стен, – усмехнулась Фанья. – И едва войдя в приготовленные ей комнатухи, Занта поспешила сделать настоятельнице весомое подношение и намекнула на желание и впредь оставаться такой же щедрой. Если та сохранит в тайне некоторые секреты новенькой воспитанницы, разумеется. Настоятельница оказалась мудрой и понимающей и устроила королевскую невесту в самой дальней башне, отгороженной надежной стеной от всех прочих молелен, столовых и келий и имевшей отдельный садик и калитку на волю. И тщательно следила за сохранностью тайны... никто из простых монахинь и послушниц за последующие полгода так и не заметил интересного положения Зантании.

– Потому что ты была рядом, – усмехнулась Бет, радуясь за королеву, не проехавшую равнодушно мимо чужой беды в черную для Фаньи минуту.

– Ты намекаешь... – оборотень отставил корзину и стиснул руки в кулаки, – что она ждала ребенка?

– Не намекаю, а прямо говорю, – вздохнула Олифания, стараясь не смотреть, как дрожат пальцы мужчины, которого она когда-то считала виновным во всех бедах своей спасительницы и подопечной, и ровно продолжила: – Вскоре Занта выкупила моего отца, и он взялся за устройство тех дел, какие мы не могли повернуть из монастыря. Через пару лун он привез свою подругу, которую старая графиня Шаграйн официально признала украденной в детстве дочерью, и вскоре заключил с ней святой союз. Сам он титула не получил, но ребенок, которого якобы родила графиня, стал графом.

– Сколько он прожил? – Голос оборотня хрипел, как пред смертью.

– Скоро тридцать будет, – мягко пояснила Бетрисса, хотя и начинала сердиться на него за недоверчивость и непонятливость. – Радо, командир отряда черных волков, слышал о таком?

– Или Дирард Шаграйн, тайный советник ее величества, – добила ошеломленного Сенарга тихоня.

– А еще разбойник и белый зверь, – неожиданно для себя самой горько всхлипнула старшина. – И это он сегодня спасал вас вместе с Иридосом.

– Лжете вы все... – безжизненно пробормотал оборотень, и Фанья метнулась к нему белкой, выхватила из корзинки кружку и принялась капать какое-то зелье.

– Выпей... да пей же! Зачем мне тебя травить, если я тысячу раз покаялась, что не остановила тогда... не придумала другой выход!

– Его не было, – горько усмехнулся Дед, одним махом проглотив ее снадобье, и вдруг глянул на кадетку неожиданно пожелтевшими, молодыми глазами: – Почему ты не сказала мне этого, Бетрисса, пока он еще не ушел?

– Кто, Иридос? Так у него энергии мало, на тебя бы не хватило. Но Рад с ним в безопасности, дракон друзей не бросает. Да и, кроме того, за ними присматривают древни.

– А спросить их можешь? – с надеждой спросил оборотень и смолк, глотая вставший в горле комок.

– Древень, – мягко позвала Бетрисса, – магистр Иридос с герцогом Шаграйном добрались до выхода?

– Немного осталось, но вестника маг уже отправил, – деловито сообщил древень. – А вас пора перенести?

– Подождем, пока они уйдут на плато, чтобы на душе спокойно стало, – решила Бет и оглянулась на Фанью, проверить, правильно ли рассудила.

– А меня отправьте к стае, – тихо попросил Дед. – Волнуются они.

– Иди, – глядя ему прямо в глаза, решила Бет. – Но не забудь, времени у тебя на выбор только до вечера. Ты можешь либо вернуться к жене и сыну, либо снова от них уйти, и теперь это будет предательством. А измен они оба не прощают, я точно знаю.

– А я? – вдруг с горькой усмешкой вскинулся он. – Я как?

– Если ты про короля, – сухо процедила Фанья, – то у нее не было никакого иного выхода. Иглунд влюбился и добивался согласия не один год, жил возле монастыря почти постоянно. И за это время раскопал почти все наши тайны, но готов был все простить, если она даст согласие. А потом поставил ультиматум, и если бы она отказала еще раз... Рада мы

могли бы потерять. Нет, убивать его король не собирался, зато мог отобрать. Лишил бы моего отца за обман всего имущества и выслал с Идрийса вместе с женой и «сыном». Конечно, и я нашла бы, чем ответить, – яростно сверкнула глазами тихоня, – но Занта и думать о таком не могла и приняла его браслет. И больше об этом я ничего говорить не буду, слишком все тяжело и непросто.

– И не нужно, – успокаивая, погладила ее по плечу кадетка и покосилась на застывшего статуей оборотня. – Теперь он все знает и пусть решает сам. Только одно хочу добавить: Зантарии я все равно все расскажу, и Шаграйну тоже. Мне и одного висящего на совести выбора многовато, больше не потяну. Древень, мы готовы, переноси.

– Стой, – тенью метнулся в Бетриссе седой волк, прижал ее к камню и тотчас сбросил звериный облик. – Извини... я тебя не напугал?

– После твоего сыночка нас очень трудно чем-нибудь испугать, – нервно фыркнула Бет. – А зачем нужно было так прыгать-то?

– Отвык... кокона ведь не было... – виновато глянул он и заговорил горячо, сбивчиво: – Ну как ты не понимаешь, нельзя ей говорить про меня! Она королева, а я просто Дед. Она ведь только из жалости может ко мне вернуться, как подруга того Мишеле. Но его ты почему-то пожалела...

Оборотень с горькой досадой махнул рукой и отвернулся, глотая непролитые слезы по молодости, прожитой не так, как мечталось.

– Сенарг, это ты еще пока не понимаешь, – подсев к нему ближе, мягко и проникновенно поведала Фанья. – Он ведь твоя копия... особенно как возмужал годам к двадцати, почти не отличить. И взгляд и усмешка... Думаешь, почему Бетрисса тебя так быстро узнала? Да у меня самой иногда мороз по коже, когда он смеется, – ясно вижу твое лицо. Ведь все считали тебя погибшим. Дед Ирхин еле ходил, разговаривать не мог, а внука узнал с первого взгляда, это тебе о чем-нибудь говорит? И она... как встретится тайком с сыном, так потом три дня рыдает, хорошо хоть Иглунд никогда не понимал из-за чего. Но его я теперь тоже жалею, он ведь на жену как на чудо смотрел, надышаться не мог, все желания исполнял. Потому-то черные первым делом расправились с ним. А с ней так и не смогли, у Рада друзья сильнее оказались.

– Пора, – посмотрев на притихшего, задумавшегося вожака, решила Бет, и в этот раз зеленый вихрь подхватил их без промедления и стремительно потащил по тоннелям, густо заросшим чудесным мхом.

Глава двадцать четвертая, в которой сирена получает очень непростые подарки

– Тэри, – звенящим шорохом разнесся по пещерке окрепший голос цветка, – нам с тобой пора поговорить.

– Хорошо. – Сирена с готовностью повернулась к слабо светящимся роскошным листьям и приготовилась ждать.

– Ты мне очень помогла, и за это я тебя награжу.

– Не нужно, – тотчас отказалась маркиза Дарве Ульгер, – у меня теперь все есть. А я очень рада, что смогла хоть чем-то поддержать тебя и древней, мне жаль, что их осталось так мало.

– Скоро будет много. – В бесстрастном шелесте Тэрлине почудилась улыбка. – Но я говорю о другом. Мы никого не просим... и не заставляем ничего делать. Но твой отказ от подарка огорчил бы меня, если бы мне было дано испытывать собственные эмоции, а не только ощущать чужие.

– Значит... – задумалась Тэри, – ты считаешь, что мне будет плохо, если я его не возьму?

– Ты хорошо научилась нас понимать.

– Тогда я беру твой дар с благодарностью и нежной любовью, вы стали мне за эти дни почти родными, – вздохнула девушка, начиная догадываться, что пришло время расставания.

– Вот, – цветок не умел говорить лишних слов, – это мой знак.

Тонкий, белесый корешок юрко, как змейка, скользнул сирене на предплечье, обвился вокруг, щекоча кожу, и замер причудливым рисунком.

– Спасибо, – вежливо произнесла Тэри, не испытывая особенного восторга от странного украшения. – А где его можно будет хранить?

– Он теперь часть тебя, – спокойно сообщил цветок, помолчал, давая утихнуть охватившей девушку тревоге, и добавил: – Но ты этого даже не заметишь, как не замечаешь ушей, пока не увидишь в зеркале. Зато он сможет то, чего ты до сих пор не умела. Ощущать чужие эмоции, как и я. И предупредит тебя, если приблизится кто-то с нехорошими намерениями.

– Спасибо, – увереннее повторила Тэри, понимая, как удобно иметь такой живой амулет. – А как его кормить?

– Не волнуйся, ему достаточно твоего тепла и воды, которой ты умываешься. А теперь тебя отправят в сад, наверху сейчас день, а ты давно

гредишь о солнце.

Больше цветок ничего не сказал, а спросить Тэри не успела. Вспух вокруг плотным зеленым туманом путь древней и увлек кадетку из тайного убежища в тоннели и проходы, ведущие к замку Элайн.

«Выставил, как надоевшую игрушку», – с обидой вздохнула Тэрлина и тотчас посмеялась над собой.

Цветок не может любить или ненавидеть, ему ничто не надоедает, не веселит и не печалит. Он только рассуждает, сухо и спокойно, о том, как уберечь свою жизнь и своих древней ради тех бесценных знаний, которые хранит для таких же, как он. Знаний, которые когда-нибудь пригодятся тем высшим существам, которые его создали, поселили в надежном месте и ушли дальше, изучать новые миры.

– Закрой глаза, – прошелестел на ухо Тэри древень, и она послушно зажмурилась.

Чтобы через миг даже через веки почувствовать жаркие лучи солнца, не затененного ни одним листком.

– Взгляните, там девушка, – озадаченно произнес кто-то неизвестный, и его тотчас возбужденно перебил другой незнакомец: – Кадетка вернулась!

Не прошло и пяти секунд, как вокруг Тэри толпилось несколько человек, и, слегка приоткрыв глаза, она рассмотрела в нестерпимо ярком свете их цветастые рубахи.

– У нее что-то со зрением, – наконец догадался кто-то, разглядев слезы, текущие по щекам сирены.

– Где? – знакомо рявкнул вдруг рядом Годренс, и в следующий момент маг крепко прижимал сирену к груди и с тревогой взывал: – Тэри! Ты плачешь?

– Солнце... – сквозь слезы улыбнулась она, недоумевая, почему древни не догадались вывести ее в тень.

– Идем в дом, – облегченно выдохнул дроу, вокруг вмиг потемнело и стало прохладно. – Это галерея второго этажа, тут полумрак. Вот платок, вытри глаза и не спеша открывай. А пока рассказывай, как у вас там дела?

– Сегодня утром пришла последняя группа, самая большая, – поясняла сирена, начиная догадываться, как истово их здесь ждали и как осторожно нужно рассказывать новости, приносимые цветку древними.

И лучше смолчать об услышанном случайно, как и о собственных догадках. Королева и без того переживает, незачем пугать ее заранее.

– А Дора? – не выдержал маг, и Тэрлина улыбнулась в ответ:

– Она молодец. Но ее приют второй от входа, и сейчас туда как раз подходит последняя группа спасенных. Поэтому она пока очень занята.

– А Бет с Фаньей? – Как оказалось, за несколько мгновений в комнату успела набежать толпа магов и даже Майзен, который, как помнилось Тэрлине, должен сейчас находиться в столице.

И у всех были вопросы.

– Бет с Фаньей с утра ходили в пещеры шахтеров, – буднично пояснила Тэрлина, стараясь не выдать тревоги, какой обливалось ее собственное сердце, пока сестры не вернулись.

– Зачем? – раздалось несколько голосов.

– Оставить для Иридоса тайник с амулетами и едой и захватить оттуда вожака, который твердо решил дожидаться возвращения спасателей. Но пока они обедали и отдыхали, магистр и Шаграйн успели вернуться и принесли рабов, над которыми черные делали опыты.

– Где они? – хором выдохнули маги.

– Цветок забрал спасенных зеленым путем, а Иридос отправился наружу по тоннелям, которые указали ему древни. Он должен выйти в заснеженное ущелье восточной части хребта и заранее отправил на плато вестника.

В комнате разом стало тихо и пусто, маги, как обычно, ушли стремительно и без предупреждения. И тогда раздался голос, услышать который Тэри боялась больше всего.

– А советник? – Даже сейчас, когда в комнате не было никого, кроме них, Майзена и Годренса, ее величество не решилась назвать сына по имени.

– Он вместе с Иридосом. И он жив, это я знаю точно, – твердо выговорила Тэри и сжала зубы.

Ей и самой сказали те же самые слова, но сердце в тот миг почему-то заныло тупой болью.

– Спасибо, – шепнула королева побледневшими губами, и дроу немедленно оказался рядом с ней, коротко махнул пальцами, творя какое-то заклинание.

– Ваше величество! Пожалейте свое сердце! У вас еще двое сыновей, – укоризненно бормотал он, усаживая ее величество в кресло. – Очень скоро они тоже начнут уходить и уезжать, драться с врагами и спасать друзей.

– Запру в этом замке, – всхлипнув, с чувством пообещала королева, постепенно справляясь с нахлынувшим отчаянием. – У меня и за одного вся душа изболелась.

– Слышал, Бэри? – раздался от двери ехидный басок Альреда. – Старший вовсю развлекается, а запирают будут нас. Никакой справедливости.

– Вам нужно думать о занятиях и тренировках, ваше высочество, – мгновенно превратилась в строгую королеву Зантария. – Королю не пристало лазить по шахтам и скалам. И вы всегда должны помнить главное: король обязан быть справедливым к подданным и суровым к себе.

– Это правило я слышу каждый день и начинаю понимать, что для меня это слишком сложная задача, – огорошил невольных слушателей наследник и повернулся к двери, но королева остановила его властным окликом:

– Альред! Будьте добры пояснить ваши слова!

– Да чего там пояснять, матушка, – весело объявил младший принц, не любивший долгие рассуждения и обходные маневры. – Альри раздумал становиться королем. И жениться на княжне Вартелли – тоже. Его уже тошнит от ее сюсюканья. И почему мы должны тащить это королевство, раз есть старший? Тем более он это умеет. Пусть магистры проведут какой-нибудь ритуал и объявят его королем.

– Но он никогда не согласится, – поспешил на выручку королеве побледневшей от этих крамольных высказываний Годренс. – Рад любит простор и тишину, животных и путешествия. Столичная жизнь не для него.

– Раньше я знал, что он умен, – подумав несколько секунд, откровенно признался наследник, – потом убедился в его смелости и честности, а теперь считаю мудрым и намерен во всем подражать. К тому же вкусы у нас совпадают, мне тоже надоел Карстад. А сейчас мы пришли послушать Тэрлину, или у вас снова тайны?

– Мне кажется, вам можно доверить все секреты, – с милой улыбкой опередила королеву сирена, – но хотела предложить устроиться на балконе. Я так давно не видела неба. И еще... мне бы сначала переодеться.

– Пусть Годренс отведет тебя в твои комнаты, – мгновенно приняла решение королева, – а мы будем ждать на балконе. Кстати, пора обедать. Думаю, по горячей еде ты тоже соскучилась.

Дроу немедленно исполнил королевский приказ, и только очутившись в своей комнате, кадетка осознала, почему он действовал так поспешно. Оказывается, Годренса волновали личные вопросы.

– Ты не пойдешь помогать Доре?

– Бет и Фанья уже там. Древни переносят нас по тоннелям почти так же быстро, как маги порталами, – пояснила Тэрлина и успокаивающе улыбнулась, – но к ночи или самое позднее на рассвете она должна вернуться вместе с Бет. Фанья поможет Октябрине, и завтра к вечеру все они будут здесь. А почему ты не спрашиваешь про друга?

– А разве... – Год нахмурился и торопливо замахал руками, закрывая

комнату от подслушивания. – Так что с ним?

– Какое-то зелье чернокнижников попало, – выговорила девушка и обессиленно опустилась на стул, только теперь разрешив себе вдуматься в эти слова. – Иридос унес его на плато, сам хотел лечить. А что такое стазис?

– Он в стазисе? – помрачнел маг, пригляделся к сирене и скрипнул зубами. – Тебе сейчас не суп, а успокаивающее нужно.

– Меня цветок поил таким соком, чтобы не волновалась. Ему чужие тревоги мешают работать. Он же помогает древням выращивать мох и лечит рабов.

– Ты мне потом это расскажешь, а сейчас быстро одевайся, я отведу, – заторопился маг, а когда девушка послушно направилась к двери, тайком бросил ей в спину успокаивающее заклинание.

И сразу попался, Тэрлина оглянулась и уставилась на названного брата с недоверчивым изумлением:

– Ты меня чем-то зачаровал!

– Откуда ты взяла? – еще пытался отказаться маг, но все яснее понимал, как легко сейчас потерять доверие: раз Тэри начала чувствовать магию, то может ощутить и обман. – Простенькое заклинание, снимающее тревогу. Раз Иридос унес его на плато, значит, волноваться не о чем, там каждый третий – целитель, и энергии хватает на любую операцию. Они бывало и ноги шутя выращивали.

– Я же просила, не нужно никаких заклятий. Цветок подарил мне амулет, он чувствует чужие намерения.

– Извини, не хотел ничего плохого, ты же меня знаешь. Немного притупить тревогу, только и всего. Чтобы королева ничего не заметила. Но больше никогда не буду... клянусь.

Тэри молча кивнула и ушла, а дроу вытер выступивший на лбу пот и сел на стул, резко меняя решение. Если минуту назад он собирался мчаться на плато, то теперь намерен был обедать с ее величеством. В последнее время королева стала очень чуткой, и у нее невероятно обострилась интуиция.

Магистры к вечеру так и не вернулись, а молодые маглары, кормившие и лечившие оборотней, о происходящем на плато ничего не знали. По крайней мере, так говорили, и волей-неволей, но им приходилось верить. За эти полдня Тэрлина с непривычки очень устала от всех тех вещей, о которых совсем недавно мечтала и тосковала. От слишком яркого света и летней жары, постоянного шума, казалось, просто бывшего по ушам, и от

необходимости все время следить за тем, как сидишь, как поставила ноги и положила руки.

И потому в свою комнату сирена поспешила уйти, как только выдался подходящий момент.

Но едва прикрыв дверь и сбросив туфли, ощутила, как сжимает предплечье дар матери древней, и, приготовившись выскочить прочь, строго прикрикнула:

– Кто здесь? Выходи, а то вызову охрану!

– Не нужно... это я... – басом отозвалась распластанная у камина медвежья шкура и поднялась с пола крупным оборотнем. – Ты меня не узнала?

– Дун? А как ты прошел мимо магов?

– Мы здесь помогаем, магам не так просто объясняться с оборотнями, давно не видевшими ни света, ни нормальных людей. Нам они верят охотнее, да и детей нужно как можно скорее научить правильно использовать кокон. Они привыкли спастись бегством от надзирателей, вот и норовят все время бегать зверятами.

Дунвар подошел к диванчику, опасливо оглядел и сел, явно намереваясь устроить Тэрлине доскональный допрос.

– Понятно... но давай перенесем разговор на завтра? Я отвыкла от этой жизни и с непривычки устала.

– Я скоро уйду... хочу только попросить... – Некоторое время он мялся и тоскливо поглядывал в окно, словно мог найти там ответ на свои сомнения.

– Хорошо, – сдалась Тэри, начиная понимать, что медведь все равно не уйдет, пока не расскажет, ради чего притворялся тут шкурой, – выкладывай, в чем дело. Но заранее ничего не обещаю, есть вещи, на которые я просто не способна.

– Ничего страшного не попрошу, – мрачно буркнул медведь, поскреб подбородок и снова вздохнул: – Только ему не говори. Сама знаешь, какой он самолюбивый. А на меня за ведьмака злится... ну откуда нам было знать про умения магов?

– Так, понятно, – обреченно пробормотала Тэри. – Снова пытаешься решать за него, как ему жить и чем заниматься?

– Не пытаюсь, – тоскливо вздохнул Дун, отвернувшись к распахнутому настежь окну и долго смотрел в сгущающуюся темноту, словно забыв про Тэрлину.

– А кстати, – заинтересовалась она, подойдя к окну, которое помнила надежно защищенным, – куда делись решетки?

– Никуда. Это гномьи, они уходят в стену, там есть потайная кнопка. Поэтому такие мелкие, чтобы с улицы невозможно было нажать, – охотно пояснил Дун и снова протяжно вздохнул: – Ладно... объясню. Он пока не понимает... как плохо ему будет, если ты уйдешь.

– Куда? – оглянувшись, нахмурилась Тэри.

– Не знаю. К родителям, к магам, к Иридосу или замуж. Но когда-нибудь все куда-то уходят или уезжают... – Медведь надолго смолк, но Тэрлина его больше не торопила.

Теперь ей самой хотелось знать, какую хитрость придумали оборотни, чтобы наставить своего вожака на путь истинный. Каким он видится именно им.

– И это правильно, – решил наконец медведь. – Все должны искать себе место, где им лучше, и людей, с которыми теплее. Но только если это не разбивает чье-то сердце... даже если оно свое собственное.

– Дун, я не буду с тобой спорить. И вообще ни с кем спорить не собираюсь, теперь у меня хватит на это сил. Но хочу понять, чего ты от меня ждешь?

– Ничего такого... – нерешительно мялся медведь, и смотреть на то, как мучается этот великан, Тэрлине почему-то было совестно до слез. – Только возьми мой подарок.

– Какой?!

– Браслет. Нет, не свадебный, – заторопился Дунвар, – а порталный. Нам магистры подарили три штуки... а я выпросил еще один... тайком, вожак не знает. Этот браслет настроен на наше имение в Архане, и мы все будем счастливы принимать тебя в гостях. Знаешь, бывают такие моменты... хочется оказаться где-то далеко... там, где тебе рады. Вот...

Медведь держал на широкой, мозолистой ладони тонкий ободок, усыпанный небольшими изумрудами, и смотрел так умоляюще, словно от этого зависела, по меньшей мере, его жизнь.

– Хорошо, – неохотно согласилась Тэрлина, не в силах отказать искренней тревоге, светившейся в его взоре, – но никаких обещаний пока давать не буду.

– Не нужно. Просто помни, есть место, где тебя ждут. – Медведь с неожиданной ловкостью защелкнул на ее запястье свой дар и указал на камень, бывший чуть больше и светлее остальных. – Сильно нажми или слегка крутни – и окажешься в небольшом домике для гостей, он стоит за садом, на высоком берегу реки.

Тэри припомнила порталный круг, из которого Годренс отправлял их с Бетриссой в первый раз, и кивнула, с искренним огорчением понимая, что

вряд ли когда-нибудь решится применить этот подарок по назначению.

Ушел медведь через окно, показав напоследок, как поднимаются решетки, и Тэри поспешила воспользоваться новым знанием и отгородиться от всех возможных гостей.

Глава двадцать пятая, в которой ее величество и кадетки слушают старинные сказки

Сон маркизы Дарве Ульгер прервался на рассвете, резко, как по тревожному звонку, будившему когда-то кадеток. Вскочив с постели, девушка бросилась искать тренировочный костюм, заодно обеспокоенно поглядывая за решетку, нет ли дождя или тумана и не нужно ли прихватить шаль. И вдруг отчетливо осознала, что звонка не было, и даже встревожилась на миг, не сразу сообразив простую вещь.

Некому, да и не для кого сейчас здесь звонить.

Проснувшись окончательно и немного всплакнув, Тэри решительно оделась и направилась в сад, собираясь вытрясти из древней все последние новости. Однако далеко идти не пришлось: несмотря на раннее утро, из столовой доносились беспечный смех и оживленные голоса.

Тэри бегом бросилась туда, разом забыв о своих намерениях, но на пороге застыла на несколько мгновений, пытаясь рассмотреть сразу всех и понять, кого не хватает.

Первым делом сирена рассмотрела магистра Иридоса, сидевшего за столом по соседству с королевским высоким креслом, и саму Зантарию, счастливо поблескивающую еще влажными, явно от недавних слез, глазами. Потом – сидевшую по другую руку от нее Фанью и рядом с ней счастливого Майзена, а дальше Бетриссу и Дору, которую уверенно обнимал за талию Годренс. Судя по всему, сегодня соблюдать правила этикета тут никто не собирался.

– Тэри, – широко улыбнулась тихоня, заметившая сирену первой, – надеюсь, это не мы тебя разбудили? Никак не можем решить, где завтракать, здесь или в Беленгоре.

– А почему бы не пойти сразу в Карстад? – от неожиданности пошутила Тэрлина и, заметив, как сразу поскущнели взгляды присутствующих, спросила напрямик: – В столице новые неприятности? И разве нам не нужно дожидаться остальных?

– Все уже здесь, – мягко пояснила ей Бетрисса, – ты проспала все самое интересное. Иридос пришел сюда ночью с ведьмами и оборотнями своей стаи и договорился с цветком. Теперь его сородичи выводят освобожденных в подвал, а магистры лечат и сразу переносят в родовой

замок Шаграйна. Там они проживут под охраной магов, пока осмотрятся и спокойно решат, чем заниматься и куда идти. А мы можем несколько дней отдохнуть в Беленгоре... в столицу маги пока ходить не советуют.

– Ну да, главарь чернокнижников ведь еще на свободе, – задумчиво произнесла Тэрлина, проходя к столу, и, усевшись, добавила в наступившей тишине: – И раз маги его до сих пор не нашли, значит, он очень хорошо замаскировался под преданного королеве человека.

– Такое впечатление, – глядя на маркизу так изумленно, словно видит ее впервые, произнес дроу, – что ты была на последнем, секретном совещании магов.

– Она была рядом с цветком, – отрешенно кивнул сам себе глава дома ди Тинерд, – и это ничуть не меньше, чем совет магистров. Интересно, а были у него какие-то догадки или предположения?

– Цветок никогда не делает предположений, – кротко улыбнулась Тэри, и теперь потрясенно замерла Фанья.

Иридос смотрел на нее всего несколько секунд, потом буркнул:

– Я сейчас, – и исчез.

– Доброе утро еще раз, – появилась в дверях Октябрина в прелестном голубом платье. – А вот и мы. Тэри! Наконец-то я вижу тебя вживую! А то только записки получала!

– Мы все их получали, – бросилась к сирене Кати. – Из нее вышел настоящий командир. А где...

Герцогиня Габерд оглянулась и смолкла, с досадой прикусив губу.

– Иридос? – тотчас вмешалась Фанья, стремясь отвлечь ее от невысказанного вопроса. – Минуту назад был здесь, но вдруг сбежал. А вот где твой муж, лучше всех знает Годренс.

– Они все собирались прийти к завтраку, – развел руками дроу, на миг оторвавшись от жены, которой что-то нашептывал на ушко, прикрывшись пологом тишины, – но не могли и предположить, что вы пожелаете пить чай до рассвета.

– Не чай главное, – с очаровательной улыбкой заявила Августа и, потеснив Кати, устроилась с другой стороны от Тэри. – Нам там просто не хватало сестер. Раньше я даже не представляла, как трудно целыми днями разговаривать с несчастными, измученными жизнью людьми, смотреть в их недоверчивые, настороженные глаза, улыбаться, когда хочется заплакать от жалости. И делить лепешку на троих, зная, что каждый съел бы не меньше десятка.

– И тут же свалился бы с желудочным приступом, – кивнула Бет. – Я тоже старалась разговаривать с ними поостороже. Иначе не смогла бы

сдержаться. А потом, когда пошли мужчины, стало легче. Их кормили, и те надзиратели, в ком осталось хоть что-то человеческое, «не замечали», что шахтеры делятся едой со всей стаей.

– Вожак у них был справедливый, – поддакнула Кати, не заметив тревожной тишины, на миг обрушившейся на столовую. – Его Дедом зовут. Мне оборотни сказали, что Бет за ним ходила.

– И когда только успели, – искренне удивилась Бетрисса.

– Так они только в твой приют приходили дружной толпой, – пояснила Августа, – а потом самые сильные шли вперед почти без остановок. Волновались за своих женщин и детей и хотели как можно скорее собственными глазами убедиться, что с ними все в порядке. А на ночевки оставались лишь одиночки и самые слабые.

– Ну и привела ты этого Деда? – с деланой небрежностью осведомилась королева, и снова все на миг замерли, кроме Кати, явно еще не слышавшей последних новостей.

– Я же рассказывала, – ринулась выручать подруг сирена, – их всех принес Иридос и ушел на плато. Кадеток из приютов должны были забрать древни, а оборотни придут самостоятельно.

– И сколько ему лет? – в упор глянула на Фанью ее величество, и все заметили, как сильно она побледнела.

– Я не спрашивала, – честно глянула ей в глаза верная телохранительница, – но он совершенно седой. И худой, как все они.

– А имя... не называл?

– Мы и без имени его сразу узнали, – подав Годренсу незаметный знак, тяжело вздохнула Бетрисса и откровенно добавила: – Взгляд точно такой же колкий, как у нашего разбойника.

– Вот как, – безжизненно произнесла Зантария и попыталась встать с кресла, но дроу и Олифания уже были рядом.

– Никуда бежать не нужно, ваше величество, – привычно уговаривал ее придворный маг. – Он уже вышел из прохода. Еще затемно. Сумел уговорить цветок. А потом уговорил Иридоса, и тот отправил Деда в замок Шаграйн, устраивать стаю.

– Вот как, – повторила королева, проглотив выданное магом зелье, и невыразительно улыбнулась: – Похвальная заботливость.

– Я говорила... – огорченно процедила Фанья и резко смолкла, оцепенев, словно увидела привидение. Но тотчас опомнилась, вырвала пальцы из руки Майзена, вскочила с кресла, сделала пару шагов навстречу седой женщине и вдруг упала перед ней на колени: – Матушка!

– Поднимись, Олифания, – мягко попросила шагнувшая к ней старая

монахиня. – Я тоже очень рада тебя видеть, но падать не стану, колени больные.

Майзен, в один миг оказавшийся рядом с женой, поднял ее, попытался прижать к себе, но она отвернула залитое слезами лицо, желая видеть сейчас только одного человека.

– Я так виновна, не писала... и не сдержала клятву...

– Не могла ты писать, мне это хорошо известно, – уверенно возразила гостя. – А про клятву поговорим позже, но заранее могу сказать одно: Святая Тишина очень мудра и справедлива, и ей довольно чистосердечного желания выполнить обет.

Монахиня уверенно подтолкнула бывшую воспитанницу в руки ее мужа, по-свойски кивнула Иридосу, подвинувшему ей кресло, но прежде чем сесть, с достоинством склонила голову перед Зантарией:

– Я матушка Тмирна, настоятельница монастыря Святой Тишины. Магистр Ириδος рассказал мне очень важные для моих сестер новости, заставившие меня прибыть сюда незамедлительно, не дожидаясь вашего приглашения.

– Мы всегда рады вас видеть, и если бы я знала, что вы согласитесь нас навестить, то уже давно послала бы приглашение, – вымученно улыбнулась королева и откинулась на спинку кресла, не в силах продолжать светский разговор.

– А что здесь произошло, пока меня не было? – хмуро изучал новых друзей глава дома ди Тинерд. – Получили плохие новости?

– Наоборот, – подняв на него взгляд позеленевших глаз, честно сообщила Тэрлина. – Выяснилось, что Дед – это первый муж ее величества и, следовательно... отец твоего напарника.

– Друга, – твердо поправил ее магистр и на минуту задумался, не обращая внимания на примолкших собеседников. – Я должен с ним поговорить. Тмирна, все, о чем ты расскажешь, я уже знаю, но без меня к нему не ходи. Я специально взял в артефактории амулет, ставящий на резерв надежный щит.

– Часа тебе хватит? – мягко улыбнулась Тмирна.

– Лучше два, – подумав, сообщил маг, незаметно поморщился и оглянулся на королеву: – Не расстраивайтесь так, ваше величество, оборотни выбирают себе подруг один раз и навсегда. Особенно вожаки.

– Но он думал... – Зантария от неожиданности даже покраснела.

– А это совершенно не важно, о чем он думал, – горько усмехнулся дракон. – Жизнь у них была такая, только думы и оставались свободными. А вот верить и надеяться было смешно и глупо, потому они и разучились и

надеяться и мечтать.

Он исчез, а кадетки еще несколько минут не решались заговорить, пряча от королевы виноватые взгляды. Всем им на всю жизнь хватило за эти несколько дней чужого горя и боли, и каждая сделала для себя собственный вывод.

– Все вы знаете легенду о Святой Элторне, соединяющей нерушимым союзом только любящие сердца, – задумчиво произнесла вдруг Тмирна. – А я могу рассказать, кем она была на самом деле. Это происходило задолго до великого Разлома, и в долинах севернее Арханы, где в горах теперь почти круглый год не тают снега и под слоем почвы всегда спит лед, тогда росли вековые леса и цвели богатые сады. Эльвы в то время еще не покинули наш мир, но уже встречались довольно редко, и хотя не избегали людей, но полукровки появлялись на свет все реже. А вот Элторна родилась квартеронкой, полукровкой был ее отец – менестрель. Красивый и беспечный, как большинство полукровок, походя отозвался на жаркую любовь юной селянки и ушел дальше, даже не подозревая, что у него растет дочь.

– Матушка Тмирна... – осторожно спросила примолкшую на миг настоятельницу Тэрлина, – а откуда вы это знаете?

– Был у меня в друзьях один из последних полукровок, ходил по Ардагу, пока не нашел истинно влюбленных. Любовь – созидательное чувство и дает эльвам силы для преодоления граней миров. Но мне кажется, и вашей светлости что-то известно? Или это тайна?

– Зовите меня по имени, я Тэрлина. А рассказывать мне никто не запрещал, но есть вещи, которые всем лучше не знать. Я не говорю про присутствующих, здесь все проверенные и надежные люди...

– А от плохих она и сама сможет себя защитить, – поощрительно улыбнулась матушка. – Так, может, лучше ты расскажешь?

– Не лучше, – предостерег Годренс, – если не желаете залиться слезами. Тэри у нас сирена.

– Так это ты освободила племя хинсарских кочевников, – с уважением рассматривала старая монахиня девушку. – Тогда втройне спасибо Иридосу, что вспомнил обо мне, я мечтала тебя увидеть. И прошу вас всех обращаться ко мне попросту, мне кажется, мы из тех, кто смотрит в одну сторону.

– А что же там про Элторну? – не выдержав, поторопила Кати. – Я всегда обожала старинные истории.

– Это скорее сказка... – загадочно улыбнулась Тмирна и продолжила рассказ: – Она выросла очень красивой девушкой и повстречала молодого

художника. Они полюбили друг друга и назначили на осень свадьбу. Но в то лето случилась беда, умерла жена местного князя, и он велел своим ратникам собрать на смотрины самых красивых девушек. Элторна идти не собиралась, спряталась на сене. Но кто-то из соседей донес, и гонцы князя подожгли сенник. Пришлось ей вылезать. Девушка просила ее не забирать, говорила, что просватана, убеждала ратников выбрать из свободных невест, но они ее уже разглядели и сообразили, кому достанется обещанная князем награда. И действительно, едва увидев Элторну, князь больше не пожелал смотреть на других невест. Однако жениться насильно на эльвах и их детях никому и никогда не удавалось, нельзя удержать в плену потомков самого свободолюбивого народа, хотя их и можно увезти или унести силой. Только по доброй воле могут давать клятвы верности перед статуями светлых богов правнуки тех, кто пришел из долины Эмаельгейл. Есть у них особый дар, которым светлый народ пользуется лишь в самых крайних случаях. И в те времена все об этом знали. Поэтому в надежде завоевать сердце Элторны князь окружил ее заботой и вниманием, готов был исполнить любое желание, но девушка хотела лишь одного – вернуться к любимому. И тогда князь велел поймать ее жениха и отвезти в дальнюю крепость. А в камере сказал прямо – отныне жизнь художника зависит от ее покорности.

– Все они одинаковы, – горько выдохнула Зантария и тут же опомнилась, огорченно глянула на кадеток и твердо добавила: – Но я ни о чем не жалею. Сыновья стали мне наградой за все ошибки.

– Простите, ваше величество, – нисколько не каясь, извинилась Тмирна, – но у вас разные истории. Элторне пришлось дать согласие, но душа ее не смирилась. И князь это понимал, поэтому велел отвести невесту в подвал и запереть в кованой клетке для самых опасных преступников. Ритуал он намеревался провести там же.

За девушкой следило несколько пар глаз, а она сидела молча, внешне безучастная ко всему, но в душе отчаянно взывала к неведомым ей силам, ведь научить ее эльвийским хитростям было некому. Элторне повезло, неподалеку обитали самые преданные и мудрые друзья и помощники ее народа, они слышали этот полный горя и безнадёжности зов и пришли на помощь. Словно туманом заволокло вдруг камеру, заиндевели толстенные, в палец, решетки, и отнялись ноги и языки у охраны. А когда потеплело и туман осел, все с ужасом обнаружили, что девушка стала статуей. Она стояла, одетая в каменное кружево свадебного платья, гордо подняв так и не склоненную голову, и смотрела на своих тюремщиков мудро и строго. В ужасе ударили они из подвала, по пути не в силах вымолвить ни слова,

лишь кивая любопытным туда, откуда сбежали.

– Похожая легенда есть и у нас, – кивнула сама себе Бетрисса, когда матушка смолкла, чтобы перевести дух и выпить глоток чая. – Но теперь мне кажется, что статуей Элторна все же не стала. Тэри... я права?

– Совершенно, – тихо подтвердила маркиза Дарве Ульгер, и в ее голосе прозвенели мелодичные нотки, напоминая о даре сирены. – Не может окаменеть живой человек. Это был подлог, и на такое способны только те, кто может ходить зелеными путями.

– Вот и князь не поверил, хотя и не мог понять, в чем дело, – подтвердила Тмирна. – Несколько часов в ярости крушил все вокруг себя, запивая горе ковшами стоялого меда. А к вечеру совсем ополоумел, выскочил из дома и приказал его поджечь. Его пытались успокоить, он отвечал ударами хлыста, потом взялся за меч. Вскоре дом горел, а на следующее утро потрясенные погорельцы обнаружили на месте пожарища печально взирающую на них белоснежную статую. Ни огонь, ни сажа не оставили на ней ни малейшего следа. А князь умер от излишнего возлияния в ту же ночь, и некоторые легенды утверждают, будто его наказала ставшая богиней Элторна. Но на самом деле наказать его она не могла, потому что была уже далеко, в убежище спасших ее друзей. Художника они тоже увели, его охраняли не так рьяно.

– А я теперь точно знаю, кто их спас, – радостно заявила Кати. – И уверена, что жили они долго и счастливо!

– Мы все это знаем, – вздохнула Августа и пытливо уставилась на матушку. – Но сейчас меня мучат сомнения... не этого ли спасителя называют Святой Тишиной? Ведь он любит тишину и покой, не выносит человеческих эмоций и помогает тем, кто очень попросит? И раз так, то знаете ли вы, кому служите?

– Справедливости и честности, состраданию и доброте, – не задумываясь, прямо глянула ей в глаза настоятельница. – И сами стараемся поступать согласно заветам, и других учим тому же. Но в наших скалах ее давно уже нет, энергия Разлома прокатилась сокрушающей волной не только по горам и долинам, проникла она и в подземелья, пещеры и выработки. И породила стаи монстров и нечисти, таких как скальники и каменные оборотни, для кого все одаренные – прежде всего еда. Нашим богиням не удалось выжить в обжигающем потоке энергии, и мы даже думали, что никого из их рода больше нет в нашем мире. Тем более последний эльв ушел в Эмаельгейл почти десять лет назад. И когда Иридос сказал, что в его Зеленодоле живут древни, я лично ездила с ними поговорить. Оказалось, это случайно выжившие последние древни из

погибшего гнезда, не имеющие ни знаний матери, ни ее способностей, скитающиеся по миру в попытке выжить. Их взяли под опеку ведьмы дома ди Тинерд, и я за них рада, но мне с ними говорить не о чем.

– Я познакомлю вас, – уверенно кивнула Тэри. – Мать-цветок разрешила.

– Она нас слышит? – взволнованно подалась вперед Тмирна. – И когда?

– Можно сейчас, – помолчав несколько секунд, испытующе взглянула на монахиню сирена. – Готовы?

– Да, куда идти? – порывисто, как молодая, вскочила с кресла настоятельница и тут же растворилась в клубе зеленого тумана.

– Как здорово, – захлопала в ладоши Кати, – у нее исполнится заветное желание! А нам не запретят рассказывать об этом?

– Она же предупредила, что это сказка, – с доброй насмешкой просветила подругу Бетрисса. – А сказки может придумывать каждый и какие угодно, народ все равно будет поклоняться надежным и проверенным богам. К тому же Элторна недавно совершила несколько впечатляющих чудес и тем неизмеримо укрепила веру в свое могущество. А теперь, после знакомства с Тмирной, такие же чудеса сможет совершить и Святая Тишина, и лично я буду этому только рада. И никому не стану рассказывать крамольных сказок. Люди должны знать, что за добро положена награда, а за зло – возмездие.

– Ты очень верно все поняла и хорошо объяснила, – задумчиво похвалила Зантария, – и я думаю точно так же. Низвергнуть старых богов хоть и нелегко, но можно, как и разрушить этот замок. Но насколько тяжело возрождать из руин прекрасные строения, настолько же трудно внушить народу доверие и почтение к новым богам. Особенно если старые были всем по душе.

– Мудрые слова, ваше величество, – согласно склонила голову Октябрина. – Я тоже предпочту никому не рассказывать этой сказки и сохранить ее только в памяти.

– А после того как цветок совершил настоящее чудо, спасая несколько сотен несчастных рабов, для них он и есть самый настоящий бог, – произнесла Дора, взглядом проверяя, согласен ли с ней муж, и убежденно добавила: – Хотелось бы мне, чтобы их было больше.

– А вот и первые гости, – предупредил Годренс, и в следующий миг в комнату почти вломилось несколько мужчин.

Очень вежливо поздоровались с ее величеством, расхватили своих жен и так же учтиво поинтересовались, кто еще ожидается к завтраку.

– Думаю, пока никого, – стараясь не смотреть на королеву и Тэрлину, отважно заявила Олифания. – У оборотней сейчас много важных дел.

Ослепительно улыбаясь, Зантария подтвердила ее слова и первой прошла к накрытому на балконе столу, про себя всюю костеря слишком занятых оборотней, для которых есть более важные дела, чем ожидающие их женщины.

Глава двадцать шестая

О встрече троих вожаков оборотней и решении трех ведьм

– Не знаю, – дерзко отмахнулся пробежавший мимо подросток и тут же, взвизгнув, взлетел над выложенной песчаником дорожкой, болтая босыми ногами в синевато-серых, явно великоватых ему штанах.

– Лжешь, – почти весело сообщил дракон, искоса поглядывая на оборотней, замерших на том месте, где их застал визг парнишки.

– А ты не хватай! – еще храбрился мальчишка, а в глазах уже метался тревожный блеск застарелого страха.

– Если бы ты сказал правду, причем вежливо, как подобает отвечать пришедшему в гости вожаку соседней стаи, а не показал хвост, – спокойно и назидательно объяснил Иридос, – никто тебя и не подумал бы ловить. И трясешься ты зря, лапа у меня сухая, теплая, мягкая и держит тебя очень удобно, раз даже штаны до сих пор не потерял.

Парнишка вмиг уцепился одной рукой за сделанный из куска веревки пояс, а другой попытался оттолкнуть то невидимое, но плотное, что чужак называл лапой.

– Так это же Иридос, – громко оповестил выскочивший из-за угла волк и мгновенно распрямился, сбрасывая с себя кокон. – Галь, мошенник! Ты почему нагрубил нашему спасителю?

– Не грубил я, – забубнил волчонок, с тоской поглядывая на тропу, до которой не доставал ногой не менее пары локтей. – Сказал – не знаю!

– И соврал, – уверенно закончил за него дракон, опуская мальчишку на плиты двора. – Так где у вас Дед?

– В саду, – сразу помрачнел волк. – Сам найдешь или проводить?

– Что, не в духе? – понимающе усмехнулся магистр. – Проводи немного, а пока расскажи, как вы устроились и чего не хватает.

– Устроились... – неопределенно пожал плечами провожатый, – и всего хватает. Маги мешками тащат и одежду и еду. Но многие говорят, что это ненадолго и нужно искать работу. А где ее искать, если жители на нас как на бандитов смотрят?

– Они пока правды не знают и не должны, – строго глянул на провожатого дракон. – Собери всех и объясни – вас в этот замок отправили на год, на отдых и лечение. И думать нужно не о работе, еде и одежде, все

это будет. Сначала научите детей жить в этом мире, свободно разговаривать с людьми, правильно оборачиваться, плавать, ходить по лесу, распознавать травы и животных. Они же не видели ни жуков, ни бабочек, не говоря про змей и ежей. Ну все, беги, я его уже чую...

Дед сидел в густо заросшей вьюнами беседке, грыз зеленоватое яблоко и кривился, словно от кислоты, но маг еще издали почувствовал тоску и растерянность, не менее рьяно грызшие самого вожака.

Однако говорить ничего не стал, сел напротив, выхватил из лежащей на скамье кучки самый зеленый плод и один миг подержал в ладонях. А когда распахнул их, по беседке поплыл густой яблочный аромат, напоминающий о близости последнего летнего месяца, наполненного запахами молодого меда, спелых фруктов и огромных, полосато-желтых торемских дынь.

– Легко тебе, – беззлобно огрызнулся Сенарг, принимая неожиданный дар, и тяжело вздохнул. – Ничего нового?

– Почему ты мне не признался, что его отец, когда я вел тебя сюда? – в упор глянул в лицо оборотня глава дома ди Тинерд. – Или скажешь, ничего не знал?

– Не скажу. Фани уже просветила. Я с ней тридцать лет знаком... совсем девчонкой была, но и тогда ни в чем не лгала.

– Твоя жена в то время была не намного старше, – тихо буркнул Иридос, глядя в сад, и вдруг возмущенно зашипел: – Ну что за семейка! Тот как заяц бежит от девушки, без которой жить не может, этот добровольно себя истязает, королеву Олифания с магом успокаивающими отпаивают, а я все должен терпеть!

– Неужели нет способа... щита какого-нибудь? – мрачно посочувствовал Дед.

– Все у меня есть – шапочка особая, но ведь сам снимаю, добровольно! Иначе не поймешь, чего вы хотите на самом деле! – сердито рычал дракон. – Ну почему ты сидишь здесь, а не возле нее? Ради чего мучаешь любящую тебя женщину?

– Заткнись хоть ты, не режь по живому! – так же яростно огрызнулся Сенарг. – Не могу я сейчас ничего решать, пока он в вашем стагисе! Он ведь взрослый мужчина и вожак, и по закону его мать входит в его стаю, не важно, знает она об этом или нет. И я тоже, ведь мне кинжал гномы сделали, и никакой силы он не имеет. Значит, все мы его стая и живем в его замке. Я ведь дом сразу узнал, хотя его перестроили и отделали так, что не стыдно королей принимать. Оборотни на второй этаж даже босиком не ходят, боятся что-нибудь задеть. Но я не об этом... просто все

перепуталось, и я не хочу ставить его перед случившимся. Решать должен он, если ты помнишь наши законы.

– А я их и не учил, – беспечно фыркнул дракон, достал из воздуха огромную грушу и откусил. А прожевав, объяснил: – Я своим сразу сказал: в нашей стае будут люди, дроу, ведьмы, оборотни и маглоры. И никто из них не должен исполнять чужих законов, поэтому законы будут новые, общие и удобные для всех, потому что нам по ним жить. Но кое-что все же постепенно выучил, советники объясняют, когда случается какая-нибудь путаница. И потому точно знаю: никто не вправе отменить свадебный ритуал и разлучить мужа с женой. Так что сейчас ты лукавишь, и я понимаю почему. Боишься, что тебя примут из жалости или чувства долга. Поэтому сейчас мы пойдем к нему... магистры обещали мне разбудить его к завтраку. Обрадую друга неожиданной находкой.

– погоди! – вскинулся Дед, но тут же возмущенно нахмурился, обнаружив, что по-прежнему сидит, но уже в совершенно другом саду. – Иридос!

– Идем. Это не плато, там для вас слишком много энергии, а мой дом. Но для Рада мы поставили особый шатер на берегу реки, там отличный вид.

– А зачем ему вид? – еще ерошился вожак, но тревога, жарким шквалом обрушившаяся на хозяина дома, выдала гостя с головой.

– Он же не может все время лежать поленом, а двигаться ему пока запрещено. Ты ведь уже все разузнал про то мерзкое зелье? Хотя так называть его и неправильно, мы точно выяснили, это нечто среднее между растением и простейшим существом вроде водяного гриба. Только размножается делением. Любой, даже мельчайший кусок способен жрать и расти.

– Сильно они его? – скрипнул Дед новенькими зубами.

Магистры всего пару часов назад вырастили ему все потерянное и вырванное надзирателями за непокорность.

– Мы все уже восстановили, – тихо буркнул дракон, – но новая кожа пока слишком чувствительна, и лекари запретили ему тревожить шрамы еще хотя бы пять-шесть часов.

Раздвинул невесомый полог шелкового шатра и кивком позвал Сенарга за собой.

Оборотень входил под просторный купол затаив дыхание, даже не пытаясь представить парня, упорно ходившего по шахте в коконе белого барса.

– Вроде ты собирался завтракать в Элайне? – язвительно смотрели на

них с худощавого, дерзкого лица золотистые глаза белого ведьмака.

Теперь это сразу можно было определить по снежно-белой пряди, от левого виска прорезавшей русую, ухоженную гриву, спадавшую с подголовника кресла. Дирард сидел в нем бездвижной статуей и, судя по сердито раздувающимся крыльям тонкого носа, вовсе не наслаждался тишиной и покоем.

– Твои девочки рассказали много интересного, пришлось идти выяснять, – спокойно сообщил Иридос. – Хотя я с удовольствием послушал бы их еще. Тэрлина после общения с цветком стала мудрой, как Мильда. С ходу сделала вывод, к которому магистры пришли после двухчасовых споров.

– Мечтаю услышать, – едко скривил красивые губы ведьмак. – Только сначала объясни, чего хочет от меня вожак спасенных оборотней? Надеюсь, он пришел не проситься в стаю? Пусть лучше идет к тебе, вы богаче.

– Нас и так много. – Подтолкнув гостя к высокому стулу, дракон сел напротив друга и пояснил: – Гораздо выгоднее, когда в каждом королевстве своя стая, тогда можно наладить торговлю и основать гильдию проводников. Как только в Тальзии станет спокойно и откроются границы, к вам потекут путешественники, купцы и всякие лицедеи.

– Только клоунов и не хватало, – пренебрежительно скривился Рад, чуть заметно дернулся и спрятал разочарованный вздох – воздушная лиана держала крепче цепей. – Но ты мне зубы не заговаривай. Чего потребовалось от меня Деду?

– Вообще-то у него имя есть... – пробормотал Иридос, покосившись на напряженно вглядывающегося в сына оборотня, и выжидающе примолк, не оставляя гостю возможности отступления.

– Меня зовут Сенарг, – глухо сказал тот, посмотрел в застывшее каменной маской лицо ведьмака и не сумел больше выдать ни слова.

– Рад... – ощутив вспышку самых противоречивых эмоций, не выдержал дракон, с сочувствием глядя в лицо изумившего его выдержкой ведьмака, – извини за чрезмерную поспешность. Я понимаю, что ты еще не совсем здоров, и нужно бы дать тебе отдохнуть несколько дней, прежде чем вываливать на голову такие известия. Но, во-первых, это радостная новость, а во-вторых – он ведь истинный оборотень. И в любых ситуациях первым делом вспоминает свои законы, а они существенно отличаются от тех, по каким живет твоя мать и ты сам.

– То есть, – мгновенно перевел для себя ведьмак, – к ней он еще не ходил?

– Ты ему теперь по закону вожак, – развел руками Иридос, – и без

твоего разрешения подходить к твоей матери он не имеет права. А Зантании, между прочим, о нем уже рассказали, и теперь Фанья с Годом сидят возле нее. Ну и все девочки тоже.

– Понятно... – Дирард закрыл глаза и с минуту сидел молча, потом устало глянул на дракона: – Но ты ведь уже что-то придумал? И не забудь, что его неплохо бы отправить в Архану или, наоборот, их привести в Элайн. А мне скажи, до чего додумались магистры.

– Я ведь могу просто уйти куда подальше, – вдруг тихо и с тоской пробормотал Сенарг, – в Сандинию или в Торем. Только стаю пристройте, они много перенесли вместе и сжились, не все смогут вернуться к прежним семьям.

– А ты? – остро глянул на него ведьмак и тут же, стиснув зубы, попытался резко отвернуться. И сердито зашипел от досады, когда это снова не удалось.

– Он восемь раз пытался сбежать, – огорченно вздохнул дракон, усилием воли пряча лезущие на волю когти, – и за это ему выбили все клыки и переломали ноги. Тогда он встал во главе рабов, готовя тайное восстание. Возможно, оно и удалось бы, но тут чернокнижников сильно прижали в Ардаге и у нас, в Дройвии, и они перебрались на Идрийс. Порядки в шахтах сразу стали строже, а наказания жестче.

– Я не об этом, – сухо буркнул Дирард, отлично зная, что напарник опять не надел свою невидимую шапочку и сполна чувствует его горечь и разочарование.

Да еще глупую, детскую обиду за мать, которая была абсолютно уверена: если бы ее любимый вдруг оказался жив, то ветром примчался бы к ней, невзирая ни на какие трудности. А он сидит тут растерянный, как мокрая курица, и думает, куда бы сбежать от жены, которая неожиданно оказалась неизмеримо выше его по статусу.

– Я знаю, о чем ты, – все-таки не сдержал рык дракон, – чувствую. Но пойми и его – он ведь тридцать лет даже не подозревал о твоём существовании и не догадывался, что она продолжает его ждать наперекор всему – здравому смыслу, рассказам его родичей и сообщению о страшном шторме, разыгравшемся в проливе как раз в тот день, когда через него шло суденышко, перевозившее кучку оборотней.

– Не было нас на той посудине, – хмуро пробормотал Сенарг, впервые в жизни переступая через собственное правило никогда не оправдываться. – На берегу ловцы взяли, зельями полили. А на том судне они гномье золото в Ардаг переправляли, собирались кого-то подкупить. А в то, что она будет ждать, я верил... точнее, надеялся. Целых десять лет,

потому каждый раз и бежал, как только снова собирался с силой. Ну а когда узнал... бежать стало некуда.

С минуту все молчали, не находя подходящих слов. В утешении никто не нуждался, а обсуждать события, исковеркавшие жизнь самого Сенарга, его семьи и стаи, казалось почти кощунственным. Беседовать же о чем-то постороннем, сделав вид, будто не существует вставшей перед ними нелегкой задачи, не умел никто из троих.

А потом стало поздно. Рядом с входом послышались тихие шаги, и не успели оборотни опомниться, как под своды шатра вступили сразу три деловито переговаривающиеся женщины. Две постарше и одна совсем юная, в мальчишечьих штанах и рубахе навывпуск.

– Ир! – обрадовалась она, увидев дракона. – А я думала, ты в Тальзии.

Нежно обняла и поцеловала расцветшего улыбкой мужа, сунула ему извлеченный из корзинки пирожок и обернулась к Раду, на шею которого Орисья уже ловко повязала хрустящий поварской фартук.

– Слюнявчиков для мужчин у нас нет, уж извини, а супом тебя накормить нужно. Отец, а в умывальню вы его отнести не догадались, раз пришли проведать?

– Он не маленький, и сам бы сказал, – тихо буркнул Иридос, досадуя на ведьм за прямоту.

– Ты не обижайся, отец, – с легкой укоризной глянула самая старая ведьма, – но ты все понимаешь неверно. И вообще обращаешься с ним очень неправильно.

– Докажи, – прищурился вожак, возмущенный таким обвинением.

– Все очень просто, – глянула она почти с жалостью и принялась осторожно обтирать застывшее маской лицо Рада влажной салфеткой. – Ты забываешь, что он белый ведьмак. И разговариваешь с ним как с оборотнем. И поступков ждешь таких же, как от оборотней, забывая, как трудно тебе было поначалу, когда ты обращался с ними как с обычными магами или людьми.

– Но ведь ведьмаком он стал недавно? – упрямо хмурился дракон, не желая признавать, что бабушка в чем-то права.

– Он был им всю жизнь, с самого детства, – с мягкой улыбкой сообщила мужу Анэри. – Просто не мог быть кем-то другим, ведь магии на Идрийсе почти нет. А потом начал просыпаться дар оборотня, и мы даже знаем когда.

– А больше вам не о чем поговорить? – не выдержал Рад.

– Прости, миленький, – нежно проворковала ему Мильда, – но им нужно все объяснить, иначе снова повесят на тебя стаю. А ты прежде всего

лекарь, и душа у тебя болит за каждого, вот и в ловушке кинулся не сражаться, а лечить. И лечил до тех пор, пока не потерял от боли сознание, и все это время знал, что эта гадость тебя жрет и ты уже умираешь.

– Ведьма! – рыкнул взбешенный ее бесцеремонной откровенностью дракон. – Разве такое вслух говорят?

– Так ведь смолчать в таком деле стократ хуже, – вздохнула она, покосившись на побелевшего Сенарга. – Вы же как котята слепые, видите лишь ту картинку, какую вам показывают. И никому невдомек, что Рад привык постоянно носить личину пересмешника ради спокойствия матери, которая дрожит над ним, как над огоньком на ветру. А у него под этой маской чуткая и ранимая душа, иной у белых ведьмаков просто не бывает. И любовь у него потому такая трудная, он ведь даже готов отказаться от любимой девушки, лишь бы ненароком не искалечить ей жизнь, как случайный оборотень поломал жизнь его матери.

– Мильда... – тихо произнес устало прикрывший глаза ведьмак, но кожа на его скулах натянулась еще туже, – до сих пор я тебя уважал.

– Прости, миленький, – виновато развела руками старая ведьма, – но кто-то должен был это сказать. Но не всем, а только этим двоим, чтобы уяснили раз и навсегда, – ты не оборотень. Способность вызывать защитный кокон у тебя идет довеском, и она вовсе не лишняя, но по сути своей ты только ведьмак. Вот и знак проявился, немногие такого удостоились.

– Мы жребий кидали, – нежно расчесывая пальчиками непослушную гриву задумчиво притихшего дракона, мягко пояснила его зеленоглазая жена, – и я рада, что выпало не мне. Но бабушка говорит чистую правду, мы спросили ведьм старшего круга, и они посмотрели старые книги. Да и сам посуди, разве мог бы ведьмак с черствой душой стать белым? Стало быть, его ехидство – просто щит, как для тебя драконья шкура, а иначе ему не выжить. А кроме того, его с рождения воспитывала сестра Тишины, а они свято чтят честность, чистоту помыслов и преданность.

– Все, хватит, – заскрипел зубами Рад. – Иридос! Где тут у тебя умывальня?

– Идем, – тотчас отозвался дракон, и они мгновенно исчезли.

– Ну, теперь мы их не скоро увидим. – Оорисья опустила на диванчик, вытирая платочком взмокший от напряжения лоб. – А сейчас поговорим с тобой, оборотень.

– Может, мне лучше сразу туда прыгнуть? – дернул плечом в сторону обрыва к Горянке Сенарг.

– Не поможет, – насмешливо фыркнула Мильда. – Там у Иридоса

воздушные пути растянуты, будешь болтаться над водой, пока он не вернется. Лучше послушай умных женщин, нечасто мы даем советы оборотням чужих стай.

– И сейчас бы не стали, ты и сам не глуп. Но про дар своего сына ничего не знаешь, а он для нашего мира большая редкость, его беречь нужно, – поддержала мать Орисья. – И не поверю я, будто ты ждал от него нежных объятий и поцелуев. Дирард давно взрослый мужчина, жил без тебя тридцать лет, прожил бы и дальше. А ты свалился как снег на голову, вот он и растерялся. Тут любой не сразу сообразит, как поступить, попробуй поставь себя на его место. Но мы-то точно знаем, что в его характере главное – отзывчивость и доброта, а напускная холодность вовсе не означает, будто ты ему не нужен. Просто Раду необходимо немного прийти в себя и свыкнуться с этой новостью. И еще... мы ведь и грана не лукавили, он действительно умирал. Иридос в последний миг друга в стазис сунул, маги только чудом из-за грани вытащили. Мы сами видели глаза Рада, когда он проснулся... у меня вмиг белых волос добавилось.

– Ведьмы, – взмолился ошарашенный оборотень, – но мне-то теперь что делать?

– Да ничего особого. Всего лишь хорошенько запомни мои слова, повторять не буду, – очень серьезно произнесла Мильда. – Отставь свою гордость, забудь на время про стаю и не вспоминай старые законы. И иди к жене, разберись со своей семьей. Тогда решать все остальные задачки будет намного проще.

– Если согласен, – участливо вздохнула Орисья, – то кивни. Мы, так и быть, по-родственному поможем.

– Откуда у нас родство? – неверяще глянул в ожидающие глаза ведьм Дед и нерешительно кивнул.

Жизнь менялась слишком резко и стремительно, и он никак не успевал спокойно обдумать эти перемены, просчитать варианты и принять решение самостоятельно, так, как привык.

– С трех сторон, – деловито отправив куда-то магического вестника, сообщила самая молодая ведьма. – У всех нас мужья – оборотни. Зато твой сын – ведьмак. Ну и последнее: по вашему закону он теперь дважды побратим моему мужу, сначала Рад спас Ира, потом наоборот.

– Добрый день! – Выпрыгнувшая из воздуха женщина смутила оборотня своим ярким и легким полумужским одеянием, смелым взглядом внимательных глаз и непривычно свободным обращением, словно была сродни ведьмам. – Зачем звала, дочка?

– Это отец Дирарда, – коротко пояснила Анэри, – и его нужно

отправить в Элайн, к тальзийской королеве. Но они не виделись тридцать лет...

– Поняла, необходимо первое впечатление, – что-то решая, задумчиво прикусила губу гостя и приветливо кивнула оборотню: – Идем. Да не бойся, я Лэйта, мать Иридоса.

Сенарга словно ветром подхватило, и через миг он обнаружил, что стоит в просторной комнате перед большим, до пола, зеркалом.

– Сначала уйди в кокон, – велела магиня. – Я добавлю тебе силы и брошу заклинание молодости. Зантария женщина видная, и за ее здоровьем маг следит. Ты должен ей соответствовать.

– Зачем? – еще спорил Сенарг, но уже чувствовал, как свернутый кокон начинает греть сердце давно забытым ощущением полноты запаса, манящим окунуться в его бодрящее тепло.

– Красавец, – довольно щурилась Мильда, рассматривая крупного темно-серого волка со спускающимся на грудь пышным светлым воротником и черной гривой, переходящей в широкую спину заматеревшего зверя. – Сразу видно, настоящий вожак.

– Достаточно, – скомандовала Лэйта и подтолкнула сбросившего кокон вожака к зеркалу. – Анэри, что модно у оборотней в Тальзии?

– Нет там оборотней, у которых есть мода, – горестно вздохнула Мильда, и в ее голосе прозвучало столько сочувствия и душевной боли, что Сенарг мгновенно проглотил едва не сорвавшееся с языка язвительное словцо.

И злиться на ведьм за бесцеремонное вмешательство в собственную жизнь тоже как-то разом перестал, приняв сердцем искренность их желания помочь. Ему самому, его ершистому, но необыкновенному сыну и Занте, которая сейчас пьет какие-то зелья и с каждой минутой все меньше верит в его желание с ней увидеться. И одновременно с этой верой в ее сердце гаснут последние искры чудесного огня, вспыхнувшего когда-то между ними в обшарпанном захолустном трактире.

И едва Сенарг осознал, насколько хрупок и недолговечен ведущий к его счастью мосток, как вожака рабов охватило сжигающее душу нетерпение. Какая еще мода, какая одежда! Ему бы поскорее увидеть ее глаза, высказать откровенным взглядом всю тоску и нерастраченную нежность, которые он столько лет свято хранил для нее одной.

Берёг, несмотря ни на что.

– Значит, будет, – постановила Лэйта. – Одевается же как-то особенно его сын? Анэри, дай картинку. Отличный костюм, но раз он носит зеленый, отцу сделаем темно-синий... или все же шоколадный?

– Синий, – выдавил оборотень, глядя, как стремительно меняются куртки на видном мужчине, глядящем из чудесного зеркала.

Они были похожи как братья, но тот, за стеклом, был лет на двадцать моложе, и седина еще лишь слегка присолила его виски. А лицо не такое призрачно-белое, да и морщинок не видно, только по взгляду да твердой складке у губ можно понять, сколько ему пришлось пережить.

– Но очень темный, – посоветовала Анэри, наблюдая из стоящего неподалеку кресла. – Цвет ночного неба. Теперь немного строгой серебряной вышивки в цвет к поясу.

– Но у меня нет... – Договорить Сенаргу ведьмы не дали:

– Вожаку положен серебряный пояс. А кинжал в ножны пока сунем твой, Ир потом что-нибудь придумает. Все, отправляем. Кто-нибудь с ним пойдет?

– Лучше я, – подумав мгновение, решила Анэри, шагнула к зеркалу, прищурилась, и ее мальчишеский наряд стал строгим золотистым платьем с высоким воротничком и длинными, летящими рукавами.

– Удачи, – подмигнула ей магиня, и рядом вспыхнул светлый овал магического портала.

Глава двадцать седьмая

О живых бинтах, новостях Анэри и о ритуальной битве за кинжал вожака

– К вам можно? – Шагнувшая из мгновенного портала немолодая темноволосая магиня была ведьмаку хорошо знакома, но он продолжал упорно молчать.

– Конечно, – кивнул Иридос.

Ведьмак отчетливо рассмотрел, с каким облегчением новый друг улыбнулся соплеменнице, и усмехнулся про себя. Значит, ждал ее, наверняка сам и вызвал сюда, в просторную спальню на втором этаже, бывшую отныне собственностью Рада вместе с полным вещей гардеробом и роскошной умывальней. Как объяснил дракон, в этом огромном дворце жили только его лучшие друзья и самые дорогие гости, всех остальных он размещал в городских гостиницах.

– Я принесла живой бинт, – решительно направилась к ведьмаку Гайлена, по пути рассказывая новости. – Совет решил, что будет несправедливо, если кто-то из них этого не увидит.

– Что такое живой бинт? – Рад подозрительно уставился на чашу в руках магистрессы.

– Очень ценное животное, выведенное в наших лабораториях. Оно немного напоминает пиявку и выделяет слизь, невероятно усиливающую регенерацию. Только приклеивается не одним концом, у нее рот – все тело. И оно старается растянуться по всей свежей ране или шраму. Главное – подобрать по размеру. Для тебя мы немного подрастили один из средних экземпляров, поэтому пришлось подождать.

Объясняя, Гайлена не стояла без дела. Сначала сняла морок, закрывающий воздушные бинты, опутывающие шею и плечи пациента, еще вчера бывшие одной страшной раной. Сделанный мастерами плато жилет не позволил «гибели магов» сразу проникнуть в тело, ей пришлось проехать несколько слоев ткани, пропитанной защитой, и это дало Раду пару часов форы, спасших его жизнь.

Осторожно вытряхнув из чаши на розовеющие шрамы полупрозрачный лепесток студня, Гайлена магией расправила его края и только после этого очень бережно убрала с ран воздушные бинты.

И все равно ведьмак еле слышно зашипел, ощущение было такое,

словно кожи нет совсем.

– Потерпи секундочку, – виновато вздохнула магистресса, – сейчас он прилепится, и сразу станет легче. Но воздушный жилет Ир тебе все равно соорудит, совсем тонкий, незаметный, чтобы можно было надеть обычную одежду. А через день бинт снимем, к тому времени он свое дело уже сделает.

– А сам я не мог бы подлечиться? – направляясь к гардеробу, на всякий случай поинтересовался Рад, уже предугадывая ответ.

– Наши старшие целители мощнее тебя, – деликатно вздохнула Гайлена. – И они влили в твои раны столько энергии и заклинаний, что больше ничье вмешательство не нужно. Только время, кожа просто должна уплотниться, как бы состариться. До тех пор ее роль будет играть живой бинт.

– А чего мы можем не увидеть? – через минуту выглянул из гардеробной уже переодетый ведьмак, торопливо застегивая пряжки колета.

Пояс вожака он нес на локте, и Ир недовольно нахмурился, сразу сообразив, что слов Мильды про стаю друг не пропустил.

– Того, как магистры будут ловить главных негодяев. – В голосе дракона послышался знакомый рык.

– А вы уже их нашли? И кто был главарем у черных?

– Магистры сейчас уже в Карстаде, в королевском дворце, и Лангорис собирался все вам рассказать и показать через обзорную пирамидку, – пояснила Гайлена. – Потому мы так и торопились с бинтом. Если ты не хочешь пропустить этого зрелища, то поспеши.

– Надень пояс, просто так передать его нельзя, – посоветовал дракон. – Причем ритуал должен быть прилюдным. Я подскажу слова или сам им объясню... если ты решил твердо.

– Ты же знаешь, – укоризненно глянул Дирард на дракона. – Да и всем будет лучше, если вожаком станет он. Я на время пустил бывших узников в свой замок, но теперь хочу отдать его стае навсегда. Там много места, две речки, поля и лес, вполне поместятся и те, кто захочет перебраться из Арханы. Молодым оборотням на Идрийсе понравилось. Пусть поживут спокойно, разводят рыбу и гусей...

– С этим не спеши, – предупредил Иридос. – Плато заинтересовано в том, чтобы на Идрийсе жили оборотни, и сейчас магистры решают, как лучше их устроить. Ты же знаешь, дворцов они не любят.

Рад испытующе посмотрел ему в глаза, помедлил, затем привычно застегнул на торсе пояс и твердо кивнул:

– Я готов.

Зантария стояла у раскрытого окна, вглядываясь в даль, но не видела ни сгущающихся облаков над потемневшими снежными вершинами, ни птичьих стаяк, охотящихся на невидимую добычу. Глаза ей туманила непрошенная влага, но королева упорно промокала ее платочком, не позволяя превратиться в настоящие слезы.

– К тебе Анэрлина, жена барона Иридоса ди Тинерда, – тихо доложила неслышно вошедшая Фанья, и в ее голосе королева расслышала несвойственную тихоне нерешительность.

– Проси, ты же знаешь... – Договаривать Зантария не стала, Фанья действительно и сама все знала и понимала.

– Доброе утро, ваше величество, – с достоинством присела нежданная гостя. – У меня деликатный вопрос.

– Добрый день, Анэри, – улыбнулась королева, открыто любуясь грацией и смелостью юной хозяйки одного из правящих домов Дройвии, умудрившейся ничем не нарушить этикета, но не проявить и капли подобострастия. – Мы договаривались не вспоминать наедине о титулах и правилах?

– Спасибо, – искренне поблагодарила та, решительно прошла к столу и налила в бокал воды. А потом бережно отмерила туда капельку какого-то зелья из золотого флакончика и пояснила: – Я принесла вам только хорошие новости, но Гюдренс будет ругаться, если вы упадете в обморок. Поэтому возьмите это снадобье и сделайте глоточек... ради моего спокойствия.

– А если я постараюсь не падать? – медлила королева. – Фанья уже поила меня сегодня успокаивающими.

– Хорошо, – легко согласилась Анэри. – Тогда, может, присядем? – Дождалась, пока королева опустится в кресло, села напротив и мило улыбнулась: – Новости три, выбирайте. Первая – мы теперь с вами в родстве, вторая о здоровье Рада и просьба об аудиенции одного из пациентов целителей плато.

– О здоровье, – не задумываясь выдохнула королева, порывисто подавшись вперед.

– Он уже совершенно здоров, разговаривает, ест и может ходить, но пока не стоит его обнимать и хлопать по спине, – с милой улыбкой сообщила ведьмочка, внимательно посматривая на собеседницу.

– Ох, боги... что там такое? – побелела та.

– Они попали в ловушку чернокнижников. Пока Ир ставил щиты и

вытаскивал оттуда рабов, Рад их лечил... вы же знаете, что такое работа лекаря? А он – истинный целитель, как все белые ведьмаки, и просто не может оставаться в стороне, когда кому-то требуется помощь.

– И что с ним случилось?

– Сейчас это уже не важно, и не нужно об этом вспоминать. Как только Ир утащил их из опасного места, то сразу усыпил, и проснулся Рад совершенно здоровым.

– А увидеть его можно?

– Он сейчас в Карстаде с магистрами. Они почти нашли главарей банды черных алхимиков и скоро захлопнут капкан.

– Снова в самом опасном месте, – горько выдохнула королева.

– Сейчас там столько магов плато, что безопаснее не может быть даже в этом замке, – не согласилась Анэри. – Они даже обещали пригласить всех нас, примерно через полчаса. Совет считает, что лица негодяев нужно показать всему народу. Так какую теперь новость?

– Что там о родстве?

– Дирард спас моего мужа, вытащил из пропасти. Теперь они по законам оборотней братья.

– А потом Иридос тащил Рада. – Королева всеми мыслями еще была с сыном.

– И теперь они побратимы вдвойне, – подтвердила ведьмочка с довольной улыбкой, точно зная: вскоре хозяйственный разум королевы примется считать, насколько это родство полезно ее сыну и королевству, и это немного отвлечет ее от мыслей об уже заживших ранах.

– Ну а кому там нужна была аудиенция? – немного помолчав, припомнила Зантария. – Он чего-то желает попросить?

– Не знаю, – кротко ответила Анэри, – он не сказал. Но человек абсолютно надежный и достойный, иначе я никогда не стала бы помогать. Хотя и довольно робкий. Но это и понятно, надзиратели в шахтах за смелость и попытки сбежать выбили ему почти все зубы и не раз ломали ноги.

– Ох, светлые боги... – закусила губу Зантария. – Так он калека!

– Теперь – нет, лекари все вылечили, а матушка Иридоса даже убрала немного морщин и седины... он очень не хотел, чтобы его жалели.

– Ну да, – думая о своем, кивнула королева, – мужчины этого не любят. Так зови, поговорим.

– Лучше вы сами, – уже от выхода отозвалась ведьмочка, подтолкнула внутрь маявшегoся у двери оборотня и плотно прикрыла за ним створку. – Уф... полдела сделано. Фанья, присмотришь, чтобы не сбежал? Мне нужно

мужу письмо написать.

– Надеюсь, – еле слышно прошептала тихоня, – никто никуда не побежит. Лишь бы не забыли про нас... дня на три.

– Не забудут, – торопливо черкая что-то на листке, усмехнулась Анэри. – Я рассказала ее величеству, что ее сын в Карстаде и через полчаса всех нас тоже уведут туда. Маги плато ненавидят войны и поэтому решили покончить со всеми врагами разом. Но это ведьминский секрет, и я тебе ничего не рассказывала. А пока схожу поздороваюсь с фрейлинами, говорят, сирена вышла из подземелья?

Она упорхнула легко, как яркий мотылек, а Фанья привычно опустилась в стоящее у столика кресло, откуда были видны все двери и уголок окна, и безмолвно попросила помощи у своей покровительницы. Не часто она на это отваживалась, только в самых крайних случаях, чтобы ненароком не надоесть. А сейчас как раз такой и был, но не могла и подумать опытная тихоня, что та, кого народы Эркады звали Святой Тишиной, уже постаралась сделать все, чтобы в этом замке на двух счастливых людей стало больше.

Почти грубо втиснутый бесцеремонной ведьмой в королевскую гостиную оборотень в первый момент сердито стиснул зубы, а во второй – рассмотрел потрясенно расширенные глаза сидящей в кресле женщины. Именно такой, какую он и представлял, бережно храня грубый набросок, по памяти нарисованный одним из братьев. О том, что королевские портреты могут видеть все желающие, ему к тому времени было хорошо известно.

А потом увидал, как белеет ее лицо, прикрываются веки, безвольно падают с подлокотников и повисают плетью руки, и ринулся к жене, попутно на чем свет стоит костеря глупую девчонку. Додумалась тоже, шутить такими вещами! Занте ведь давно не тридцать и не сорок, а королевские заботы и проклятые чернокнижники безжалостно отнимают здоровье и силы.

– Занта... солнышко... – расстроенно бормотал оборотень, обмахивая лицо любимой платком, и от отчаяния никак не мог решить, что лучше, бежать звать на помощь или попытаться привести ее в сознание самому?

В шахтах женщинам брызгали в лицо водой и давали пить...

Он огляделся, увидел стакан с водой, секунду поколебался, затем, сделав пару глотков, чтобы успокоиться, плеснул немного на край платка и бережно обтер им лицо королевы.

И лишь потом запоздало вспомнил, что вполне мог случайно стереть

какую-нибудь женскую хитрость вроде пудры или румян, о существовании которых за тридцать лет совершенно позабыл.

– Сенарг? – распахнула глаза Зантария и встревоженно всмотрелась в виноватое лицо мужчины. – Что случилось?

– Ты сознание потеряла, – огорченно выдохнул он. – Это все ведьма бестолковая... не могла поделикатнее объяснить. Выпей водички, а?

– Где ты ее взял?

– Тут на столе стояла...

– Там какое-то зелье, вылей, – приказала она.

– А я уже половину выпил, – признался оборотень, размахисто выплескивая воду в ближайший цветок.

– Стой! – запоздало крикнула королева.

– Что случилось? – нахмурился Сенарг.

– Раз ты выпил, значит, и мне нужно было...

– Светик мой... – вспомнил старый закон оборотень, опустил на ковер у ее ног и прислонился лбом к дрогнувшим коленям, – не нужно тебе ничего пить. Я всегда был только твоим, таким и остался. А за сына не знаю как и благодарить... я даже предположить не мог. Такой красавец вырос, умный и сильный. Прости...

– Ты его видел? – встревожилась Зантария.

– С час назад. Хотел познакомиться... он же мне теперь вожак.

– И как он?

– Спросил, почему я еще не рядом с тобой. – Изворачиваться и лгать Сенарг никогда не умел, а ей – и не желал.

– А ты? – затаила дыхание королева.

– Теперь рядом, – коротко сказал волк и смолк, ожидая приговора.

Она склонилась, обхватила руками его голову, прижалась лицом к волосам, пахнувшим какими-то горьковатыми цветами, и всхлипнула, счастливо и виновато:

– У меня еще двое сыновей...

– Занта... – чувствуя, как стремительно тает застарелая острая сосулька, казалось навечно пронзившая сердце, выдохнул оборотень, – я рад, что они есть. И никогда никого не обижу и взглядом. А как они относятся к Раду?

– Недавно сказали, что собираются брать с него пример, и никто не желает становиться королем, – сквозь слезы засмеялась Зантария. – Так что придется тебе.

– Но это невозможно! – встревожился Сенарг. – Я ведь простой оборотень.

– Ты отец герцога Шаграйна, – шепнула она мягко, – и вожак по характеру, иначе пленники чернокнижников никогда бы не признали тебя своим главой. А о том, как написать указ, подумают Фанья с Годренсом. Незаконного мужа подданные мне не простят, и меня бы это даже на миг не взволновало, если бы не было сыновей. Они ведь не стерпят, будут вызывать на дуэль каждого злоязыкого сплетника.

– Из тебя получилась замечательная мать и настоящая королева... – признал Сенарг с легкой печалью, но договорить Зантария не дала.

– А теперь я собираюсь стать такой же хорошей женой, – заявила ему со смущенным смешком, – а ты постарайся стать справедливым королем. У тебя получится... а я так устала. А сейчас нам пора собираться, Анэри сказала, что магистры нашли главарей чернокнижников, и я хочу посмотреть этим нелюдям в глаза.

Но прежде чем встать, крепче прижала к груди припорошенную сединой голову любимого и осыпала ее торопливыми поцелуями. Оборотень вмиг забыл, куда она там собиралась, притянул ее к себе, перехватил инициативу... и опомнился лишь через несколько минут, услышав робкий стук в дверь и обнаружив любимую женщину лежащей рядом на ковре.

– Солнышко, а может, не стоит тебе смотреть на каких-то негодяев? Останемся тут, – с надеждой пошутил Сенарг, вглядываясь в раскрасневшееся лицо любимой.

– Нельзя, – охнув, покраснела она еще жарче, поспешно отодвигаясь и оправляя платье. – Я быстро.

Вскочила и сбежала в спальню.

– В любом другом случае я бы ни за что не согласился, – неохотно поднимаясь, с ласковой усмешкой проворчал оборотень ей вслед. – Но к этим гадам у меня тоже есть свой счет.

Фанья в нерешительности поглядывала в сторону двери, раздумывая, не слишком ли глупо и жестоко стучать еще раз, но тут створки распахнулись, и появился Сенарг. Возле него, уверенно положив затянутую в перчатку руку на предупредительно согнутый локоть, стояла королева, и ее лицо выражало непоколебимую убежденность в своей правоте.

По твердо сжатым губам вожака скользила почти незаметная дерзкая усмешка, но внимательная тихоня рассмотрела в ней и долю изумления, и отблеск шальной, по-юношески счастливой улыбки.

– Все ждут в нижнем зале, – предупредила она подругу, но тут в углу соткалось туманное зеркало, и оттуда шагнул Годренс.

– Я счастлив за ваше величество, – окинув внимательным взглядом представшую ему пару, с чувством сообщил дроу, и старательно удерживаемая королевой маска невозмутимости тут же осыпалась, явив всем лик безумно счастливой женщины.

– Спасибо, Год, за все. Если бы не ты...

– Ваше величество, – встревожился дроу, – плакать теперь не о чем!

– Она больше не будет, – крепче прижав к себе локтем руку любимой, твердо пообещал Сенарг.

– Вот налетят на нее девочки, – с доброй насмешкой предупредила Фанья, – тогда посмотрим.

И девочки действительно налетели. Вместе с ведьмами и магинями кадетки обнимали и поздравляли королеву бурно, как подружку, радуясь так искренне, что оборотень снова слегка растерялся. Особенно после того как к подругам присоединились их мужья и магистры, ожидавшие знака открыть портал.

Зантария покраснела и расцвела, и только теперь, досадуя на собственную недогадливость, Сенарг полностью осознал, как нужна ей была искренняя поддержка людей, которых она считала друзьями и кому доверяла.

Последними подошли двое стройных юношей, и королева вмиг напряглась, неосознанно почти до боли стиснув локоть первого мужа.

– Ваше величество... – хриловато начал младший, и Зантария тотчас ринулась к принцам отчаянной птицей, закрывающей птенцов от стаи хищников.

– Это мои сыновья. – Обняв их высочеств, мать гордо выпрямилась между ними, с затаенной мольбой и тревогой ожидая ответа любимого.

– Наши сыновья, – нежно улыбнулся ей Сенарг и перевел взгляд на побледневшие лица парнишек и их неуступчиво сжатые губы. – Я оборотень, а у нас все дети в семье считаются общими. Но не волнуйтесь, занимать в ваших сердцах место родного отца я не собираюсь, это невозможно и никому не нужно. И обещаю сделать для вас все то, чего хотел бы, но не успел он.

Принцы настороженно хмурились, не зная пока, насколько можно верить этим обещаниям и нужен ли им теперь вообще какой-то отец, но блеснувший сбоку отсвет открывшегося портала отвлек внимание присутствующих.

– Чуть не опоздали, – с преувеличенным возмущением рыкнул появившийся в зале дракон, и королева тотчас напряглась, подалась в ту сторону.

Рассмотрела стоящую рядом с Иридосом такую знакомую гибкую фигуру, затянутую в темно-зеленую замшу парадного костюма, и облегченно всхлипнула, роняя из вмиг ослабевших пальцев смятый платочек.

– Поздравляю, ваше величество, – тотчас оказался рядом с ней Дирард, втиснул в руки матери букет ее любимых белых фрезий и заговорщицки подмигнул Альреду: – Как он тебе? Сейчас проверим на деле, стоит ли он моего кинжала вожака.

– Ты вожак? – восхищенно заблестели глаза младшего, и он тут же забеспокоился: – Но ведь не отдашь ему?

– Видишь ли, раньше этот пояс принадлежал ему, – доверительно сообщил Рад. – Я взял только потому, что считал его погибшим. Но теперь он станет королем, а король не должен никому подчиняться. Поэтому кинжал должен вернуться к хозяину. Но сначала я собираюсь его немного погонять... пусть покажет свои умения.

Королева, хорошо помнившая слова ведьмы про незажившие шрамы, встревоженно оглянулась, ища глазами Анэри, но та уже была рядом и успокаивающе гладила похолодевшую руку.

– В коконе все раны заживают намного быстрее, – шепнула еле слышно. – А Ир присмотрит.

Зантария благодарно кивнула, она и сама об этом слышала. И перенесла все внимание на мужа и сына, с новым изумлением и восторгом рассматривая стоящих в центре круга зверей.

Черногривый волк был очень крупным, широким в груди и холке, хотя и поджарым. Но белый барс был все же выше, и хотя не так матер, зато более гибок и изящен. И точно знал свои преимущества, потому и нанес удар первым. Легко взвился в длинном прыжке, сшиб волка со своего пути и взлетел на перила балкончика, предназначавшегося для музыкантов, судя по спинкам виднеющихся в глубине стульев. Волк возмущенно рыкнул и темной тенью ринулся к нему, но барс легко стек на карниз и побрел по неширокой полоске серого камня, насмешливо оглядывая затаивших дыхание зрителей, и отлично зная, что все они видят совершенно разные вещи.

Лишенные дара люди – настоящих диких зверей, с блестящей шерстью и когтистыми лапами. Ведьмы и оборотни – смутные очертания человеческих тел, окруженных плотным туманным облаком силы, принявшей облик зверя. Ну а маги, как объяснил ему Иридос, видят самую верную картину: облитые ярким сиянием магии четкие мужские фигуры. И самые сильные из них иногда могут различить даже выражения лиц оборотней, не говоря о

крепости защиты, плотности кокона и его особых возможностях.

Ведь чем дольше маг с даром оборотня тренирует свои умения, тем лучше ему удаются прыжки, увороты и различные кульбиты, потому-то старые оборотни так легко побеждают в одиночных схватках.

Но сегодня соперники были почти в равных условиях. Хотя барс и мог благодаря другу в последние десять лет постоянно тренироваться, зато его движения сковывали бинт и воздушный жилет, который Иридос категорически отказался снимать, обсуждая план передачи кинжала.

А волк, бывший когда-то очень сильным и умелым бойцом, много лет из-за ошейника не имел возможности полностью уйти в кокон, и его тело за это время подзабыло отточенные приемы. Поэтому он бежал неспешной трусцой, постепенно восстанавливая память и присматриваясь к поведению барса. Хотя поединок условный и результат известен всем, ни один маг не устоит перед соблазном потянуть удовольствие как можно дольше.

Внезапно волк приостановился, на миг прильнул к ступеням и стремительно метнулся через перила с высоты в полтора человеческих роста, намереваясь сбить барса с карниза.

Толпа разом отступила, отхлынула, давая дорогу метнувшемуся в их сторону белому зверю; ахнула и побледнела королева, взвизгнула Кателла. Но барс, белой молнией взлетев по второму рукаву лестницы, уже снова был наверху и грациозно шел по перилам галереи к широкой балке, на которой висели шары с ведьминым мхом.

– Рад! – испуганно вскрикнула королева, прижимая к губам платочек.

Предупреждающе рыкнул волк, начиная понимать, как права его жена, тревожась за отчаянного сына.

А тот уже свернул кокон и беспечно сидел на балке, покачивая одной ногой в щегольском сапожке и невозмутимо снимая с талии серебряный пояс.

– Держи, оборотень, да больше не теряй! – помахав блеснувшим камнями артефактом, с насмешкой окликнул непобежденный ведьмак метнувшегося вниз волка и швырнул тому кинжал вожака.

– Шутник, – стремительно сбрасывая кокон, сердито прошипел Сенарг, но подхватить артефакт все же успел.

Бережно подержал в руках, узнавая каждый завиток и камень ножен и рукояти, рассматривая и изучая появившиеся новые украшения и кристаллы, и наконец, бережно коснувшись лезвия губами, защелкнул пояс на торсе.

Глянул наверх, намереваясь сказать сыну положенные по ритуалу слова благодарности, но на балке уже никого не было. Лишь трое из

присутствующих – и среди них стоявшая в тени колонны сирена – успели заметить, как стремительно тайный советник перелетел из-под потолка прямо к магистру Иридосу. И только Тэри, не обращавшая внимания ни на кого другого, отлично рассмотрела, как к нему тут же скользнула стоящая рядом с мужем ведьмочка. А через миг рядом с ними возникла озабоченно хмурая темноволосая целительница.

– Поздравляю нового вожака двух стай, – выступив вперед и загоразживая развевающейся мантией магистра оставшихся за его спиной женщин и оборотня, громко объявил дракон, разом приковывая к себе внимание присутствующих, – и хочу сообщить о желании герцога Дирарда Шаграйна передать свой фамильный замок оборотням. Однако плато магов, обсудив это решение, сочло его неверным. Оборотни не любят богатых дворцов, просторных залов и роскошных гостиных, им по нраву небольшие уютные домики, где будет жить только одна, их собственная семья. И поэтому плато намерено построить такие дома для бывших рабов там, где кому захочется. В Зеленодоле, Архане или здесь, на Идрийсе. Мы изучили карту полуострова и считаем долинку, расположенную ниже ущелья, над которым стоит Элайн, самым подходящим местом.

– И это мнение поддерживает Святая Тишина, – негромко, но веско добавила матушка Тмирна, неизвестно когда вернувшаяся в зал. – Там хорошая охота, рыбалка и, кроме того, довольно близко источник. Ну и древни, имеющие намерение присмотреть за спасенными.

– А теперь вам пора в королевский дворец, все уже собрались, – деловито произнес Вирденс и кивнул телепортистам, успевшим проложить сюда надежный магический путь.

Повинуясь незаметной подсказке Годренса, королева чуть подтолкнула мужа, и они первыми важно вступили в светящийся овал. Выждав секунду, за ними дружно последовали фрейлины со спутниками, настоятельница монастыря, ведьмы, магистры и охрана. Тэри уходила одной из последних, с досадой обнаружив, что в быстро пустеющем зале уже нет ни разбойника, ни темноволосой магини. Исчезли и Иридос с женой.

Глава двадцать восьмая

Об особенностях живых бинтов и страшных делах чернокнижников

– Скорей, – прошипел оборотень, разглядел несчастное лицо магини и смолк, накрепко стиснув зубы.

– Никогда такого не было... – Старший магистр, одна из лучших целительниц плато, едва не плакала, обильно поливая густым, золотистым сиропом розовую опухоль, обвивавшую шею и верхнюю часть плеч пациента. – Хотя это средство и новое, но мы испытали на оборотнях, и рабов из лаборатории тоже лечили очень успешно.

– Он не оборотень, сколько повторять, – хмуро буркнула Анэри, осторожно подцепила краешек опухоли и потянула ее вверх. – Давай сюда. А ничего посильнее нет?

– Да мы специально кормили его этим сиропом, достаточно пары капель, чтобы слез с любой раны. – Гайлена была совершенно обезоружена подобным поведением испытанного создания и не могла понять, как действовать в такой необычной обстановке.

– Принес, – выпрыгнул из портала Иридос и скомандовал: – Сворачивай кокон потуже и надевай этот браслет. Я могу и ошибаться, но, скорее всего, пропуская через себя энергию, ты делаешь ее необычайно привлекательной для всего живого. Разумные существа этого не чувствуют, а вот такая пиявка сразу поняла, на какой пирог попала.

– Сначала все было хорошо, – проскрипел сквозь зубы ведьмак, – но как только выпустил кокон...

– Помолчи, не рви женщинам сердце, – буркнул дракон, с жалостью поглядывая на бледную, несчастную Гайлену.

Всем истинным целителям такие вот ошибки приносят почти настоящую боль и невероятные муки совести.

– Пошел, – прошептала ведьмочка, заглянула Раду в лицо, участливо осведомилась: – Когда я тяну, очень больно?

– Уже все равно, – отмахнулся он, – лишь бы побыстрей.

Словно поняв его слова, бинт вдруг поднялся шапкой, свернулся в клубок и скользнул в подставленную Гайленой посудину.

– Может, я ошибаюсь, – виновато пробормотала магиня, – но он стал больше раз в пять.

– Отъелся, – съязвил Дирард и покосился на Анэри, которой теперь доверял больше, чем остальным целителям: – Ну что там?

– Ты знаешь, стало намного лучше, – сообщила она и осторожно провела пальчиком по самому краю молодой кожи, снимая капельку сиропа. – Так больно?

– Приятно и еще очень чешется.

– Похоже, общение с бинтом пошло на пользу вам обоим, – облегченно хихикнул дракон и притворно рыкнул: – А чесать спинку моя жена имеет право только мне.

– Я и не требую! Но помазать чем-то можно? И смойте с меня варенье.

Однако Иридос уже и сам обтер его теплым и влажным облачком, обдал легким ветерком и накинул воздушный жилет.

– Одевайся побыстрее, а то тебя потеряют. Лангорис обещал отвлечь на несколько минут, но слишком долго даже он не сможет обманывать твою мать и сирену.

– Ты опять?

– А я при чем? Анэри пусть скажет. Она с тебя взгляда не свела, как только мы вошли, и когда ты подал знак, что поединок пошел не по плану, только она рассмотрела, кто и куда тебя забрал.

– Оставь его, Ир, – нежно глянула на мужа ведьмочка, – лучше не вмешиваться.

– Я сам такой же был, – вздохнул дракон и на миг утонул в ее всепонимающих глазах.

– Кто-то говорил, что мы опаздываем? – едко осведомился Рад и через миг уже стоял на галерее огромного парадного королевского зала, вглядываясь в заполнившую его многоликую толпу.

Маги соорудили для публики несколько ярусов временных скамей, воронкой поднимающихся вверх, и самые знатные и богатые господа важно рассаживались на первом ряду, не догадываясь, как прогадают. В туманный обзорный шар магов лучше всего было смотреть сверху, поэтому королеву с приближенными маги усадили на просторной средней площадке парадной лестницы, в том месте, где она делится на два рукава. И сами устроились рядом.

Зантария пока не заметила старшего сына и бегло оглядывала публику, прикрывшись маленьким перламутровым веером. Дирард не жалел, что прозевал торжественный выход королевской четы, хотя ему было интересно, кем представили народу сидящего рядом с ее величеством Сенарга. Но теперь это было уже не важно. Больше всего его сейчас волновало, как воспримет мать принятое магистрами на последнем совете

решение и невозможность самому объяснить королеве всю его выгоду.

– Позади тебя кресло, – небрежно буркнул Иридос, подумал и пояснил: – Воздушное.

– Спасибо, – кивнул Рад. – Скоро начнется? Мне хотелось бы поговорить с ее величеством.

– После первой части сделаем передышку, люди должны успокоиться и немного прийти в себя, – пояснил Иридос и помахал рукой. – Помаши и ты, она тебя заметила.

– При всех, додумался тоже! – зашипел Рад.

– Я, по-твоему, маг или кто? Публика нас не замечает, как и большую часть магистров. Нельзя же испугать людей прежде, чем мы покажем им по-настоящему страшные вещи.

Рад усмехнулся, услышав это объяснение, похоже, его самого маги плато теперь к людям не относили, забыв спросить, кем считает себя он сам. Помахал приветливо матери, рассмотрел, как оживились Альред с Бэри, и поманил их к себе. Через миг принцы уже мчались по лестнице, соревнуясь, кто успеет первым.

– Мальчишки, – фыркнул дракон, но кресла для их высочеств все же создал.

– Никогда не смотрел комедьянтов с галерки, – деловито сообщил Бэри, перевешиваясь через перила и озирая публику. – А народу сколько! Зачем они нужны?

– Чтобы могли рассказать всем знакомым, что все видели своими глазами, – пояснил дракон, сцапал принца воздушной лианой и сунул в кресло. – А смотреть мы будем не лицедеев, а реальные события, и отсюда будет видно лучше всего. Тсс. Смотрите.

В центре зала вырос мягкий и светлый, словно ворох пуха, и громадный, как стог сена, туманный шар, понемногу обрел прозрачность и глубину, и перед зрителями встали ржавые зубцы крепости Агезо.

– Два года назад остатки выбитой из Каррита армии герцога Донгерского захватили крепость Агезо и жестоко расправились со всеми жителями, – звучал над разворачивающейся картиной печальный, усталый женский голос. Вроде и негромкий, он проникал в сознание каждого, почти сразу безраздельно завладев помыслами и чувствами и заставив знатных господ забыть про привычку переговариваться во время выступлений, делиться мнениями и обсуждать наряды и драгоценности. – Многие внимательные и вдумчивые люди задавались тогда вопросом, ради чего мятежники, которым нужны были лишь корабли, так жестоко расправились с мирным населением. И только теперь мы знаем ответ на этот вопрос.

Большинство мятежников никогда не восставали против королевы Зантарии Селваронской, они были под действием зелья повиновения. Кучка черных алхимиков, решившая захватить Идрийс, подчинила себе герцога Донгерского и его друзей, а потом его охрану и наемников. Страшно представить, что творилось в душах этих людей, когда они совершали жестокие деяния, на которые никогда бы не пошли по доброй воле. В тот раз вам повезло, ваша королева оказалась мудрой, предусмотрительной и после необъяснимо нелепой гибели короля отважилась пригласить сильного мага. С его помощью удалось подавить Карритский мятеж, но всем было ясно, что негодяи не отступятся, пока не захватят власть в свои руки.

Шар постепенно разбух, придвинулся к рядам, и теперь каждый остался почти наедине с разворачивающимися там жуткими событиями. Рассыпались башни вмиг обветшавшего замка в Шанреге, лезли из-под них огромные пауки и змеи, горело и взрывалось молниями небо над укрытым невидимым шатром королевском обозом, швырял флакон с негасимым огнем один из дружков княжича Галтено, как выяснилось позже, тоже напоенный зельем подчинения. И рушились стены старинного жилища дройских родичей Годренса. А потом гигантская волна сминала несокрушимую гномью сеть и, как щепки, крутила в своих безжалостных лапах хрупкие женские тела.

– После последних, особо мощных и подлых нападений придворный маг, опасаясь не только за жизни доверявших ему особ, но и за собственную семью, попросил помощи у своих учителей. С той минуты мы неустанно проверяем города и села, выискивая и вычищая насажденное чернокнижниками зло. Те, кто был подчинен чужой воле, уже точно знают, что больше половины глав самых знатных и уважаемых домов и наделенных властью королевских чиновников жили под принуждением, не имея никакого способа избежать уготованной им участи и отлично это понимая.

В шаре появился освещенный солнечными лучами зал, сидящие за столами новые бунтари, Сарлит Галтено, с ужасом в глазах бросающий кодовое слово. И толпа магов, сосредоточенно закрывавших людей от грозящей им смертельной опасности. Все это сопровождалось подробными и ясными пояснениями, а потом гостям рассказали о захваченных поселках гномов и мощных подземных лабораториях, в которых без отдыха работали приговоренные к пожизненному рабству люди, оборотни, охранники, чересчур честные и смелые чиновники и даже титулованные особы. Рассказывала магиня и о пытках и издевательствах, которым они там

подвергались, а в шаре плыла череда мрачных пещер, опасные мостки и ветхие подъемники и убогие, нищенские каморки, где жили несчастные.

В зале стояла невероятная для такого количества людей тишина, казалось, публика даже дышать перестала, потрясенная величиной навалившейся на их страну беды. Только теперь многие начали отчетливо понимать, что отсидеться во дворцах и имениях не удалось бы никому, через несколько лет все они были бы такими же рабами, покорно исполнявшими прихоти новых правителей.

– Мы выбирали подчиненных и увозили в монастыри и лазареты, где с них снимали проклятие и помогали пережить первую вспышку отчаяния, которой обязательно сопровождается возвращение в мир свободных людей. И одновременно постоянно искали черных пауков, державших в лапах опутавшую страну сеть. И мы их нашли. И хотя чернокнижников не так много, около двух десятков, все они за последние сорок лет успели обзавестись на Идрийсе имениями и роскошными дворцами, жениться на дочерях состоятельных и знатных людей или выйти за них замуж и спокойно наслаждались жизнью. Причем большинство предпочитало южное побережье, закрывая высокими стенами свои владения от любопытных глаз и бдительных королевских егерей. Вот они.

Зал и вовсе затаил дыхание, наблюдая за чередой проходящих перед ними людей. Многие из них были почти всем знакомы, но встречались и лица, которых никто до сих пор не знал и никогда не видел. Но на всех было выражение бессильной ярости, а в глазах горела ненависть и жажда убивать. Они говорили страшные вещи, признавались в убийствах и принуждениях, подкупках и насилии.

Рад давно все это если не знал точно, то подозревал, но и ему было не по себе, а сидевшие рядом принцы постепенно стали бледными как мел.

– Я давно купил в Ардаге имение, – обняв братьев за плечи, притянул их к себе старший, – а Годренс все время держал наготове порталные пирамидки. Мы были готовы увести вас туда в любой момент.

– Спасибо... – от души выдохнул младший и снова устался в шар, а Альред молча пожал руку брата, только теперь до конца осознав, сколько тот сделал для них за эти годы и какую тяжесть молча нес на своих плечах.

– Вы всегда были мне родными, – тихо признался ведьмак. – Мать приносила вас, совсем маленьких, на свидания со мной, и я играл с вами, учил ходить и разговаривать.

– Рад... – на миг оглянулся Бэри, – а где ты жил?

– Сначала с родителями Фаньи в их имении, затем ушел в Ардаг. А потом здесь, в Карстаде. Но давай поговорим об этом позже?

Но Бэри и сам уже смолк, замороженный происходящими в шаре событиями.

Там брели по темным тоннелям изможденные, оборванные люди, женщины, калеки, худые, серьезные малыши с не по-детски серьезными глазами. Жадно ели какую-то жидкую похлебку, робко брали в руки кусочки простых лепешек и прежде, чем откусить, долго с восхищением нюхали. Многие женщины в зале уже всхлипывали, мужчины мрачно стискивали зубы.

Внезапно встало перед взорами озадаченных гостей мощное здание столичного гномьего банка и все рассмотрели вереницу крепких мужчин, равнодушно таскавших в повозки крепкие, опечатанные мешки.

– Захватив гномов, чернокнижники получили доступ к их банку и первым делом вывезли оттуда все золото, – тихо и печально пояснял раздающийся под куполом голос. – В последние годы ваши деньги существуют только на страницах гномьих книг. Но мы нашли, где чернокнижники хранят награбленное, и сейчас, одновременно с захватом главарей, отряды магов снимают ловушки и проклятия, которыми алхимики защитили тайные хранилища.

Вот теперь Дирард следил, не отводя взгляда: эту операцию проводили самые сильные магистры плато, не взяв с собой даже Иридоса. Зато взяли изобретенных им воздушных многоруков, специально выдав им приказ непрерывно выращивать новые конечности вместо утерянных.

Казавшиеся гигантскими пауками на фоне мрачных стен старинного каземата, выкупленного одним из преданных слуг чернокнижников, создания Иридоса сновали стремительными тенями, собирая в странные лукошки всевозможную гадость, градом сыпавшуюся со стен и галерей.

– А оно у них не вырвется? – Как выяснилось, этот вопрос волновал и принцев, довольно быстро разобравшихся в происходящем.

– У них в лапах порталы, – пояснил Иридос. – Все зелья, амулеты, проклятия и зачарованные существа сразу оказываются в кратере Дельхар, на самой восточной окраине материка. Энергии тратится просто море, зато там мгновенно плавится даже гномья сталь. А некоторые амулеты сделаны именно из нее. Ну и кроме того, туда нет никаких дорог, на несколько сот лиг вокруг – лишь непроходимые болота и горячие серные ключи.

Многоруки тем временем добрались до верха, и самые огромные начали срывать с входов в лабиринт замки, иногда вместе с дверями. Но в узких коридорах верхнего этажа осаждающих уже ждали необычные защитники. Несколько кикимор швырялись зельями, за ними последовали толпы огромных, неизвестно чем раскормленных выпней, плевавших

кислотой и ядом. Потом пришла очередь огромных каменных големов, с неожиданной ловкостью швыряющих бутылки с жидким огнем и булыжники. Руки у воздушных созданий отгорали пучками, но они, бережно пряча подальше порталы, тотчас отращивали новые. Наконец заготовленные камни у големов закончились, и они, ни грана не сомневаясь, начали разбирать стены и кровлю. Но тут пришла очередь многоруков достать свое оружие. Ловко запущенные снаряды разбивались на глянцевой поверхности каменных болванов, осыпаясь седой пылью, и вскоре на их мощных телах и бревнообразных конечностях появились и начали разрастаться некрасивые язвы.

– Страшное заклинание, – вздохнул Дирард. – Надеюсь, там нет никого живого?

– Менталы прослушали не раз, если и есть, то только скальники или каменные оборотни. Хотя взять их тут неоткуда, но зло, как вы видите, очень изобретательно и упорно старается сохранить ворованное золото.

Однако если скальники и были, то ждать, пока их засыпят все множасьи струйки песка, они не стали. И когда старинная темница, осев, рассыпалась мягкой пыльной кучей, из-под нее не выбралась больше ни одна тварь.

– И как теперь достать оттуда золото? – волновался хозяйственный Бэри.

– Есть маги, которым отзываются любые металлы, – усмехнулся Иридос. – И если золото там есть, то оно само выползет на зов.

– А нельзя было сначала его позвать? – сразу поймал неувязку Рад.

– Можно, – честно кивнул дракон и лукаво вздохнул: – Но тогда было бы не так интересно наблюдать за боем.

Однако, как вскоре выяснилось, чернокнижники все же провели магистров. Из-под завалов выползли несколько больших статуй, покрытых полуоблезшей позолотой, и кучка сравнительно дешевых предметов – рамок, решеток, крышек от сундуков и прочей рухляди, обитой тонкими полосками золота или просто скрепленных золотыми цепочками.

Полновесных новеньких золотых, хранившихся в подвалах гномьего банка, и в помине не было. Ни одного, не говоря уже о нескольких тысячах ящичков и кожаных мешков.

Зрители, и без того забывшие, как дышать, теперь и вовсе обмерли, пытаясь понять, насколько они стали беднее и нет ли у магов хоть какого-то способа спасти их состояния, как недавно спасли их самих.

Разумеется, не все и не сразу дошло до всех одинаково, и сначала начали раздаваться робкие вопросы, потом кто-то истерично зарыдал,

а после разразилась настоящая буря. Люди ругались, спорили, стонали и огорошенно молчали, ожидая пояснения магов.

Шар иллюзиона тем временем незаметно угас, и на его месте появилась кафедра, за которой стоял немолодой маг в золотистой мантии старшего магистра.

– Не убивайтесь раньше времени, – произнес он веско, и усиленный магией голос донесся до каждого. – Раз мы взялись вам помогать, то обязательно доведем дело до конца. Сведения о том, что золото хранится в этом каземате, мы получили от преданных слуг и охранников чернокнижников, но, как теперь стало ясно, до конца главари не доверяли никому. Или специально сообщили им заведомую ложь, чтобы разорить вас окончательно. Ведь без сильных зелий и амулетов взять эту крепость не смог бы никто, а покупать их вы могли только у тех же черных алхимиков, отдавая последние сбережения из семейных сокровищниц и фамильные драгоценности. Сейчас мы проверим запасные варианты и допросим арестованных, а вы можете пока перекусить и немного отдохнуть. Думаю, через час-полтора у нас будет чем вас порадовать.

Маг исчез так же внезапно, как и появился, и публика зашевелилась. Волнения лишили аппетита лишь немногих, у остальных, наоборот, его вызвали. Да и запахи, которые легкий сквознячок принес в распахнувшиеся двери, оказались очень заманчивыми.

– Идем к королеве, – отвернувшись от гостей, предложил Иридос, но его жена вдруг томно надула губки:

– Почему мы должны ходить по лестницам? Не проще сразу перейти в королевскую столовую? Мне не хочется встречаться с гостями королевы, они начнут рассматривать нас, как диковинных зверушек.

– Как хочешь, милая, – не стал спорить дракон, догадываясь, что его любимая снова что-то задумала, – идем порталом. А вы?

– Я тоже хочу, – заторопился Бэрден, всегда точно угадывавший самое интересное место.

– Тогда и я, – оглянулся на старшего Альред.

– А я тут посижу... или поздороваюсь со знакомыми, – отказался тот.

Говорить, что ему больше всего хочется сбежать в свою комнату и выпустить наконец наружу кокон, чтобы исчез зуд в заживающих шрамах, ведьмак не собирался никому.

Иридос молча сцапал всех излюбленной воздушной плетью и исчез, как обычно, мгновенно и незаметно. Но неподалеку испуганно ахнули поднимающиеся по лестнице дамы, и Рад пожалел, что не ушел вместе с новым другом. Теперь, когда напрямик к нему направлялась стайка

встревоженных придворных прелестниц, пришлось оставаться на месте, иначе слух о похищении принцев мгновенно поползет по дворцу.

– Ваша светлость, – взволнованно зашебетала маркиза Зелано, счастливая мать двух кукольно-кудрявых блондинок, смотревших на Шаграйна во все глаза, и он в который раз подосадовал на мать, поспешившую присвоить ему титул.

Ну да, момент был как раз подходящий, потому он и не спорил. Но никак не предполагал, что внезапно объявится отец и станет герцогом Шаграйном-старшим. Хотя и это довольно удачно... кроме одной неприятной тонкости: сам Рад после объявления о помолвке – или кем они там представили Сенарга – моментально превратился из презренного любовника королевы в самого завидного жениха Тальзии. И, разумеется, все незамужние девицы и их бдительные мамы вмиг это просчитали.

– Добрый день, ваша светлость, – с легкой усмешкой приветствовал маркизу Рад. – Погода прекрасная, не находите?

– Да, погода порадовала, – мило улыбнулась она. – Но мы видели рядом с вами принцев. И вдруг их не стало.

– Рядом со мной были не только принцы, но и глава одного из старших домов Дройвии, – с легким холодком сообщил свежее испеченный герцог. – А они все привыкли пользоваться порталами. Вот я и попросил его увести их высочеств в королевскую столовую, они проголодались.

– Ах, а мне сейчас не до еды... все наши капиталы, приданое девочек... все лежало в гномьем банке. Ведь он считался таким надежным!

– А разве это вина гномов, что их обманули, заперли в пещерах, да еще и обокрали? – Рад с почти откровенной едкой насмешкой смотрел на хорошеньких сестер и пытался просчитать, сколько еще колкостей придется им сказать, чтобы юные маркизы сбежали кушать пирожные? Ведь явно не по собственной инициативе полезли они на галерею?

– Нам трудно судить, – сделала несчастное лицо матушка куколок, – но если маги не найдут золото, моим детям придется идти во фрейлины.

«А разве их туда кто-нибудь звал?» – хотел было съязвить Дирард, но душу вдруг обожгло острой тревогой. Маленький медальон, сделанный из серебряной монетки и мягко гревший сердце теплом, неназойливо сообщая, что Тэри где-то неподалеку, вдруг резко остыл, ужалив молодую кожу шрамов ледяным холодом.

– Извините, у меня срочное дело... – Шаграйн еще цедил эти слова, а ноги уже привычно несли его к Годренсу.

За последние годы у тайного советника выработалась стойкая привычка с любой трудностью мчаться к дроу. И только пробежав

несколько шагов, Рад вспомнил про выданный ему Иридосом порталный браслет и коробочку с накопителями.

На миг приостановился, представил гостиные, где сейчас должны были отдыхать приближенные матери, и с досадой фыркнул. Вряд ли они так и сидят все вместе, наверняка разошлись по собственным спальням.

Что-то многодневное сидение в темном карцере не прибавило ему сообразительности. Хотя он больше ведьмак, чем оборотень. А отцу и его стае в подземельях приходилось намного тяжелее. Даже непонятно, как он смог прожить там столько лет, не сойти с ума и не сломаться, а еще находить в себе силы бороться и помогать другим? Права была мать, называя первого мужа необыкновенным, и не зря так безраздельно в него верила.

Глава двадцать девятая

О портальном браслете Дунвара и прелести катания на шаргах

Тэри в свои покои не пошла, и есть ей не хотелось. Тянуло душу робкое желание расспросить Анэри: ведьмочка наверняка знала, почему разбойник так резко передумал драться с отцом. Но подходить к новой подруге, когда они сидят все вместе, да еще и с принцами, ее светлость не захотела.

И вовсе не из стеснительности. После возвращения из убежища древней Тэрлина стала другой и сама отчетливо это понимала. Нет, желание смеяться, восхищаться красотой закатов и взлетать на качелях так высоко, что пропадало все, кроме неба, никуда не исчезло.

Но куда-то улетучились смущение и неловкость, прежде охватывавшие девушку под заинтересованными взглядами молодых и не очень мужчин. Ее больше не пугали их слишком наглые взоры и не обижали ехидные замечания и усмешки. Они ведь совершенно чужие и неинтересные ей люди, пусть живут как нравится и занимаются чем хочется. Тэри просто нет до них дела, отныне она сама будет выбирать, с кем разговаривать, обедать, танцевать и жить рядом, и больше никому не под силу подчинить ее или запугать, как было в той страшной пещере.

– Голос – тоже оружие, – пояснял ей цветок, – даже у самого обычного человека. Каждый сможет убедить другого, если захочет. Многие ораторы и лицедеи, слушая которых, толпы смеялись, рыдали и были готовы на все, развили в себе это умение упорным трудом и тренировками. А тебе никаких усилий прилагать не нужно, достаточно пожелать. Но этого я никогда бы не сказала, будь у тебя иной характер. Однако хочу предупредить: никогда не приказывай тем, кого любишь и кто тебе доверяет. Использовать дар слова можно только в крайнем случае.

Тэри тогда только усмехнулась – никогда в жизни у нее не возникало желания командовать, особенно разбойником. Не такой у нее нрав, она всегда предпочитала договариваться миром, даже в детстве, когда Карл делал из ее любимых кукол наездников для дворовой собаки.

Девушка обошла зал и поднялась на галерею по другой лестнице, не желая встречаться с разбойником взглядом. Неприятно было представить, как язвительно он усмехнется, заметив ее поблизости, хотя Тэри теперь

точно знала: это просто иголки, как у ежика, а под ними он мягкий и беззащитный.

Сирена брела в тени увивающих галерею праздничных гирлянд и вымпелов, делая вид, будто не замечает заинтересованных взглядов молодых маркизов и графов, и время от времени против воли поглядывала туда, где сидел ведьмак. Издали была хорошо видна наискосок перечертившая его висок белая полоса, и когда наставник решительно поднялся с кресла, Тэри заметила это сразу. И тут же поняла, что ни дракона с женой, ни принцев рядом с ним уже нет, и приостановилась, ожидая, в какую сторону он направится. Просто для того, чтобы не пойти навстречу. Но он никуда не двинулся, дождался спешивших к нему нарядных женщин и вступил в беседу, знакомо усмехаясь и поигрывая неизменной тростью.

Насколько минут сирена бездумно за ними наблюдала, потом неожиданно заметила очень заинтересованные взгляды проходящих мимо немолодых дам и сразу рассердилась на себя. Можно было не сомневаться, они отлично рассмотрели, как она исподтишка, словно ревнивая дурочка, подглядывает за советником. И теперь спешат преподнести свои выводы жадным до сплетен подругам. Уже к вечеру только ленивый не подхватит эту сплетню, а среди придворных дам, страдающих от недостатка новостей, таких нет.

Разумеется, саму Тэри это не заденет, но пересуды очень скоро дойдут до Карла, да и родители через несколько дней должны приехать в Карстад. И их обязательно ранит каждое нелепое и злое слово.

Ее светлость резко обернулась и решительно зашагала прочь, огорченно кусая губы и ругая себя за неосторожность. Ну почему она сразу не пошла в свои покои, как остальные? Ничего подобного не произошло бы. И вдруг Тэри отчаянно, едва ли не до слез, захотелось оказаться не в этом величественном и роскошном дворце со сверкающими безукоризненной чистотой стеклами и паркетом, а где-нибудь на лугу или лучше на высоком берегу реки, чтобы были простор, небо и мирное жужжание пчел.

Пальцы сами потянулись к браслету Дуна, благо она не сняла его и не бросила, а попросила Вирденса, чтобы пояснил, куда она попадет и как вернуться назад. Магистр немедленно покрутил камни, настраивая переход в несколько мест, где телепортисты плато уже установили надежные амулеты переноса.

Лукавая улыбка гуляла по губам девушки, пока она решала, куда бы прогуляться, затем палец уверенно крутнул зеленый камень.

Она не ошиблась в выборе, это Тэри поняла сразу, оказавшись на верхней площадке невысокой порталной башни. Здесь день уже шел на убыль, и стоящий неподалеку огромный дуб накрывал деревянное строение своей тенью, а легкий ветерок, веявший от поднимавшихся на горизонте заснеженных горных вершин, приносил прохладу. Внизу синела река, к которой вела едва заметная тропка, вьющаяся по полого спускающемуся берегу, между густыми зарослями незнакомых Тэрлине цветов и кустов. Тропка заканчивалась у дощатого причала, где сохли на жердях сети и колыхались на привязи три рыбацкие лодки.

– А ты смелая, – довольно пробасил Дун, высовываясь из люка, за которым начиналась узкая лестница. – Теперь выбирай, хочешь покататься на лодке или на тележке, запряженной шаргом? Нам Иридос подарил несколько штук.

– Мне, помнится, обещали домик, – задумалась сирена.

– Так вот он, внизу, – показал себе под ноги оборотень.

Тэри перегнулась через перила и обнаружила под башней желтую черепичную крышу аккуратного строения.

Дом и впрямь был маленьким, почти игрушечным, но это девушку ничуть не смущало. После того как она не один день спала в кучах мха и ела, держа на коленях миску, маркиза поняла, как мало ценит внешний лоск и роскошь. Особенно если вместо них есть вот такие горы, небо и плавная речка, серебрящаяся на перекатах.

– Ну, выбирай, – поторопил Дун. – Пока ты пьешь молоко с калачами, я запрягу шаргов или отнесу в лодку весла и покрывало.

– Наверное, лучше шаргов, – решила Тэри и вслед за шустро скатившимся вниз Дуном полезла по кованым ступенькам.

На первой же площадке весьма неудобная винтовая лестница превратилась в обычную, деревянную, с новенькими, светлыми, еще пахнущими смолой перилами. Еще здесь была дверь, и, заглянув в нее, Тэри обнаружила небольшую, уютную спальню с совсем крохотной умывальней.

Ниже, на первом этаже, где в распахнутое окно заглядывал усыпанный янтарными ягодами колючий крыжовенный куст, находилась довольно просторная, уютная кухня. На окнах висели светлые ситцевые занавеси, на обеденном столе у окна – вышитая льняная скатерть. И на ней стоял обещанный кувшин с молоком и лежали на блюде пышные, румяные калачи, присыпанные позолоченным жаром сахаром.

Просто невозможно оказалось пройти мимо и не попробовать калачик, и Тэри незаметно съела два, запивая густым, холодным молоком.

– Все готово, – прямо с улицы сообщил появившийся под окном Дун.

Он успел принарядиться в светлую рубаху и причесать буйную рыжеватую шевелюру. Даже серьгу в ухо продел, длинную, яркую, как у бродячих комедьянтов.

Усаживаясь в небольшую двуколку, в каких селяне умудряются перевозить всякую всячину, Тэри тихонько хихикала, представляя, как выглядит со стороны. Выезд на рынок провинциальной булочницы или шоколадницы, имеющей успешную лавку на центральной улице, не иначе.

В похожем на короб деревянном ящике топорщилась пышная охалка свежего сена, накрытого новеньким стеганым одеялом вместе с высокой задней спинкой и сиденьем. И по нему щедро разбросаны яркие ситцевые подушки.

Дун сел на переднюю скамеечку, легонько тронул повод, и умный шарг резво рванул по слабо накатанной тропе. Очень скоро и дом, и росший выше по склону сад остались позади, мелькнули слева желтые крыши каких-то строений и тоже скрылись за пышной зеленью кленовой рощицы. Вскоре Тэри поняла очень ясно, что Дун заранее продумал, куда везти гостью, если она решит сюда прийти. Хотя, похоже, в ее приходе оборотень ничуть не сомневался. И значит, все-таки не от доброты так старался, а имел к ней какой-то тайный интерес.

Но это открытие не помешало сирене наслаждаться прекрасным видом реки и роц, который открылся, едва повозка вылетела на вершину холма. Здесь было именно так, как любила Тэри: небо, облака, горы и упоительный запах полевых трав.

– Я хочу тут погулять, – объявила маркиза, но медведь неожиданно запротестовал:

– Немного позднее, как свернем за ту роцку, будет хорошая тропка. А тут все оборки на кустах ожины оставишь.

«Да и пусть», – хотелось сказать Тэри, но она смолчала, признавая разумность его довода. Через час возвращаться во дворец, и внимательные сплетницы сразу заметят малейший непорядок в наряде. И соломинки, и помятые оборки и даже крохотный лепесток, неведомо откуда залетевший в прическу.

Повозка быстро пролетела роцку, и Дун придержал шарга, давая гостье возможность полюбоваться новым живописным видом. И вдруг рыкнул на нее, приказав держаться крепче, и резко дернул повод. Вот теперь шарг мчался так, как не может ни один конь, распустив крылья и делая длинные скачки, от которых тележку болтало из стороны в сторону, изредка приподнимая над дорогой.

– Дун, что случилось? – закричала сирена, но он только яростнее дернул повод, словно от кого-то убегая.

Только теперь Тэри догадалась оглянуться и изумленно охнула, рассмотрев белоснежного зверя, догонявшего их огромными прыжками. Нехорошее подозрение возникло у кадетки почти мгновенно, очень быстро превратилось в уверенность, а потом и в досаду на собственную доверчивость.

– Дун! Немедленно останови или я спрыгну! – крикнула она медведю, сразу забыв о благодарности за прекрасную прогулку.

Он бросил поводья, сердито рывкнул и соскочил с тележки, на лету выпуская защитный кокон. Тэрлина ахнула от ужаса, до сих пор ей никогда не приходилось управлять шаргами, однако умное животное, сделав несколько шагов, опустило крылья и остановилось, а потом принялось спокойно объедать с ближайших кустов какие-то ягоды. В этот миг за спиной сирены раздался дружный яростный рык, и необычный скакун сразу перестал ее волновать. Девушка оглянулась и снова охнула, рассмотрев катающийся по траве клубок рыжевато-белого меха.

«Он же был ранен и еще не мог окончательно оправиться», – сразу вспомнилось ей, и этого оказалось достаточно, чтобы забыть про все предостережения матери древней.

– Стоять! – прозвенел над поляной отчаянный приказ, и все вокруг вмиг замерло.

Смолкли птички, перестал жевать недозрелые ягоды шарг, и даже ветерок как будто притих.

Звери несколько мгновений лежали, не отпуская друг друга из когтей, и тогда успокоившаяся Тэрлина тихо и устало велела:

– Уходи, Дун. Я на тебя сердита.

Но первым поднялся белый зверь, встряхнулся и побрел к коляске, не оглядываясь на друга. Тот полежал, обиженно фыркнул и уплелся в сторону поселка.

Барс добрался до коляски, вскочил на сено и лег, покорно положив голову на сиденье рядом с Тэри.

Он даже сам не ожидал, что так рассвирепеет, заметив, как яростно понукает целитель стаи быстрого скакуна, одного из немногих животных, кого оборотни не могут догнать. Хотя еще там, во дворце, уже знал, что порталный браслет всучил Тэри именно Дун.

Это сообщил Вирденс, к которому встревоженного ведьмака привел сердито сопящий Годренс.

– Я говорил, – бурчал дроу, торопливо шагая по коридорам верхнего

этажа, куда маги не допускали никого из гостей, – но ты же друзей не слушаешь! Да она почти святая, столько от тебя вытерпеть!

– Год!

– Я Год уже тридцать два года! – сердито скаламбурил придворный маг. – И двенадцать из них – твой друг! И никогда не желал тебе ничего плохого.

– При чем тут я?

– При том, – веско буркнул маг. – Ты думаешь, только тебе одному страшно за свою любимую? А ты знаешь, что я пережил, когда родственнички пытались удушить Дору? Но это не повод грубо оттолкнуть девушку и разбить ей сердце.

– Я обращался со всеми одинаково, – бросил в него последний довод ведьмак, и Годренс с готовностью закивал:

– И правильно делал, иначе обязательно были бы и обиды и зависть. Но то время прошло, теперь у всех кадеток есть любимые мужчины, кроме Октябрины, но она на тебя не покушается.

Рад стиснул зубы, не желая спорить, и не разговаривал, пока не добрался до комнатки, где склонился над большим шаром Вирденс.

– У нас везде стоят кристаллы наблюдения, – пояснил тот, – и можно посмотреть, кто чем занимался час назад или два. Вот Тэри, идет по галерее второго этажа, а это она стоит, рассматривая зал.

Дирард глядел на тонкую фигурку в темно-голубом платье и все яснее понимал, куда направлен ее взор, хотя в шаре этого и нельзя было видеть. Однако он слишком хорошо за эти годы изучил дворец, чтобы сразу не сообразить, что наблюдает девушка за ним самим. А она вдруг резко развернулась и пошла прочь. Но всего через несколько секунд, войдя в тень укромной ниши, подняла руку и торопливо нажала на камни portalного браслета.

И теперь ведьмак точно знал, какая именно картинка заставила Тэри бежать так поспешно.

– Вы можете выяснить, куда она ушла? – требовательно подступил он к Вирденсу, но маг смотрел как-то нерешительно:

– Видишь ли... если бы ее украли или принудили, это было бы одно дело, а Тэрлина ушла сама. Насколько мне известно, она не любит шумных компаний и балов, и это очень хорошо объясняется ее даром. Всех сирен всегда тянуло к морю и простору. А сегодня во дворце особенно многолюдно, и настроение у людей вовсе не праздничное, мне и самому хотелось бы немного отдохнуть. Не так легко магу, привыкшему в случае беды сразу бросаться окружающим на помощь, наблюдать за отчаянием и

горем этих людей. Ведь только единицы из присутствующих ничего и никого не потеряли за последние десять лет.

– Вирденс, – играя желваками, процедил ведьмак, – не прикидывайся несчастным пастушком. Просто постарайся немедленно найти, куда она ушла, и отправить меня туда. Если с нею...

Он скрипнул зубами, и магистр сдался:

– Я сам настраивал ей браслет, и там всего шесть выходов: замок Ульгер, Элайн, ее спальня в этом дворце, Беленгор и замок герцога Лаверно.

– А шестой?

– Шестой был сразу... браслет ей подарил кто-то из твоих сородичей из Арханы.

– Отправь меня туда.

– Я сам отведу, – кивнул Годренс, взял друга за руку и открыл хорошо знакомый путь.

Монетка на шее ведьмака начала греться, едва они оказались в порталльной башенке, и он облегченно вздохнул – интуиция не подвела. Или способность рассуждать? Во всяком случае, теперь Рад не сомневался, что неизвестным оборотнем не может быть никто, кроме Дуна, и собирался выдать кузену хорошую трепку.

– Где у тебя болит? – устав ждать, вздохнула Тэри и осторожно провела ладонью по белому меху.

– Уже нигде, – пробормотал он, сбрасывая кокон, и ее рука невольно легла ему на волосы.

Однако девушка не поспешила ее убрать, не дернулась и не покраснела. И даже лепетать извинения не стала, просто провела еще раз и вдруг заглянула за воротник:

– Шрамы еще видно...

– Они уже не болят, только чешутся, – сдаваясь, выдохнул ведьмак, отчетливо понимая, что в этот миг рухнули все, так тщательно продуманные им объяснения, выводы и планы.

И он почему-то был этому очень рад.

– Представляю, – сочувственно вздохнула Тэри и, осторожно просунув палец ему за ворот, легонько потерла еле ощутимые рубцы.

– Ты понимаешь, – разбойник спокойно расстегнул колет и рубаху, сдвинул их с плеч, открывая сирене доступ к розовой, тонкой коже с чуть заметными рубцами, и плутовато усмехнулся, – на какие действия толкаешь сейчас мужчину?

– Предложение святого союза? – лукаво улыбнувшись, сделала первую попытку угадать сирена, начиная бережно поглаживать рубцы подушечками пальцев.

– Сколько раз можно его предлагать? – притворно возмущился он, млея от удовольствия. – Я и так кланялся уже два раза.

– Когда был второй? – искренне изумилась девушка, пытаясь не представлять, как эти шрамы выглядели еще позавчера.

– Значит, один все же признаёшь, – довольно усмехнулся разбойник и чуть повернулся. – Чеши левее. Да посильнее, не бойся.

– Ладно, – пообещала Тэрлина и задумчиво вздохнула. – От одного не отказываюсь. А вот второго не помню.

– Первого. Неужели ты думаешь, что здоровые мужчины настолько наглы, чтобы выпрашивать у хорошеньких девушек мелкие монетки на миску супа? Это был залог, намек на свидание. Но теперь уже поздно о нем вспоминать, отныне ты подчиняешься строгим правилам. Жить будем в Элайне или в моем имении, и ходить в гости или королевский дворец ты можешь лишь со мной. Танцевать и сидеть рядом – тоже только со мной... улыбаться и чесать спинку – исключительно мне.

– И это все? – стараясь не рассмеяться, осведомилась Тэри.

– Нет... но позже я придумаю. И самое главное – никогда больше не смей меня ревновать!

– Хорошо, я согласна с твоими правилами, – кротко произнесла сирена. – Но с чего ты взял, что я ревную?

– Предупреждаю на всякий случай, – выкрутился разбойник. – И запомни: оборотни любимым не изменяют.

– Так то – любимым, – сразу услышала самое важное Тэрлина. – И кроме того, ты теперь ведьмак.

– А ведьмаки, тем более белые, – твердо заверил он, – никогда не предлагают союз нелюбимым.

Довольно выдохнул, наконец-то сказав главное, устроил голову поудобнее, крепко обняв ее колени и прильнув к ним щекой. И замер, блаженно щурясь и глубоко сожалея, что нельзя остаться здесь, вернуться в свой домик, над которым для удобства возвел порталную башню, и не уходить оттуда хотя бы месяц.

– Я тоже тебя очень люблю, – зажмурившись для храбрости, сообщила Тэрлина и нежно положила обе ладони на его шрамы. – И раз мы отныне везде ходим вместе, то завтра идем к моим родителям. Они не должны узнать о свадьбе дочери последними.

– Сегодня, – не согласился разбойник, поднял к ней лицо и потянулся

губами к губам: – Наклонись...

Но ждать не стал, стремительно обвил сирену рукой за шею, притянул к себе и поцеловал, сначала легко, почти невесомо, потом, убедившись, что она и не помышляет о сопротивлении, нежнее и откровеннее.

– Ладно, – воспользовавшись короткой передышкой, согласилась с его заявлением Тэри и тихо спросила: – Ты не собираешься возвращаться сегодня во дворец?

– Должен, – огорченно усмехнулся ведьмак, и невеста серьезно кивнула:

– Тогда идем.

Рад не успел сказать и слова, как залитый предзакатным солнцем склон исчез, сменившись роскошной обстановкой просторной гостиной.

– Это мои комнаты, – пояснила девушка. – Надеюсь, шарг не потеряется?

– Там в кустах сидело с пяток зрителей, – спокойно сдал сородичей разбойник, гибко поднялся с ковра, подхватил любимую на руки и нежно чмокнул в носик. – Иди умойся и поправь прическу, а я пока пошлю вестника Году, он ожидает меня в Архане на порталной башне. Пора идти в зал.

– Почему ты не попросишь у магов браслет? – Покорно сделав несколько шагов к двери, Тэри оглянулась. Заметила невеселый взгляд жениха и тотчас вернулась, требовательно заглянула в серые с желтизной глаза: – Рад! Ты о чем-то жалеешь?

– Нет, любимая, – стиснул он невесту в объятиях, искренне радуясь ее чуткости и честности, неумению хитрить и кокетничать. – Сейчас я думал о матери. Маги приняли решение, которое может ей не понравиться, и я собирался с ними поговорить, но не успел.

– А Фанья?

– Не знает.

– Не может быть, – уверенно заявила сирена. – Сегодня она о чем-то беседовала с матушкой Тмирной, а та дружит с магами плато. Ты же сам учил нас все замечать.

– Ты простишь меня когда-нибудь за все издевательства? – вдруг спросил разбойник, напряженно вглядываясь в ее глаза.

– Давно простила, – сиял ему навстречу неудержимым счастьем взгляд, которому невозможно было не поверить. – Неужели сомневаешься?

– Теперь – нет. Но лучше иди причесываться, иначе твои родители нас не дождутся.

Как могла Тэри уйти после этого заявления? Разумеется, она шагнула

вовсе не в сторону спальни и гардероба. И ни грана не пожалела, окончательно убедившись, что за насмешливой, колючей маской прячется невероятно нежный и чуткий мужчина.

Их затянувшийся поцелуй разорвало смущенное покашливание и ничуть не огорченный голос Года:

– Могли бы меня предупредить.

– Не могли, – огрызнулся ведьмак, нехотя отпуская любимую, и она тут же сбежала, пряча от Годренса порозовевшее от смущения лицо.

А когда всего через несколько минут вернулась умытая и идеально причесанная, друзья уже успели переговорить и ожидали ее, намереваясь отвести в гостиную к подругам.

– Подождешь меня там, – привычно распорядился Дирард. – Магистры собирают в королевском кабинете совет, я обязательно должен присутствовать.

– Нет, – выслушав его, кротко сообщила Тэри, – не могу. Я теперь везде хожу с тобой и сижу рядом.

– Тэри? – изумился Годренс, посмотрел на стиснувшего губы друга и осторожно осведомился: – Я чего-то не понимаю?

– Я дала клятву всюду ходить с Радом и сидеть только возле него, – приветливо улыбнувшись магу, твердо объявила сирена, посмотрела на озадаченно хмурящегося жениха и не выдержала, рассмеялась: – Мне матушка Тмирна передала приглашение для всех кадеток. И все их мужья там будут.

– А клятва? – не унимался Годренс.

– Я пошутила, – смиренно опустила взор сирена, но в этот раз дроу ей не поверил.

Однако выяснять больше ничего не стал, в конце концов, каждый строит свои отношения так, как кажется правильным именно ему.

Глава тридцатая, в которой королевство возвращает свое золото и получает выстрадавший мир, а Октябрина находит поклонника

В парадном королевском кабинете уже собрались все приглашенные, и кадетки были здесь, сидели рядом с мужьями и магами, обсуждая поиски исчезнувшего золота. И не сразу заметили, что Тэри идет не впереди, как обычно, и не рядом с магом, а под руку с разбойником, знакомо кривящим в дерзкой усмешке красивые губы.

Первой это рассмотрела Зантария, медленно поднялась с кресла и потрясенно застыла, прижав к губам дрожащие пальцы. Привычно следившая за ней Фанья резко обернулась, ища взглядом того, кто осмелился так расстроить королеву, и настороженно замерла, выжидая поглядывая на напарника.

Сенарг мгновенно заметил странную реакцию любимой, нахмурился, вцепился в рукоять кинжала и тоже обмер, рассмотрев собственного неуловимого сына.

А королева уже справилась с собой, выпрямилась и робко спросила, глядя на сирену:

– Тэри... скажи... я не ошибаюсь?

– Ваше величество все правильно угадала, – окинув острым взглядом ожидающе притихших кадеток, твердо произнес тайный советник. – Маркиза Тэрлина Дарве Ульгер ответила согласием на мое предложение.

– Как я счастлива, – с чувством произнесла Зантария, покидая свое место и решительно направляясь к сыну с невестой. – Ты не представляешь, Тэри, сколько я об этом мечтала!

Крепко обняла шагнувшую ей навстречу девушку и ободряюще ей улыбнулась:

– Возможно, с ним будет нелегко, но запомни, я всегда на твоей стороне.

– Спасибо, – кивнула сирена, исподтишка покосилась на жениха, рассмотрела хитрую усмешку и уверенно добавила: – Но возле Рада мне ничего не грозит. Поэтому я и дала клятву всегда быть рядом.

– Боюсь, я немного погорячился, – тихо буркнул ведьмак, но довольная

улыбка, лучиком скользнувшая по его губам, сказала чуткой матери совершенно другое, и она отступила, уступая главное место в жизни сына его избраннице.

Стайка оживших кадеток, во главе с матушкой Тмирной и Олифанией, набросилась на счастливую невесту, засыпала названую сестру поздравлениями, пожеланиями и ободряющими взглядами. Все знали, как непросто пришло счастье к их сирене.

– А можно задать личный и даже немного нескромный вопрос? – вдруг поинтересовалась настоятельница монастыря Святой Тишины. – Чем вы собираетесь заниматься примерно через годик после свадьбы?

– Нянчить сына, – опередил Тэрлину разбойник, и у всех присутствующих на миг исчез дар речи.

– Извини, – понимающе смотрела на него старшая тихоня, – вопрос и правда был несколько бестактным. Но сирена, тем более прошедшая обучение у цветка жизни, не сможет заниматься только детьми и домом. Это ее будет угнетать, необходимость сдерживать дар начнет портить характер и отравлять жизнь.

– И что вы предлагаете? – чуть покладистее осведомился Дирард, крепче прижимая к себе любимую, словно истерика у нее должна начаться прямо сейчас.

– Подумай о том, как удачно сочетаются ваши способности, – мягко улыбнулась Тмирна. – в тебе все растет потребность исцелять, и с каждым днем она будет все сильнее. Неплохо бы заранее позаботиться об открытии королевского лазарета, которым ты сможешь руководить.

– А моя жена начнет петь для пациентов? – Голос разбойника вмиг стал ледяным ядом.

– Можно устроить так, что ее никто не увидит, – поспешил вмешаться Вирденс и проницательно глянул на настоятельницу: – А у вас какой интерес в этом лазарете?

– Мы собираемся просить герцога Дирарда Шаграйна разрешения открыть в Элайне небольшое отделение нашего монастыря, без паломничества и проповедования. Только несколько сестер, чтобы записывать мудрые слова Святой Тишины и передавать нам ее пожелания. За это мы будем посылать на помощь лазарету одаренных травниц и целительниц.

– Что? – нахмурился ведьмак, но невеста вдруг дернула его за руку:

– Не отказывай, пожалуйста. Там ведь много места, а монахини очень тихие и трудолюбивые. Но главное, об этом просит не только монастырь. И еще... прости, не хотелось тебя огорчать, но настоятельницей того

отделения могу быть только я. Поэтому Тмирна и завела этот разговор сейчас.

– Спасибо, девочка, – светло улыбнулась ей монахиня и огорченно вздохнула: – Я очень надеялась, что тебе не придется этого объяснять.

– И зря надеялась, – сверкнул глазами разбойник, – моя жена будет сообщать мне все и сразу. А запрещать ей общаться с цветком и твоими сестрами я никогда не собирался. И в Элайн Тэри может ходить в любой момент, когда захочет.

Рассказывать всем, что в ближайшие месяцы они собираются там жить, он не счел нужным.

– Мы тоже хотели бы поговорить с матерью древней, – подал голос Иридос, и Рад ответил ему укоризненной улыбкой:

– Ир, не зли.

– Это мои слова, – шутливо надулся дракон и резко перешел на деловой тон: – Тогда давайте решим вопрос, ради которого мы собрались. Всем вам известно, сколько плато потратило времени и сил, чтобы помочь Тальзии сбросить почти затянувшуюся петлю всеобщего рабства, и, как вы помните, мы изначально не требовали за это никаких наград.

– Но мы не могли не догадываться, что у нас есть вещи, интересующие плато, – уверенно кивнул напарнику Дирард. – И не все они измеряются в золоте, хотя не менее важны. Доверие к магам и вашим целителям, зельям, амулетам, порталным браслетам и почтовым капсулам, возможность для маглоров проходить тут практику. Ну и, разумеется, все права для оборотней, на гражданство, свободное проживание и защиту. Все эти желания разумны и законны, и я готов помочь вам написать указ. Но, как мне известно, у вас есть особые предложения.

– Да, – подтвердил старший магистр Дэгерс. – Хотя они исходят не из наших интересов, а из заботы о вашей безопасности. Нам стало известно о намерении королевы Зантарии в самом крайнем случае отказаться от власти и сбежать в Ардаг, и мы считаем, что в тот момент она была права, выбрав сыновей между королевским тронem и жизнью своих детей. И хотя сейчас опасность миновала, никто не может поручиться, что в будущем не вылезет откуда-нибудь сумасшедший черный маг или властолюбивая ведьма вроде той, которая устроила заговор в Ардаге и искалечила судьбы тысяч людей.

– Ох, боги, – побледнела королева, искренне считавшая, что за проливом жизнь намного спокойнее и безопаснее.

– Именно поэтому мы предлагаем вам изменить способ правления Тальзией. Не слишком кардинально, короли никуда не денутся, но больше

не будут править единолично, чтобы их трон перестал быть таким притягательным для всяких негодяев. Вся основная тяжесть власти ляжет на совет, куда будут входить самые преданные и надежные подданные короля. И знатность не будет иметь главного значения при избрании советников, среди простолюдинов немало достойных этого поста людей. А для того чтобы никто не усомнился в справедливости выбора, в совет войдет магистр с ментальным даром, который будет сразу выявлять всех непорядочных и лгунов.

– Как это?.. – растерялась ее величество, ее взгляд заметался между магами и подданными, но неожиданно вмешался Сенарг:

– Это очень хороший выход. А первые советники у тебя... простите, ваше величество, у вас, уже есть, почти все они здесь. Пригласить еще несколько глав надежных знатных домов – и спорить с этим указом будет некому. Всем остальным, кто по принуждению или по глупости ввязался в мятеж, теперь остается только помалкивать и мечтать, чтоб не наказали слишком строго.

– Вы очень точно поняли суть нашего предложения, ваше величество, – одобрительно улыбнулся ему Дэгерс и достал лист бумаги с королевскими вензелями и печатями. – Мы заранее подготовили основной текст указа и готовы помочь вашим советникам написать более подробный. Подпишете или будете читать?

– Я просмотрел, – коротко сообщил матери Дирард, – можно подписывать.

– Я тоже читала, – призналась Фанья, – и полностью согласна. Как только ваши величества разделят власть между советниками, охотиться на трон станет бессмысленно. Нового короля тоже утверждает совет, выбирая самого достойного из кровных родственников, и значит, никакие хитрости не помогут самозванцу захватить власть. Кстати, отмене этот указ не подлежит.

– А на решение всех сомнительных вопросов у вас будет три месяца, – добавил Иридос, почувствовав колебания королевы, и это заявление решило судьбу страны.

Зантария не читая поставила свою витиеватую роспись и подвинула лист мужу.

– Кстати, первым пунктом там сообщение о заключении вашим величеством святого союза с герцогом Сенаргом Шаграйном и о признании его законным королем, – небрежно, словно о чем-то второстепенном, сообщила Фанья.

– А вот это событие следует отпраздновать очень широко, – веско

произнесла Тмирна. – Выставить народу щедрое угощение и устроить фейерверки. Думаю, маги вам помогут.

– Может, не стоит?.. – еще сомневалась Зантария, уже точно зная, насколько это необходимо.

Не завтра, нет. Нужно дать людям пару-тройку дней на подготовку и ожидание. Да и ритуал необходимо продумать, и платье...

– Мы все сделаем, – твердо пообещал Дэгерс, даже не ожидавший, что властная королева сдастся так быстро, и мягче добавил: – А сейчас нам пора в зал, показать народу, как мы возвращали золото.

На этот раз магистры не стали долго мучить зрителей, и без того ошарашенных новым королевским указом. Просто показали в туманном шаре тяжелогруженные суда, выходящие из маленькой бухточки, берег которой принадлежал одному из главарей чернокнижников. Дэгерс пояснил, что злодеи решили отправить золото в Торем. Там его легче спрятать в одной из пещер или в песках Хинсарской пустыни, а после затаиться в одном из небольших ханств и жить безбедно.

– Но мы не собирались им это позволять, – сурово заявил маг, – и решили действовать их собственным способом.

С ясного неба ринулась на убегавшие шхуны небольшая темная тучка, окатила коротким ливнем, покружилась вокруг хищной птицы и приказала отправляться в Агезо. И корабли покорно свернули к Идрийсу. Бегал по палубе, бесновался пузатенький человечек, на которого не подействовало пролившееся из тучи вместо дождя зелье повиновения, но помешать ставшим глухими матросам уже не мог. Потом он от отчаяния попытался разбить какой-то фиал и тотчас, рухнув на палубу, уснул непробудным сном.

Многие гости признали в нем довольно известного лекаря, год назад продавшего лечебницу и уехавшего в деревню. Тогда горожане жалели об его отъезде, а только теперь наконец осознали, как чудовищно и просто их обманывали, подсовывая вместо лекарств подлые зелья.

– Сегодня Тальзия празднует избавление от черных алхимиков, – веско объявил Дэгерс, когда взбудораженная публика немного утомилась, – а через три дня – ритуал святого союза королевы Зантарии Риталены Селваронской и герцога Сенарга Шаграйна.

Дирард свою свадьбу намеревался устроить уже завтра, в Архане, и потому пригласил только самых надежных друзей. Ну и подруг Тэрлины с мужьями, еще немного оглушенными свалившимися на них званиями советников.

А сегодня счастливые жених с невестой собирались уйти в Элайн, куда магистры должны были привести маркиза Дарве Ульгера с семьей. С собой Диранд позвал только герцога Карланта Тионнского с женой, пообещав вернуться в королевский дворец к вечернему салюту.

– Вот и ты нашла свое счастье, – тихо вздохнула Октябрина, помогая Тэрлине укладывать волосы, выращенные магией Гайленой. – А я какая-то несчастливая.

– Прости, Окти, – жалея, что дала Бетриссе обещание молчать, осторожно проговорила сирена, – но я сама видела, как сегодня к тебе то и дело подводили познакомиться очень завидных женихов.

– Но никто из этих «завидных» не догадывался, что, едва услышав имена, я сразу вспоминаю перечень их подвигов и точное описание характера и привычек, – едко фыркнула герцогиня.

– Зато они красивые, высокие и не рыжие, – не удержалась Тэри.

– Не напоминай мне о нем... рыжий одуванчик! Налетел, смутил и исчез!

– Ты же хотела, чтобы он не показывался тебе на глаза? – Сирена засомневалась в верности решения Бетриссы. – Наверняка он об этом догадался. Или кто-то намекнул. Вот и не хочет тебя больше сердить. А среди гостей далеко не все такие уж беспутные и с плохими привычками.

– Возможно, – кисло согласилась Окти, помолчала и с тоской выдохнула: – Но он ведь все испортил, этот рыжий клоун, своей сумасшедшей влюбленностью! Я теперь всех сравниваю с ним, жду от них такого же обожания, таких же счастливых глаз... как внезапно выяснилось, именно этого мне всегда и хотелось. А они такие высокие и уверенные, внимательные и обходительные... но просто ледяные по сравнению с рыжим!

– Окти, – сделала последнюю попытку Тэрлина, взглядом выпроводив заглянувшую в комнату Кателлу, – я все это понимаю. Но ведь если он решится снова к тебе подойти, ты опять его оттолкнешь. А это очень больно... даже рыжим.

– Ты хочешь сказать, – немедленно насторожилась герцогиня Сарнская, – что он где-то здесь и не показывается мне на глаза?

– Почему не показывается? – сдаваясь, вздохнула сирена. – Он все время неподалеку. Но ты не ответила на мой вопрос – зачем тебе нужно, чтобы он подходил? Любительницей помучить поклонников ты как будто никогда не была.

– Я хотела бы понять... – медленно начала Октябрина и вдруг бросила расческу и сердито стукнула кулаком по стенке: – Кого я обманиваю?! Да,

мне хочется еще хоть раз испытать это чувство, когда на меня смотрят с щенячьим обожанием! И я понимаю, нет, просто точно знаю, что вряд ли когда-нибудь на меня так посмотрит еще кто-то другой. Глупо, да? Но я ведь в душе уже смирилась, что он рыжий! И даже нашла в этом пользу – зато он не потеряется в толпе. Интересно, как ему удастся прятаться?

– Он не прячется, Окти, – наконец приняла решение Тэрлина. – Он открыто сидит неподалеку. Только взгляд опускает, когда ты смотришь в его сторону. И найти в толпе Мишеле легко, хотя он теперь не рыжий. Но граф не красил волосы... это седина.

– Откуда... – Октябрина вдруг побледнела и не глядя опустила на диванчик. – Рассказывай, я же вижу, что ты все про него знаешь.

– Мы все знаем. Но решили тебе не говорить, чтобы ты не сломала себе жизнь из-за жалости. В тот вечер Бризен напоил его вином, куда добавил зелье повиновения, и увел из Беленгора. Оказывается, Тимул шпионил на чернокнижников и думал, что Мишеле может рассказать о нас его хозяевам что-нибудь важное. Но Хангро ничего не сказал... хотя его пытали. К Бетриссе принесли калеку, и она долго мучилась, раздумывая, как поступить, потом написала мне. Мимо тебя его тайком пронесли древни, а цветок вылечил все раны. Только цвет волос не вернул, Мишеле не захотел. И с лица шрамы не дал убрать, но маги надеются, что он передумает.

– Обязательно передумает, – с угрозой пообещала Октябрина и решительно вскочила с места. – Теперь я знаю, про кого ты говоришь, пару раз этот мошенник не успел отвести взгляда.

– Бет! – крикнула она, выскакивая в гостиную. – Закончи Тэри прическу, у меня появилось срочное дело.

Пролетела мимо изумленно распахнувших глаза подруг, наряжавших Августу, с трепетом ожидавшую встречу с родителями мужа, и вскоре уже стояла у входа в зал.

Никакого плана у Октябрины не было, да и слов, которые она скажет упрямому рыжику, герцогиня не приготовила. Надеялась, что они найдутся сами, когда она увидит глаза Мишеле.

А в том, что он не ушел домой и не бродит по саду или гостиным, кадетка была почти уверена, припомнив по пути, с каким упорным постоянством беловолосый незнакомец со шрамом через все лицо садился почти напротив нее.

И она не ошиблась. Хангро и сейчас сидел на полукруглом диванчике в одной из ниш почти опустевшего зала, где бродили лишь наводившие порядок слуги да изучавшие гобелены провинциалы.

На дверь граф не смотрел, задумчиво катал по блюду фиолетовую сливу, и его изуродованное лицо кривилось в горькой, полной безнадежности гримасе приговоренного к пожизненной каторге.

Октябрина ожидала увидеть все что угодно, но не такое откровенное проявление душевной боли, и оно неожиданно отозвалось в сердце стыдом и раскаянием. И теперь она отчетливо понимала, какие слова нужно сказать Мишеле. Но пока сомневалась, захочет ли он теперь ее слушать.

Хангро заметил ее, когда Октябрина прошла почти половину разделявшего их расстояния, и пару секунд сидел, неверяще хмурия брови. Потом медленно поднялся, сделал шаг навстречу и замер, не зная, имеет ли на это право. Ведь она же не обещала ему свидания и вообще не должна была знать, где он находится.

– Добрый день, – кивнула Октябрина, подойдя почти вплотную, и, почувствовав, как дрогнул от волнения голос, поспешила сесть напротив того места, где до этого сидел Мишеле.

Попутно девушка отметила, что этот новый, беловолосый и изуродованный граф Хангро стал одного с ней роста, но теперь эта новость не вызвала у нее никаких чувств. Цветок и не на такое способен и легко мог бы сделать Мишеле жгучим брюнетом-красавцем. Но Октябрина за эти дни вдруг осознала, как смешны и по-детски наивны были ее мечты о высоком красавце с роскошной гривой и плечами молотобойца.

– Ваша светлость позволит мне удалиться? – тихо спросил Мишеле, невероятно разозлив Октябрину своим дурацким вопросом.

– Разумеется, нет, – отказала она, сразу перестав волноваться и сомневаться, и почти приказала: – Садись.

Он покорно сел, опутив взгляд на блюдо с фруктами, и молчал до тех пор, пока это не стало неприличным. А потом поднял взгляд и обомлел, рассмотрев текущие по прекрасному лицу блондинки слезы.

– Ваша светлость... – В голосе Хангро прорвались тревога и отчаяние, а в зеленых глазах вскипела неистовая тоска.

– Не смей думать, будто я пришла сюда из жалости! – Окти нарочно говорила так, будто между ними уже нет никаких правил этикета, не желая, да и не умея кокетничать долго и со вкусом, как придворные прелестницы. – Хотя и очень сожалею о случившемся с тобой... но точно так же, как жалею всех рабов, калек и детей, прошедших мимо меня в пещерах. Но им я не разрешала звать меня просто Октябриной, приглашать на свидания и дарить цветы. А тебе разрешаю.

– Октябрина... – еще недоверчиво произнес он, спеша воспользоваться разрешением, – ты простила меня за ту выходку?

– Думаю, когда-нибудь это будет одна из самых любимых историй, – стирая последние слезинки, лукаво улыбнулась герцогиня Сарнская, любуясь расцветающим в зеленых глазах неудержимым счастьем, – которые мы будем рассказывать своим внукам.

– Куда она так помчалась? – поинтересовалась, входя в комнату, герцогиня Лаверно.

– Искать Мишеле, – созналась сирена и расстроено шмыгнула носом. – Я не выдержала и рассказала ей.

– Ну и правильно сделала, – успокоила ее Бетрисса. – Все-таки в таких делах каждый должен сам принимать решение.

– Вы тут скоро? – появился из портала разбойник и тотчас нахмурился: – Что случилось? Кто ее обидел?

– Никто, – с откровенной нежностью улыбнулась ему Тэрлина и, рассмотрев, как потемнели глаза жениха при виде волны ее распущенных волос, решительно отобрала у Бет гребень. – Не хочу прическу, отвыкла. Подай, пожалуйста, вот тот жемчуг, просто перевью.

– И правильно, – одобрил жених, наблюдая за этим действием, потом не выдержал, подошел ближе и отнял у любимой нитку бус. – Давай помогу. До сих пор жалею, что пришлось отрезать. Но больше никому не позволю и волосинку тронуть.

Оглянулся на Бетриссу и, убедившись, что она понятливо исчезла, довольно фыркнул. Все-таки это была хорошая идея – устроить училище для самых сообразительных девушек, хотя поначалу он и очень сомневался. Да и потом, когда пришлось упорно изображать из себя толстокожего и вредного сухаря, тоже порядком натерпелся. Но зато сумел научить их выживать и бороться, но самое главное – ценить в окружающих не кичливую роскошь и блестящие камушки, а искренние чувства.

– Интересно, чему ты так довольна улыбаешься? – не выдержала Тэрлина, наблюдавшая в зеркале за лицом любимого.

– Радуюсь, – вмиг оказавшись рядом, стиснул ее в объятиях жених, – что больше не придется по утрам водить по стенам толпу злобно сопящих девиц, когда хочется гулять там только с одной и по лестнице носить ее на руках.

И это тоже было правдой, как и растущее понимание, что лазарет он все же откроет... немного погодя. И Тэри будет ходить туда вместе с ним, теперь они всегда и везде будут вместе, и детей будут воспитывать тоже вдвоем. Он очень хорошо помнит, как обидно однажды обнаружить, что ты совершенно не нужен собственному отцу.

– Я согласна, – светло улыбаясь, шепнула сирена и неожиданно попросила: – Только не по лестнице. Мне всегда хотелось пролететь над двором по тому тросу.

– Там можно прицепить кресло, – на миг смутился Рад, не ожидавший, что кадетки знают его секрет, – и кататься сколько угодно... только со мной.

– Согласна. А ты откроешь мне тайну Элайна? Кто там все же убирал и откуда брались кушанья?

– Все просто, – засмеялся разбойник и не выдержал – снова поцеловал любимую, хотя давал себе слово потерпеть до вечера, – это был Годренс. Убирал особым заклинанием, а еду приносил из своего дома на западе Ардага, там у него живет пара слуг и повар. Но об этом он сам тебе когда-нибудь расскажет, а теперь пора идти. Некрасиво заставлять родителей волноваться... да и я хочу получить наконец законное право надеть тебе на руку свой браслет.

Тэри только согласно кивнула – он, как всегда, прав, ее самый смелый, внимательный и нежный разбойник.